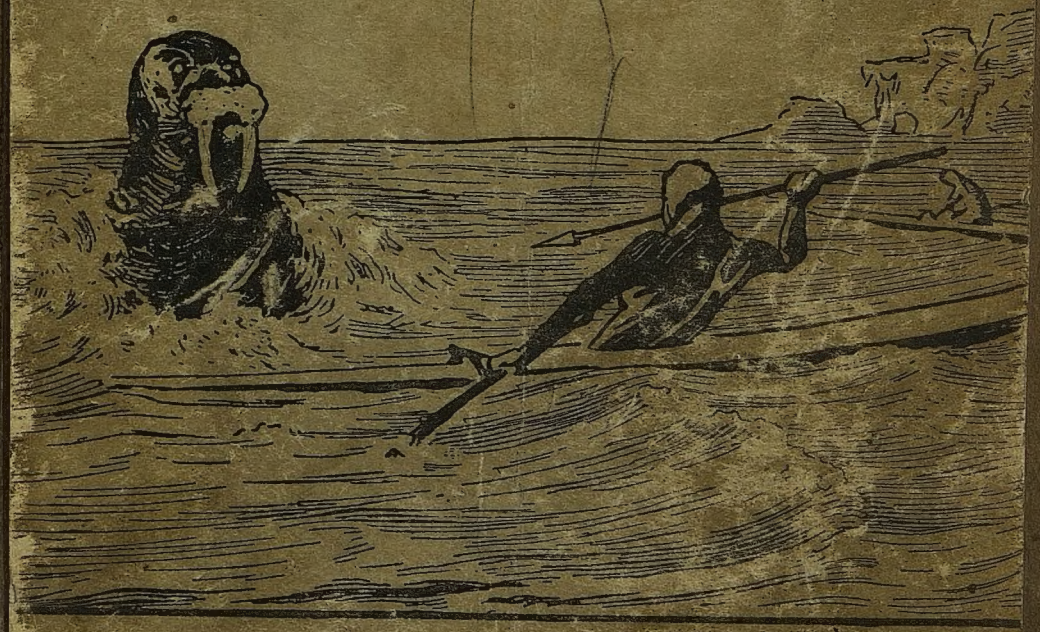
"Раритет"
отдела
ский Север"
91(98)
Н 25.

РАЗСКАЗЫ О РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ и НАРОДАХЪ

ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ

НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ



СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ
О. Н. ПОПОВОЙ

вера.
181457

Изданіе
О. Н. Поповой

С.-Петербургъ
Гороховая, 51

910
I Я26
на

С91(98)
Н25

РАЗСКАЗЫ О РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ и НАРОДАХЪ

914:39
Н25

ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВЪ

Архангельская Областная БИБЛІОТЕКА
1814487

Сокращенный переводъ
О. Н. Поповой

1948

Съ 17 рисунками.

Изданіе второе

1966 г.

Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущено въ учительскія, средняго и младшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

3087ж
Кабинет Севера.
1955

Изданіе Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

91(988)

2010 1995 2002

Типо-литографія „Энергія“, СПБ., Загородный просп., 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стр.
Предисловіе		*Фр. Нансена*	7
Глава	I.	Гренландія и эскимосы	10
„	II.	Внѣшній видъ и одежда	14
„	III.	Каякъ и принадлежности каяка	19
„	IV.	На каякѣ въ открытомъ морѣ	28
„	V.	Зимніе дома, шатры, женскія лодки и кочевка . .	39
„	VI.	Кушанье и лакомства	43
„	VII.	Характеръ и общественныя отношенія	47
„	VIII.	Положеніе и работы женщинъ	52
„	IX.	Любовь и бракъ	57
„	X.	Нравственность	61
„	XI.	Правосудіе, барабанная пляска и удовольствія. .	67
„	XII.	Искусство, музыка, поэзія.—Разсказъ туземца . .	69
„	XIII.	Языческія вѣрованія эскимосовъ	76
„	XIV.	Европейцы и туземцы	87

Фритьофъ Нансенъ — уроженецъ Норвегіи, отважный путешественникъ, который задался цѣлью проникнуть къ сѣверному полюсу. Онъ снарядилъ судно „Фрамъ", на которомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими мужественными товарищами, отправился на крайній сѣверъ. Тамъ онъ провелъ три года и пробрался ближе къ сѣверному полюсу, чѣмъ какой-либо другой путешественникъ. Кто не читалъ его путешествія, можетъ познакомиться съ нимъ по книгамъ „Во мракѣ ночи и во льдахъ" или по сокращенному изложенію: „Герой полярной ночи" [1]).

До своей поѣздки къ сѣверному полюсу, Нансенъ посѣтилъ далекую Гренландію и прошелъ ее всю поперекъ, съ восточнаго берега до западнаго. Путешествіе по материковому льду, черезъ громадныя ледяныя горы и глубокія трещины, было очень опасно. Уже тогда Нансенъ познакомился съ эскимосами и очень полюбилъ этотъ кроткій народъ. Позднѣе онъ еще разъ побывалъ въ Гренландіи и затѣмъ издалъ книгу, въ которой передаетъ свои впечатлѣнія, разсказываетъ о бытѣ, жизни и занятіяхъ эскимосовъ, живущихъ въ Гренландіи. На самой южной оконечности этой земли, около мыса Фаруэль (по-англійски — „прощай" или „добраго пути"), находится поселокъ европейцевъ — датчанъ, которые ввели въ эту страну свою культуру и христіан-

---

[1]) *Фритьофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Полный перев. съ англ. Н. Березина. Съ многочисл. иллюстр. 2 тома. Спб. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 2 руб.— О. Н. Попова. Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ. Съ рисунками. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библ. низшихъ учебн. заведеній. Ц. 50 к.*

ство. Впрочемъ, первымъ миссіонеромъ былъ норвежецъ, Гансъ Эгеде.

Жизнь и обычаи каждаго народа представляютъ несомнѣнно интересъ; еще болѣе занимательно познакомиться съ такимъ народомъ, который жилъ и боролся съ природой совершенно самостоятельно, своимъ умомъ придумывалъ себѣ орудія борьбы и снаряды для охоты за тѣми звѣрями, которые были необходимы для его существованія. Эскимосы представляютъ изъ себя яркій примѣръ такого отважнаго народа. Они поражаютъ насъ еще своимъ мягкимъ и уступчивымъ характеромъ, веселымъ нравомъ, несмотря на тяжелыя условія жизни.

Въ предлагаемой книжкѣ я попыталась изложить все самое интересное, что написано въ книгѣ Фритьофа Нансена, чтобы дать возможность познакомиться съ нею болѣе широкому кругу читателей.

О. Попова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣлую зиму мы провели, отрѣшенные отъ всего прочаго міра, исключительно среди гренландцевъ. Я жилъ въ ихъ хижинахъ, трудился вмѣстѣ съ ними и старался по возможности изучить ихъ языкъ и вникнуть въ самое существо ихъ жизни. Но одна зима оказалась слишкомъ короткой, чтобы изучить этотъ замѣчательный народъ, постичь его культуру, углубиться въ его умственную жизнь. Для этого требуется болѣе долгій срокъ и болѣе серьезное изученіе. Тѣмъ не менѣе, я постарался въ этой книгѣ передать свои впечатлѣнія о жизни эскимосовъ, придерживаясь, насколько это возможно, другихъ изслѣдователей гренландской жизни. Есть вещи, которыя скорѣе бросаются въ глаза вновь прибывшему, чѣмъ многолѣтнему изслѣдователю, который производитъ свои наблюденія изо дня въ день.

Найдутся, вѣроятно, люди, которые не согласятся со мною въ томъ, что я позволяю себѣ искренно жалѣть этотъ вымирающій народъ, который погибаетъ отъ соприкосновенія съ нашей цивилизаціей; но я утѣшаю себя тѣмъ, что положеніе эскимосовъ отъ этого не ухудшится, а другіе люди почерпнутъ изъ моихъ замѣчаній нѣкоторую пользу и отнесутся къ нимъ снисходительно. Правда прежде всего! Если читатель иногда удивится тому, что здѣсь написано, то я впередъ извиняюсь передъ нимъ; но я отъ души полюбилъ этотъ народъ, а для этого одной зимы вполнѣ достаточно.

Просиживая длинные темные вечера въ ихъ хижинахъ, освѣщенныхъ маленькой лампочкой, я имѣлъ достаточно времени разобраться въ своихъ мысляхъ. Мнѣ казалось иногда, что я вижу этихъ дѣтей природы медленно движу-

щимися шагъ за шагомъ въ своихъ санкахъ, запряженныхъ собаками, или въ лодкахъ, обтянутыхъ шкурами, по направленію съ далекаго запада. Я видѣлъ, какъ они пробивали себѣ дорогу при помощи удивительно остроумныхъ приспособленій; видѣлъ, какъ они понемногу превращались въ самыхъ отважныхъ мореплавателей. Проходили столѣтія и тысячелѣтія; одно поколѣніе погибало за другимъ въ борьбѣ съ природой, и только самые сильные оставались побѣдителями. Я не могъ не проникнуться уваженіемъ къ столь отважному народу.

Но рядомъ съ дивными картинами прошлаго возникали картины настоящаго и будущаго и рисовались мнѣ въ самомъ безнадежномъ и мрачномъ свѣтѣ.

Въ Гренландіи эскимосы впервые познакомились съ европейцами. Сюда пріѣхали наши предки норвежцы, но были побѣждены эскимосами. Когда мы вновь вернулись къ нимъ, на этотъ разъ съ продуктами нашей цивилизаціи, они должны были намъ покориться, и съ той поры жизнь ихъ пошла подъ гору. Люди привыкли говорить объ этомъ спокойно, пожимая плечами. Между тѣмъ у эскимосовъ—такія же потребности, какъ и у другихъ людей. Они любятъ жизнь, любятъ свою природу, любятъ своихъ дѣтей; ихъ преданія краснорѣчиво говорятъ о ихъ добрыхъ человѣческихъ чувствахъ.

«Знаменитый охотникъ съ острова Алюкъ,—говорится въ одномъ народномъ сказаніи,—около восточнаго прибрежья, такъ любилъ свою родину, что не покидалъ ея даже лѣтомъ. Онъ каждое утро съ особеннымъ восторгомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ солнце вставало изъ нѣдръ моря. Однажды одному изъ его сыновей удалось уговорить его поѣхать на западъ. Когда они отъѣхали настолько далеко, что солнце появлялось не изъ-за моря, а изъ-подъ земли, отецъ приказалъ все приготовить для обратнаго пути. Вернувшись на островъ Алюкъ, они разбили тамъ шалашъ. На слѣдующее утро передъ разсвѣтомъ старикъ отправился на морской берегъ; сперва родные слышали его радостные возгласы, но потомъ все затихло, и когда они поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, то увидѣли, что въ ту минуту, когда солнце

показалось изъ-за горизонта моря, старикъ упалъ на землю. Онъ умеръ. Радость его убила».

Народъ, у котораго существуютъ такіе разсказы, не можетъ быть безчувственнымъ.

Я считаю своимъ долгомъ разсказать о нихъ то, что я наблюдалъ, хотя сознаю, что мое перо не въ силахъ описать все такъ, какъ я бы этого желалъ. Никогда еще я такъ не сожалѣлъ, что не рожденъ поэтомъ. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что вызову хотя у нѣкоторыхъ людей сочувствіе къ судьбѣ эскимосовъ и печаль о ихъ неизбѣжной погибели.

Фритьофъ Нансенъ.

Готхабъ, Лизекеръ.
Ноябрь 1891 года.

Глава I.

Гренландія и эскимосы.

Гренландія самымъ тѣснымъ образомъ связана съ нашею страною (Норвегіей) и нашимъ народомъ. Предки наши были первые европейцы, которые пріѣхали въ эту страну. Смѣлые викинги на своихъ тяжелыхъ судахъ совершили этотъ опасный переѣздъ, пробиваясь сквозь плавучія льдины въ эту далекую снѣжную страну, поселились тамъ и завладѣли страной, сдѣлавъ изъ нея достояніе Норвежскаго государства. Затѣмъ приливъ норвежцевъ сюда внезапно прекратился, и даже позабылось о существованіи этой норвежской колоніи. Позднѣе эта холодная страна была вновь открыта, опять-таки норвежцемъ, по порученію одного ученаго общества, послѣ чего здѣсь вновь началась европейская колонизація.

Бѣдна та страна, которую мы отняли у эскимосовъ; бѣдна она золотомъ и дремучими лѣсами; она пустынна, удалена отъ всего міра и не похожа ни на одну страну, обитаемую европейцами. И все-таки она хороша, несмотря на свою бѣдность. Да, если Норвегія красива, то Гренландія не менѣе красива, чѣмъ Норвегія. Кто хоть разъ увидѣлъ ее, тотъ никогда ея не забудетъ! Я не знаю, чувствуютъ ли это другіе, но для меня воспоминанія объ этой странѣ сливаются съ восхитительною прелестью сказочнаго міра моего ранняго дѣтства; тамъ, въ Гренландіи, я увидѣлъ картины природы своей родины, но онѣ отличались болѣе ясной и строгой красотой.

Дикая природа сѣвера напоминаетъ древнее сказаніе, въ которомъ, несмотря на суровость тоновъ, на холодные переливы вѣчнаго льда и снѣга, встрѣчаются необыкновенно мягкіе мотивы, напоминающіе дивное стихотвореніе. Эту

страну можно сравнить съ холодною сталью, на которой сверкаетъ солнечный лучъ всѣми переливами радуги.

Всякій разъ, когда я вижу поля, покрытыя снѣгомъ, и горы съ ледяными вершинами, мои мысли устремляются въ Гренландію, гдѣ снѣжная пустыня еще необозримѣе, и гдѣ ледяныя вершины скатываются въ море, покрытое плавучимъ льдомъ и цѣлыми глыбами ледяныхъ горъ. Когда я слышу громкія похвалы быстрому росту нашей культуры, великимъ дѣяніямъ знаменитыхъ людей, я мысленно переношусь къ далекимъ снѣжнымъ пространствамъ, которыя разстилаются, бѣлыя и неподвижныя, отъ одного моря къ другому и которыя погребли подъ собою когда-то плодородныя долины и горы. Быть можетъ, и нашу страну покроютъ когда-нибудь такіе же вѣчные снѣга и льды.

Въ этой странѣ все необыкновенно просто и въ то же время величественно: бѣлый снѣгъ, синій ледъ, темныя, голыя скалы, бушующее и ревущее море. Когда я вижу ясный закатъ солнца, которое исчезаетъ за сверкающею поверхностью моря, я вспоминаю эту страну, гдѣ на высокихъ снѣговыхъ горахъ при такомъ же закатѣ сверкаютъ и переливаются яркія, волшебныя краски. Когда мнѣ случается подниматься на высокія горы моей родины, гдѣ пасутся стада коровъ, и построены домики для молочнаго хозяйства, я невольно думаю о хижинахъ эскимосовъ, о цѣлыхъ стадахъ оленей, которые пасутся около бухтъ и по склонамъ горъ Гренландіи, о лугахъ, болотахъ, долинахъ и рѣкахъ той горной мѣстности, въ которой эскимосъ проводитъ свое короткое лѣто. Ничто на свѣтѣ не можетъ сравниться съ чудною полярною ночью, освѣщенною сѣверными сіяніями; она напоминаетъ таинственное дыханіе самой природы.

Эта страна производитъ необыкновенное впечатлѣніе на душу человѣка, а народъ, обитающій въ этой странѣ, невольно приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Эскимосы, болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ, принадлежатъ морю; они являются исключительно прибрежными жителями. Эскимосъ живетъ около моря и въ немъ находитъ себѣ пропитаніе; море даетъ ему все, въ чемъ онъ нуждается, и всѣ свои поѣздки онъ совершаетъ исключительно по морю;

лѣтомъ онъ ѣздитъ въ своихъ лодкахъ, обтянутыхъ шкурами, зимой на санкахъ, запряженныхъ собаками. Море играетъ въ жизни эскимосовъ самую главную роль, поэтому неудивительно, что и душа эскимоса похожа на это море, и въ ней также часто происходятъ смѣны настроеній: она сурова во время бури и весела, когда свѣтитъ солнце и когда море спокойно. Эскимосъ—сынъ моря, легкомысленный и веселый, какъ игривая волна, но подчасъ онъ бываетъ и мраченъ, какъ бушующая стихія. Его духовный міръ напоминаетъ душу ребенка; впечатлѣнія весьма быстро мѣняются и стушевываются. Прошла непогода—и море успокоилось и ничѣмъ не напоминаетъ недавно шумѣвшую грозную бурю.

Блага этого міра распредѣлены очень неравномѣрно. Если нѣкоторымъ и удается смолоду посадить большое хлѣбное дерево и питаться во всю послѣдующую жизнь его плодами, то другимъ какъ будто отказано во всемъ и дарована лишь сила къ борьбѣ; этимъ людямъ приходится шагъ за шагомъ отвоевывать у природы то, что имъ необходимо для существованія. Человѣчество въ своей непрестанной борьбѣ съ природой поставило такіе народы на самыхъ отдаленныхъ передовыхъ постахъ цивилизаціи. На такомъ отдаленномъ посту стоятъ эскимосы, которые изо всѣхъ живущихъ народовъ—самые необыкновенные. Они самымъ яркимъ образомъ доказываютъ способность человѣка приноровиться ко всѣмъ возможнымъ обстоятельствамъ и, вопреки всякимъ преградамъ, распространиться по землѣ. Эскимосъ ближе всѣхъ живетъ къ сѣверу, лицомъ къ лицу съ мертвой тишиной вѣчнаго льда, и, какъ бы далеко мы ни проникали къ сѣверному полюсу, мы до сихъ поръ все еще находили слѣды пребыванія тамъ этого народа, столь необыкновенно приспособленнаго къ борьбѣ съ природой.

Эскимосъ взялъ для себя тѣ земли, отъ которыхъ пренебрежительно отвернулось все прочее человѣчество. При постоянной борьбѣ и медленномъ развитіи, онъ научился большему, чѣмъ другіе народы. Тамъ, гдѣ для нихъ прекращается всякая возможность существованія, тамъ начинается царство эскимосовъ. Они любятъ свою страну, для нихъ она — цѣлый міръ, гдѣ эскимосъ является «человѣ-

комъ», и вдали отъ этой страны онъ неминуемо долженъ погибнуть. Этому народу я посвящаю свою книгу и постараюсь разсказать то, что о немъ знаю.

Насколько эскимосъ своимъ внѣшнимъ видомъ, строеніемъ своего тѣла и остроумными приспособленіями къ той средѣ, гдѣ онъ вращается, рѣзко отличается отъ другихъ народовъ, настолько же отдѣльныя племена эскимосовъ похожи другъ на друга. Эскимосъ, живущій у Берингова пролива, такъ похожъ на эскимоса Гренландіи и на эскимоса, живущаго на Аляскѣ, что никто ни на минуту не можетъ сомнѣваться въ томъ, что они принадлежатъ не одному племени. Полоса земли, занимаемая теперь эскимосами, простирается отъ Берингова пролива черезъ Аляску по самой сѣверной части Сѣверной Америки и по тѣмъ островамъ Сѣвернаго океана, которые принадлежатъ къ этому континенту, до западнаго и восточнаго береговъ Гренландіи.

Многіе ученые занимались изслѣдованіемъ нравовъ и обычаевъ эскимосовъ и высказывали самые противоположные взгляды относительно ихъ происхожденія. Теперь признано, что эскимосы представляютъ очень старую народность, которая сперва была очень немногочисленна и только въ позднѣйшее время распространилась по тѣмъ землямъ, которыя они теперь занимаютъ. Свою домашнюю утварь и орудія для охоты они, повидимому, вывезли изъ Америки, такъ какъ первоначально эскимосы занимали внутренность Аляски. Кромѣ того, ихъ обычаи и преданія имѣютъ очень много общаго со сказаніями и обычаями индѣйцевъ.

Когда именно эскимосы поселились въ Гренландіи, это трудно установить; жили они сперва гораздо сѣвернѣе и только впослѣдствіи спустились на южную половину Гренландіи. Первыя точныя свѣдѣнія, собранныя профессоромъ Стормомъ, указываютъ на то, что эскимосы жили въ Гренландіи уже въ XII столѣтіи.

Въ сказаніяхъ эскимосовъ говорится о тѣхъ битвахъ, которыя происходили между ними и норвежцами, но въ этихъ же сказаніяхъ упоминается и о мирныхъ общеніяхъ съ иностранцами. Миролюбивый характеръ эскимосовъ вообще не допускаетъ мысли о томъ, чтобы они могли вести жестокую

оборонительную войну; и если первые норвежскіе колонисты погибли, то это случилось по какимъ-нибудь другимъ причинамъ.

Для того, чтобы придти въ Гренландію, эскимосы должны были перейти Смитовъ проливъ и затѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, поднялись къ сѣверу Гренландіи и спустились по ея восточному берегу, а по мнѣнію другихъ—спустились на югъ по западному берегу. Въ настоящее время эскимосы живутъ по западному прибрежью Гренландіи до самаго мыса Фаруэль. Число ихъ на Датскомъ прибрежьѣ равняется 10.000. На восточномъ берегу тоже встрѣчали эскимосовъ, но число ихъ очень незначительно. На сѣверѣ Гренландіи путешественники находили слѣды жилищъ эскимосовъ и ихъ разбросанную домашнюю утварь, но самихъ эскимосовъ не видѣли. Весьма вѣроятно, что они уѣзжали куда-нибудь на сѣверъ или на югъ, но чтобы они совсѣмъ вымерли—это мало вѣроятно, такъ какъ эскимосы сами по себѣ очень живучій народъ. Надо полагать, что слѣдующая экспедиція, направляющаяся на сѣверъ Гренландіи, еще найдетъ тамъ разсѣянныя семьи эскимосовъ, которыхъ не коснулась цивилизація, и которые поэтому представятъ бо̀льшій интересъ для ученыхъ.

Глава II.

Внѣшній видъ и одежда.

Теперь, когда я нахожусь вдали отъ этихъ людей и отъ той природы, среди которой я съ ними жилъ, я особенно ярко помню первую встрѣчу съ ними на восточномъ берегу Гренландіи. Я увидѣлъ два смѣющіяся коричневыя лица съ длинными черными волосами на фонѣ голубого льда. Они сіяли отъ внутренняго довольства собою и всѣмъ свѣтомъ и добродушно улыбались, взирая не безъ удивленія на странныхъ незнакомыхъ пришельцевъ. Эскимосъ чистой расы едва ли покажется красивымъ для любого европейца, особенно на первый взглядъ. У него круглое, широкое лицо

съ грубыми чертами, небольшіе темные глаза, расположенные иногда вкось, плоскій носъ, который внизу расширяется, толстыя мясистыя губы, большой ротъ и широкія скулы. Когда ротъ раскрывается для улыбки, то видны два ряда крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ. Вообще его лицо съ сильно развитыми челюстями производитъ впечатлѣніе хорошаго аппарата для жеванія, и когда на него смотришь, то невольно думаешь о хорошемъ сытномъ обѣдѣ. Въ то же время ихъ лица, въ особенности женщинъ, производятъ пріятное, успокаивающее впечатлѣніе. Вспоминая ихъ, я невольно вспоминаю и ясное солнце, и глетчеры, и среди этой обстановки привѣтливыхъ людей съ коричневыми, цвѣтущими, здоровыми лицами.

Эскимосъ.

Къ сожалѣнію, эскимосы очень скоро старѣютъ. Высохшія сморщенныя лица старухъ нельзя назвать пріятными, но и они не лишены извѣстной строгой красоты; на ихъ челѣ лежитъ печать тяжелаго труда и добродушной покорности своей судьбѣ; зато они никогда не выражаютъ той чопорной холодности, которою отличаются многія старыя лица людей другихъ странъ и народностей. Въ Европѣ существуетъ предразсудокъ, что эскимосы вообще невысокаго роста; между тѣмъ, ростъ ихъ средній, а сложеніе крѣпкое и коренастое. Мужчины очень широкоплечи, руки ихъ чрезвычайно мускулисты, ноги же сравнительно коротки и тонки, почему походка ихъ не отличается твердостью. Недостаточное развитіе нижнихъ конечностей объясняется сидячею жизнью въ каякахъ.

Женщины поражаютъ своими узкими бедрами, что объясняется тѣмъ, что у нихъ круглый тазъ, между тѣмъ какъ

у европеекъ кости таза болѣе плоски и широки. Особенно красивы руки эскимосокъ, а также и ноги, замѣчательно маленькія, изящныя. Вообще женщины производятъ очень пріятное впечатлѣніе.

Цвѣтъ кожи эскимосовъ свѣтло-коричневый или сѣровато-желтый, у дѣтей болѣе свѣтлый, чѣмъ у взрослыхъ; кожа ихъ лица темнѣетъ отъ полнаго отсутствія чистоты; имъ случается иногда ножами соскабливать съ лица грязь вмѣстѣ съ потомъ.

Одежда эскимосовъ знакома, вѣроятно, большинству по картинкамъ; интересно то, что одежда женщинъ почти не отличается отъ одежды мужчинъ.

Въ Южной Гренландіи на верхнюю часть тѣла одѣвается такъ называемый «тиміакъ», который изготовляется изъ птичьихъ шкурокъ, причемъ перья и пухъ обращены внутрь; эта часть одежды напоминаетъ наши шерстяныя фуфайки и, подобно имъ, одѣвается черезъ голову. Къ вороту тиміака прикрѣпляется мѣшокъ, который натягивается на голову; край его обшитъ мѣхомъ, и если мѣшокъ откинутъ на спину, то образуетъ какъ бы воротникъ. Рукава этой одежды тоже оторочены собачьимъ мѣхомъ. Сверху одѣвается вторая одежда, «аноракъ», которая въ настоящее время покрывается въ большинствѣ случаевъ бумажною тканью. На ногахъ одѣты штаны изъ оленьей шкуры, мѣхомъ внутрь, и нѣчто вродѣ сапогъ изъ двойной кожи, причемъ верхняя кожа не пропускаетъ воду. Между первой кожей, которая напоминаетъ чулокъ, и верхней, которая есть собственно сапогъ, подъ подошву кладется солома или морская трава.

Одежда женщинъ почти не отличается своимъ фасономъ отъ одежды мужчинъ, только вмѣсто мѣшка онѣ обшиваютъ воротъ высокимъ воротникомъ изъ собачьяго мѣха, а поверхъ воротника одѣваютъ широкое ожерелье изъ пестрыхъ бусъ, которыя переливаютъ цвѣтами радуги. Покрышка верхней одежды по возможности пестрая и самой яркой окраски: красная, голубая, зеленая или желтая, и оторочена внизу широкой пестрой лентой, иногда бумажной, но предпочтительно шелковой. Штаны у женщинъ гораздо короче; они сдѣланы изъ пестрой тюленьей или оленьей кожи, укра-

шены рисунками изъ кусочковъ собачьей кожи; зато сапоги гораздо длиннѣе: они натянуты выше колѣнъ и окрашены въ красный или синій цвѣтъ съ полосками изъ разноцвѣтной кожи; иногда они бываютъ и совершенно бѣлые. Женщины, у которыхъ есть маленькій ребенокъ, носятъ на спинѣ мѣшокъ вродѣ большого кармана, въ который засовываютъ своего младенца, когда отправляются на работу. Мѣшокъ этотъ сшитъ изъ двойной кожи, поэтому дѣти вполнѣ ограждены отъ холода.

Когда эскимосы сидятъ въ своихъ домахъ, они обыкновенно снимаютъ съ себя свои тяжелыя одежды и довольствуются небольшими поясами изъ мѣха и кожи, которые они одѣваютъ вокругъ бедеръ. Когда въ страну пріѣхали европейцы, то они сильно воспротивились такому обычаю, который считали неприличнымъ, и мѣстами имъ удалось искоренить слишкомъ несложное домашнее платье эскимосовъ. Эскимоски теперь также стѣсняются показывать свою наготу; но оставаться въ шубѣ въ тепломъ помѣщеніи едва ли полезно для ихъ здоровья. Эскимосы нисколько не стѣсняются при отправленіи своихъ естественныхъ потребностей, и присутствіе даже многочисленныхъ гостей не служитъ имъ помѣхой. Въ каждой юртѣ стоитъ для этой потребности кадка, въ которой кстати мокнутъ кожи. Ихъ опоражниваютъ лишь въ случаѣ крайняго зловонія.

Волосы эскимоса черны, какъ воронье крыло, крѣпки и толсты, какъ волосы конскаго хвоста. Мужчины не всегда стригутъ волосы. На восточномъ прибрежьѣ Гренландіи стрижка считается весьма опасной, такъ какъ приноситъ несчастье. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай стягивать волосы на макушкѣ крѣпкой веревкой. Желѣзо ни въ какомъ случаѣ не должно соприкасаться съ волосами, поэтому, если гдѣ у дѣтей и стригутъ волосы, то дѣлаютъ это посредствомъ китовой челюсти.

Женщины свертываютъ волосы въ крѣпкій узелъ, причемъ волосы натягиваются со всѣхъ сторонъ какъ можно туже. На восточномъ прибрежьѣ Гренландіи женщины обтягиваютъ голову полоской изъ кожи, на западномъ прибрежьѣ—цвѣтной лентой. Молодыя дѣвушки носятъ красныя

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА
18478

ленты, но если у нихъ родится ребенокъ, то онѣ замѣняютъ ее зеленой; женщины носятъ голубую, а вдовы — черную ленту. Если вдова хочетъ снова выйти замужъ, она сплетаетъ черную ленту съ красной. Тѣ, которыя потеряли надежду найти себѣ другого мужа, носятъ вмѣсто черной ленты—бѣлую. Если у вдовы, послѣ смерти мужа, родятся еще дѣти, то она обязана надѣть зеленую ленту.

Волосяной узелъ на головѣ гренландки составляетъ ея главную гордость, и она заботится о томъ, чтобы онъ торчалъ какъ можно больше кверху; объ этомъ особенно заботятся молодыя эскимоски, которыя собираются выйти замужъ. Онѣ съ такимъ усердіемъ оттягиваютъ волосы ото лба и затылка, что почти у всѣхъ образуются довольно замѣтныя плѣши, что нельзя назвать особенно красивымъ. Для того, чтобы скрутить волосы какъ можно крѣпче и придать имъ блескъ, гренландки смачиваютъ волосы мочей; отъ этого они слипаются, и ихъ легче свертывать и связывать. Онѣ также любятъ мыться этой самой жидкостью, и запахъ ея считается очень пріятнымъ. Вообще эскимосы къ мочѣ не имѣютъ никакого отвращенія и, выливъ ее изъ какого-нибудь сосуда, наливаютъ туда супъ или какую-нибудь другую пищу. Эскимосовъ и въ другихъ отношеніяхъ нельзя назвать брезгливыми; они часто ѣдятъ изъ одной чашки со своими собаками. Выбирая вшей изъ головы ребятъ, они ихъ раскусываютъ, приговаривая: «что кусается, то надо раскусить».

Эскимоска.

Если нѣкоторымъ покажется страннымъ подобное поведеніе эскимосовъ, то я долженъ напомнить, что и наши праотцы за нѣсколько столѣтій назадъ не отличались особенно изящнымъ образомъ жизни; такъ гласятъ, по крайней мѣрѣ, наши скандинавскія преданія.

Глава III.

Каякъ и принадлежности каяка.

При поверхностномъ разсмотрѣніи особенностей жизни эскимосовъ можно легко придти къ тому ошибочному заключенію, будто они стоятъ на очень низкой ступени культуры. Но если взять на себя трудъ ближе ознакомиться съ ихъ жизнью, то выводъ получится совсѣмъ иной.

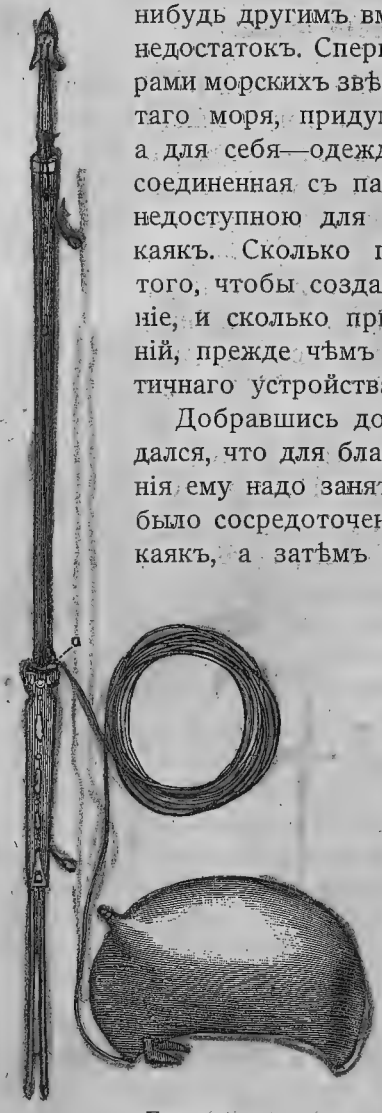
Представьте себѣ народъ, который живетъ на пустынномъ, дикомъ побережьѣ,—такова негостепріимная Гренландія,—отлученный отъ всего свѣта, безъ металловъ, безъ оружія для самообороны, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ; около себя онъ находитъ лишь камни, немного плавучаго лѣса, шкуры и кости убитыхъ имъ звѣрей. Представимъ себя на мѣстѣ этихъ людей и согласимся съ тѣмъ, что намъ грозила бы неминуемая гибель. Эскимосъ же не только побѣждаетъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства, но и находитъ здѣсь свое счастье, устраивая свою жизнь такъ, какъ ему нравится.

Чтобы дать читателю понятіе, сколько ему потребовалось опыта и усилій, чтобы создать ту степень культуры, на которой онъ находится, я постараюсь нарисовать картину постепеннаго усовершенствованія тѣхъ орудій, которыя употребляетъ эскимосъ, чтобы добыть себѣ пропитаніе. Проживая первоначально внутри Аляски, эскимосы были знакомы тамъ лишь съ небольшими лодочками, обшитыми березовой корой; на этихъ лодочкахъ они плавали по рѣкамъ, занимаясь ловлей рыбы, какъ это дѣлаютъ и теперь эскимосы Аляски и индѣйцы, живущіе на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Сѣверной Америки. Впослѣдствіи эта часть туземцевъ-эскимосовъ, соблазненная богатствомъ морского улова рыбы или оттѣсненная индѣйскими племенами, двинулась къ сѣверу или западу, къ устьямъ рѣкъ. Но чѣмъ ближе они подзигались

Стрѣла съ пузыремъ.

къ морю, тѣмъ рѣже становились лѣса; они принуждены были подумать о томъ, чтобы обтягивать свои лодки чѣмъ-нибудь другимъ вмѣсто коры, въ которой ощущался недостатокъ. Сперва они начали обтягивать ихъ шкурами морскихъ звѣрей, а затѣмъ, очутившись у открытаго моря, придумали для своихъ лодокъ палубу, а для себя—одежду изъ звѣриной шкуры, которая, соединенная съ палубой, дѣлала внутренность лодки недоступною для воды. Такимъ образомъ создался каякъ. Сколько потребовалось усилій мысли для того, чтобы создать такое остроумное приспособленіе, и сколько пришлось имъ испытать разочарованій, прежде чѣмъ добиться, наконецъ, такого практичнаго устройства!

Добравшись до морского берега, эскимосъ догадался, что для благополучнаго и сытаго существованія ему надо заняться ловлей тюленей. Все вниманіе было сосредоточено на томъ, чтобы устроить сперва каякъ, а затѣмъ придумать такія орудія, которыя облегчили бы охоту въ открытомъ морѣ.



Гарпунъ.

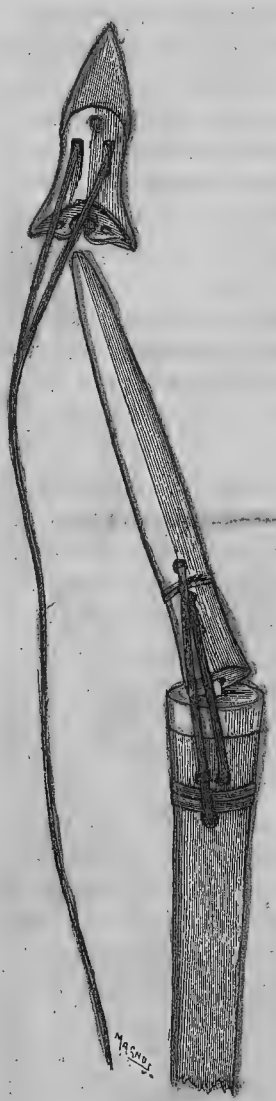
Стрѣлять изъ лука стрѣлами, какъ они это дѣлали на твердой землѣ, стало вовсе неудобно, когда имъ пришлось выѣхать въ открытое бурное море; имъ надо было придумать метательные снаряды, и для этой цѣли они воспользовались прежде всего обыкновенной стрѣлой съ бородкой изъ перьевъ, какія употреблялись индѣйцами. Но вскорѣ эскимосы убѣдились, что такое орудіе неудобно, такъ какъ раненое животное вмѣстѣ со стрѣлой уплывало въ море; тогда, вмѣсто бородки изъ перьевъ, они прикрѣпили къ древку стрѣлы пузырь, надu-

тый воздухомъ; пузырь этотъ мѣшалъ тюленю скрываться подъ водой и стѣснялъ его бѣгство. Затѣмъ эскимосы устроили наконечникъ стрѣлы такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ отломиться при сильныхъ движеніяхъ раненаго животнаго, а только лишь отдѣлялся отъ древка, которое получало наклонное положеніе и мѣшало животному уплывать отъ охотника. Такимъ образомъ была придумана стрѣла съ пузыремъ, которая употребляется всѣми эскимосами, живущими около моря.

Пузырь приготовляется изъ горла чайки или баклана, которое надувается и высушивается; онъ прикрѣпляется къ древку стрѣлы посредствомъ кусочка кости, въ которой просверлена дырка для надуванія пузыря; дырка затыкается кусочкомъ дерева.

Изъ этой стрѣлы съ пузыремъ развилось постепенно самое остроумное охотничье оружіе эскимосовъ—гарпунъ съ лесой и плавучимъ пузыремъ. Для того, чтобы убивать большихъ морскихъ животныхъ, къ стрѣламъ привязывали все большаго и большаго размѣра пузыри; но вскорѣ охотники убѣдились, что величина пузыря вызываетъ болѣе сильное сопротивленіе воздуха, сокращаетъ разстояніе до цѣли удара и уменьшаетъ его силу. Тогда они отдѣлили пузырь отъ древка стрѣлы и привязали его на отдѣльный узкій ремень, который соединили съ верхнимъ концомъ стрѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они увеличили самый размѣръ стрѣлы, которая и преобразовалась наконецъ въ гарпунъ, несомнѣнно самый остроумный метательный снарядъ, изобрѣтенію котораго можетъ позавидовать любой европеецъ. Пузырь, привязанный къ ремню, оставался на палубѣ каяка и бросался въ воду лишь тогда, когда гарпунъ впивался въ тѣло раненаго животнаго.

Древко гарпуна дѣлается изъ тяжелаго плавучаго лѣса, который прибивается къ берегамъ Гренландіи съ береговъ Сибири. Верхняя часть древка снабжена толстою костяною пластинкою, въ которую вставляется остріе, выточенное изъ моржоваго клыка. Соединенное съ древкомъ шарниромъ изъ кожи, остріе, при сильномъ ударѣ, не ломается, а лишь выскакиваетъ изъ своего вмѣстилища. Верхній ко-



Наконечникъ гарпуна.

нецъ костяного острія снабженъ костянымъ наконечникомъ съ двумя заершенными крючками, которые, впившись въ тѣло, уже ни въ какомъ случаѣ оттуда не выскочатъ. Къ наконечнику прикрѣпляется леса изъ узкой ременной полоски, на концѣ которой находится пузырь.

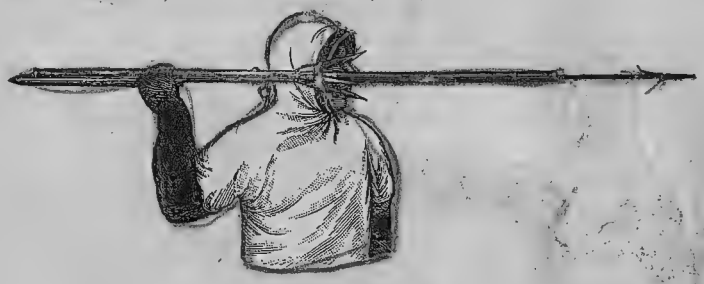
Когда гарпунъ попадаетъ въ тюленя, наконечникъ впивается въ тѣло, выходитъ изъ шарнира, а древко отдѣляется и свободно плыветъ на водѣ; раненое животное съ остріемъ въ тѣлѣ пытается уплыть, влача за собою длинную лесу съ прикрѣпленнымъ къ ней пузыремъ. Охотнику теперь не трудно настичь его и овладѣть добычей.

Для наматыванія лесы въ каякѣ имѣется воротъ, который поставленъ передъ самымъ охотникомъ, сидящимъ въ каякѣ. Воротъ прикрытъ кожей, чтобы не отсырѣть отъ морской воды, и всегда готовъ къ безпрепятственному разматыванію. Для того, чтобы добить звѣря, употребляется копье изъ легкаго дерева, на концѣ котораго прикрѣплена желѣзная пластинка съ остріемъ изъ кости. Для того, чтобы этотъ наконечникъ не сломался, онъ прикрѣпленъ къ древку шарниромъ, такъ же какъ и наконечникъ гарпуна.

Кромѣ того, эскимосы употребляютъ еще болѣе легкія стрѣлы, которыми они убиваютъ птицъ. Острый наконечникъ этихъ стрѣлъ дѣлался прежде изъ кости, теперь онъ дѣлается изъ желѣза. Кромѣ того, на древкѣ стрѣлы дѣлаютъ еще зацѣпки изъ

крѣпкой кости, съ заершенными крючками. Если птица не убита остріемъ, то въ нее легко впивается одинъ изъ крючковъ; раненая птица не можетъ улетѣть и падаетъ на землю.

Для того, чтобы бросать эти метательные снаряды на болѣе далекое разстояніе и увеличить силу удара, эскимосъ придумалъ еще одинъ снарядъ, котораго не могли придумать ни его американскіе, ни азіатскіе сосѣди. Этотъ снарядъ представляетъ изъ себя древко около $^3/_4$ аршина длины, $^3/_5$ дюйма толщины и въ нижнемъ своемъ концѣ около 3 дюймовъ ширины. Вдоль плоской поверхности этого снаряда устроено углубленіе, въ которое вкладывается древко гарпуна; на



Метанье стрѣлъ. I.

верхнемъ узкомъ концѣ этого прибора находится небольшая цапфа, коротенькій кусочекъ дерева, который точь въ точь пригнанъ къ небольшому углубленію въ костяной пуговкѣ, находящейся на заднемъ концѣ стрѣлы или гарпуна. Для того, чтобы бросить гарпунъ, вложенный въ это орудіе, его держатъ горизонтально, причемъ руку заносятъ нѣсколько назадъ, затѣмъ бросаютъ его сильнымъ ударомъ, очень ловко ударяя цапфой въ нижнюю костяную пуговку, отчего сила полета гарпуна значительно увеличивается.

Кромѣ вышеописанныхъ оружій, эскимосъ, выѣзжая на охоту, беретъ съ собою еще большой ножъ, которымъ закалываетъ раненое животное. Этимъ же ножомъ онъ прокалываетъ дырки въ кожѣ убитаго тюленя, котораго привязыва-

етъ къ каяку и ведетъ за собой на буксирѣ до берега. Для этой цѣли онъ беретъ съ собой нѣсколько запасныхъ пузырей, которые надуваетъ и прикрѣпляетъ къ добычѣ для того, чтобы она держалась на поверхности воды. Прилагаемый рисунокъ показываетъ каякъ, на палубѣ котораго прикрѣпляются всѣ необходимыя для охоты орудія: пузырь, воротъ, на который наматывается леса гарпуна, гарпунъ, копье, ножъ, копье съ пузыремъ, копье для охоты за птицами и бросательный снарядъ. Но самое интересное—это устройство самого каяка: остовъ его, который изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ, сдѣланъ изъ самаго легкаго дерева; бочка его дѣла-

Метанье стрѣлъ. II.

ются иногда изъ вѣтокъ ивы, которая растетъ на внутреннихъ заливахъ. Въ настоящее время эскимосы иногда покупаютъ въ колоніяхъ западнаго прибрежья готовыя доски, еловыя или сосновыя, хотя плавучій лѣсъ, который прибивается моремъ къ берегамъ Гренландіи, пользуется предпочтеніемъ за свою легкость.

Деревянный остовъ съ наружной стороны обтягивается шкурами тюленей или моржей. Первыя считаются лучше, какъ болѣе непромокаемыя. Обтягиваютъ каякъ шкурой только-что убитаго животнаго, пока она свѣжая и мягкая. Если ей дали высохнуть, то ее приходится тщательно вымочить, прежде чѣмъ приступить къ натяжкѣ. Шкура должна быть натянута настолько туго, насколько это возможно,

вродѣ того, какъ обтягиваютъ барабаны. Мочѐніе кожъ, сшиваніе ихъ и обтягиваніе каяка лежитъ исключительно на обязанности женщинъ. Работа эта нелегкая, и если она выполнена неудачно, то это считается величайшимъ стыдомъ. Когда приступаютъ къ обтягиванію каяка, то на помощь приглашаются нѣсколько женщинъ, которыя всѣ очень охотно идутъ на такую работу, такъ какъ ихъ за это угощаютъ кофе.

Остовъ каяка.

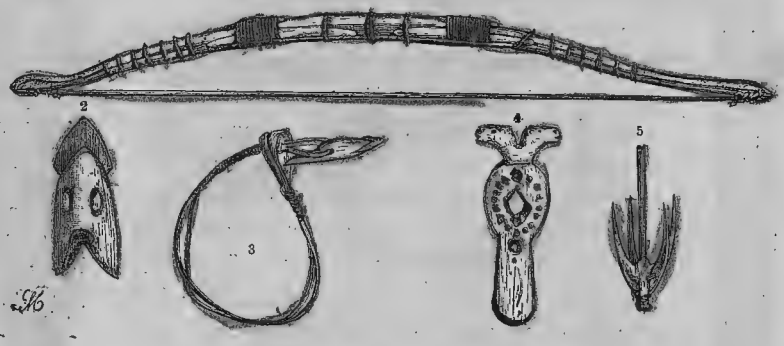
Въ серединѣ каячной палубы находится дыра такого размѣра, чтобы въ нее могъ влѣзть человѣкъ и совершенно ее заполнить. Чтобы влѣзть и вылѣзть изъ каяка, требуется большая ловкость. На верхній край отверстія налагается деревянный обручъ, приблизительно въ 1½ дюйма высоты; вокругъ него стягиваются края непромокаемой шубы, о которой я разскажу дальше. Сидѣнье подъ палубой состоитъ изъ кусковъ старой кожи и мѣдвѣжьяго мѣха, для того, чтобы оно было по возможности мягче.

Каякъ (видъ сверху).

Обыкновенно каждый хозяинъ самъ изготовляетъ для себя каякъ и такъ же тщательно снимаетъ съ себя мѣрку, какъ-будто приготовляется шить какой-нибудь предметъ одежды. Каякъ гренландскаго эскимоса, средняго роста, обыкновенно около 8 аршинъ длины; самая большая ширина каяка, какъ разъ передъ сидѣньемъ, около 1½ фута. Книзу онъ постепенно суживается. Пространство между палубой и дномъ каяка въ серединѣ его около 5 или 6 дюймовъ; дно каяка довольно плоское и образуетъ два тупыхъ угла при-

близительно въ 140°. По направленію къ обоимъ концамъ лодка постепенно суживается и заканчивается продолговатымъ остріемъ. Передній и задній концы обиты внизу продолговатыми костяными пластинками, обыкновенно изъ реберъ кита; эти пластинки служатъ для украшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегаютъ каякъ отъ поврежденій при столкновеніи съ острыми льдинами.

На палубѣ каяка прикрѣплены приблизительно шесть поперечныхъ ремней на передней половинѣ и отъ трехъ до пяти—на задней. Эти ремни придерживаютъ различные орудія и снаряды, необходимые для ловли и охоты. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ ремней прикрѣпляютъ полученную добычу. Убитыя птицы прямо кладутся на палубу, причемъ



Костяное оружіе эскимосовъ.
1. Лукъ.—2. Наконечникъ гарпуна.—3. Гарпунъ.—4. Приборъ для отдѣлки стрѣлъ.—5. Удильный крючокъ.

головы ихъ подсовываются подъ ремни; если убитыми оказываются тюлень, моржъ или крупная рыба, то ихъ везутъ на буксирѣ и прикрѣпляютъ длинными ремнями къ самому каяку. Мелкую рыбу кладутъ прямо на палубу или въ пустое подпалубное пространство.

Каякъ со всѣми приспособленіями для охоты настолько легокъ, что человѣкъ можетъ свободно пронести его на головѣ на протяженіи нѣсколькихъ миль.

Каячное весло состоитъ изъ двухъ лопастей; держатъ его по самой серединѣ, ударяя то направо, то налѣво, какъ это дѣлается при управленіи нашими обыкновенными челноками.

Если погода хороша, то эскимосъ одѣваетъ короткую шубу изъ непромокаемой кожи, которая сшита сушеными жилами. Въ нижнемъ концѣ шубы протянутъ шнурокъ изъ узкаго ремня, который затягивается вокругъ кольца, окружающаго отверстіе для сидѣнія. Затягивается шуба настолько плотно, что ни одна капля воды не можетъ проникнуть въ подпалубное пространство. Шуба доходитъ только до плечъ, такъ что руки остаются свободными, и придерживается ремнями вродѣ подтяжекъ, которые затягиваются костяной пряжкой очень остроумнаго устройства.

На руки одѣваются свободные мѣховые рукава, которые подвязываются около плеча, а внизу около кисти плотно стягиваются ремнемъ; затѣмъ на руки одѣваются толстыя рукавицы, и такимъ образомъ вся рука остается сухой во время гребли.

Эта полушуба вполнѣ достаточна, чтобы оградить каякъ отъ вторженія небольшихъ волнъ; но когда свирѣпствуетъ буря, эскимосы одѣваютъ настоящую непромокаемую шубу, которая не длиннѣе полушубы и также завязывается вокругъ кольца, но снабжена длинными рукавами и мѣшкомъ, который одѣвается на голову. Мѣшокъ туго стягивается вокругъ лица, рукава также затягиваются крѣпко ремнями, и въ этомъ нарядѣ эскимосъ остается сухимъ въ самую сильную бурю. Онъ можетъ даже перекувырнуться вмѣстѣ со своей лодкой и снова вынырнуть изъ воды,—и все-таки ни одна капля не попадетъ во внутренность каяка.

Сидѣть и управлять каякомъ—задача далеко не легкая, и выучиться этому надо съ самаго дѣтства. Тотъ, кто научился этому искусству, можетъ выѣзжать въ каякѣ во всякую погоду и при помощи двухсторонняго весла летать по волнамъ, какъ птица.

Дѣти гренландцевъ уже съ 6 лѣтъ начинаютъ учиться управлять каякомъ, а когда имъ минетъ 10—12 лѣтъ, то имъ устраиваютъ собственный каякъ, и они выѣзжаютъ на немъ для самостоятельной работы. Сперва они занимаются лишь рыбной ловлей вдоль побережья, а затѣмъ выѣзжаютъ на охоту за крупными животными вмѣстѣ со взрослыми эскимосами.

Для того, чтобы хорошо управлять каякомъ, необходимо выучиться самостоятельно приподниматься, если каякъ опро-

кидывается, что случается весьма часто. Ловкіе эскимосы приподнимаются двумя-тремя ударами весла, нѣкоторые—движеніемъ руки, причемъ рука даже не ударяетъ воду плашмя, а сжимается въ кулакъ.

Въ прежнія времена почти каждый владѣлецъ каяка умѣлъ отлично ставить свою лодку на мѣсто послѣ того, какъ ее опрокидывала волна; но съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поселились европейцы, даже это искусство значительно упало; впрочемъ, и сейчасъ въ Гренландіи можно встрѣтить очень ловкихъ эскимосовъ, которые продѣлываютъ на водѣ всевозможные фокусы.

Тотъ, кто умѣетъ поставить лодку на мѣсто, если она запрокинулась, можетъ выѣзжать въ открытое море при всякой погодѣ. Видя набѣгающую волну, онъ кладетъ весло на палубу, наклоняется всѣмъ корпусомъ впередъ, а когда волна убѣгаетъ дальше, то снова выпрямляется. Есть такіе любители, которые нарочно опрокидываютъ каякъ, когда налетаетъ большая волна, а затѣмъ снова выпрямляются и летятъ дальше, ловко работая весломъ и прыгая на волнахъ, какъ большая водяная птица.

Тому, кто не умѣетъ самъ привести опрокинутый каякъ въ прежнее положеніе, нѣтъ спасенія, если каякъ запрокинется, а поблизости не окажется благодѣтельной руки, которая бы ему помогла. Его плаваніе сопряжено съ большою опасностью; всякое неосторожное движеніе при бросаніи гарпуна, всякая сколько-нибудь сильная волна можетъ опрокинуть каякъ; даже при сравнительно спокойномъ морѣ опрокидываніе каяка случается довольно часто.

Такимъ образомъ погибаетъ очень много эскимосовъ: приблизительно четверть всѣхъ смертныхъ случаевъ происходитъ вслѣдствіе опрокидыванія каяка.

Глава IV.

На каякѣ въ открытомъ морѣ.

Европейцы охотно обвиняютъ эскимосовъ въ трусости; это происходитъ оттого, что они видѣли ихъ или на землѣ,

или на водѣ лишь въ хорошую погоду, а при такихъ условіяхъ эскимосы слишкомъ добродушны, чтобы выказывать особенную смѣлость. Если подъ храбростью подразумѣвать то остервенѣніе съ которымъ тигръ борется со своею добычею, ту храбрость, которая, по словамъ одного философа, присуща людямъ, стоящимъ на низкой ступени развитія, а также дикимъ звѣрямъ, то мы должны сознаться, что такая храбрость отсутствуетъ у эскимосовъ: они слишкомъ миролюбивы и добродушны, чтобы отвѣтить ударомъ на полученный ударъ; поэтому европейцы сначала ихъ били, а потомъ прозвали трусами. Та храбрость, о которой мы только что говорили, не пользуется въ Гренландіи особымъ почетомъ, и я полагаю, что эскимосы не особенно уважаютъ насъ за то, что мы проявляемъ ее въ слишкомъ большомъ количествѣ. Но выводить отсюда заключеніе, что эскимосы—трусы, мнѣ кажется неосновательнымъ.

Для того, чтобы составить вѣрное сужденіе о человѣкѣ, надо видѣть его за привычной работой. Послѣдуйте за эскимосомъ въ открытое море—и вы увидите въ немъ совсѣмъ другого человѣка. Истинный храбрецъ, по моему мнѣнію, тотъ, кто въ минуту опасности спокойно обдумываетъ, какъ бы ему выпутаться изъ бѣды, и приводитъ свою мысль въ исполненіе съ полнымъ самообладаніемъ, кто, не сморгнувъ, смотритъ въ глаза смерти,—а такихъ храбрецовъ мы встрѣтимъ въ Гренландіи больше, чѣмъ между своими соотечественниками.

Охота на каякѣ влечетъ за собою много опасностей. Отецъ, братъ, другъ, можетъ быть, погибли на морѣ, а эскимосъ спокойно выѣзжаетъ въ море и въ хорошую и въ дурную погоду,—быть можетъ, не всегда охотно, потому что отлично знаетъ тѣ опасности, которыя ему предстоятъ. Разъ очутившись на морѣ, онъ спокойно дѣлаетъ свое дѣло, и самая сильная буря для него нипочемъ. Ѣзда на каякѣ—это игра съ моремъ и со смертью. Нѣтъ ничего болѣе горделиваго, какъ борьба одинокаго гребца съ громадными тяжелыми волнами, которыя захватываютъ его въ свои объятія. Необыкновенно красивое зрѣлище представляетъ собою цѣлая стая каяковъ, которые летятъ къ берегу, спасаясь отъ непо-

годы, а за ними гонятся высокія волны, похожія на движущіяся горы. Если въ эту минуту въ волнахъ покажется голова тюленя, эскимосъ, ни минуты не задумываясь, бросаетъ въ него опытной рукой свой гарпунъ, который несется, какъ стрѣла, среди брызгъ морской пѣны. Раненый тюлень обращается въ бѣгство, увлекая за собою лесу съ пузыремъ; но охотникъ уже его догналъ и нанесъ смертельный ударъ. Добыча привязывается къ лодкѣ, и охотникъ мчится дальше, совершенно спокойный, даже не подозрѣвая того, что онъ совершилъ геройскій поступокъ. Да, въ такія минуты онъ дѣйствительно великъ!

Послѣдуемъ за эскимосомъ и проведемъ съ нимъ на ловлѣ цѣлый день съ утра и до вечера.

За нѣсколько часовъ до восхода солнца эскимосъ взбирается на ближайшую гору и осматриваетъ горизонтъ, чтобы узнать, какая предстоитъ на утро погода. Убѣдившись, что погода обѣщаетъ быть благопріятной, онъ идетъ домой и одѣваетъ каячную шубу. Въ прежнія благодатныя времена онъ обыкновенно довольствовался тѣмъ, что выпивалъ нѣсколько глотковъ холодной воды; но съ тѣхъ поръ, какъ европейцы ввели нежелательную утонченность нравовъ, онъ выпиваетъ нѣсколько чашекъ кофе, и къ тому же очень крѣпкаго. По утрамъ эскимосъ ничего не ѣстъ, потому что онъ говоритъ, что ему неудобно тогда сидѣть въ каякѣ и не такъ хорошо работается; съ собою онъ беретъ немного жевательнаго табаку.

Когда каякъ принесенъ на берегъ, и всѣ орудія для ловли прикрѣплены къ своимъ мѣстамъ, эскимосъ протискивается въ отверстіе для сидѣнья и накрѣпко затягиваетъ шубу вокругъ обруча. Затѣмъ онъ отпихиваетъ свой каякъ въ море. Вмѣстѣ съ нимъ выѣзжаютъ и нѣсколько другихъ лодокъ его товарищей, живущихъ съ нимъ по сосѣдству. Всѣ они вмѣстѣ собираются выѣхать въ море мили за двѣ отъ берега, чтобы охотиться за тюленями.

Погода тихая, и волны лѣниво набѣгаютъ на берегъ. Надъ водой и въ узкихъ проливахъ между прибрежными скалами носится легкій туманъ. Нѣсколько каяковъ бокъ-о-бокъ скользятъ по водѣ, и среди полной тишины слышится лишь

плескъ веселъ. Иногда сѣдоки каяковъ перебрасываются отдѣльными словами, минутами раздается веселый громкій смѣхъ. Но вотъ одинъ изъ нихъ завидѣлъ птицу и ловкимъ движеніемъ запустилъ въ нее стрѣлу; раненая птица летитъ въ воду и старается нырнуть, но эскимосъ хватаетъ стрѣлу, которая въ нее впилась, и тащитъ птицу на палубу; онъ вытаскиваетъ стрѣлу, откусываетъ клювъ птицы, быстрымъ движеніемъ свертываетъ голову и прикрѣпляетъ ее къ ремню на палубѣ. Вскорѣ охотники миновали прибрежныя скалы и островки и выѣхали въ открытое море.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ, они добираются наконецъ до мѣста ловли и видятъ въ разныхъ направленіяхъ головы тюленей, которые то здѣсь, то тамъ высовываются изъ воды. Охотники разъѣзжаются въ разныя стороны, каждый за своей добычей.

Боасъ, одинъ изъ лучшихъ охотниковъ, увидѣлъ вдалекѣ громаднаго тюленя и быстро погналъ свой каякъ туда, гдѣ показалась желанная добыча; но тюлень скрылся подъ водою, и охотникъ долго долженъ ждать, пока онъ опять вынырнетъ.

Наконецъ показалась изъ воды темная круглая голова. Боасъ пригнулся къ палубѣ каяка и тихонько приближается къ тюленю, который спокойно и безпечно покачивается на волнахъ. Но вдругъ животное насторожилось. Оно услышало плескъ весла и смотритъ на охотника своими круглыми глазами. Эскимосъ перестаетъ грести и внимательно слѣдитъ за добычей. Тюлень вскорѣ успокаивается и нѣжится на солнцѣ, высоко приподнявъ свою гладкую морду и втягивая въ себя воздухъ. Каякъ медленно приближается. Эскимосъ осматриваетъ, въ порядкѣ ли леса, и держитъ наготовѣ гарпунъ; но вдругъ животное снова скрывается; приходится ждать, пока оно вынырнетъ гдѣ-нибудь поблизости. Время тянется медленно, но эскимосъ обладаетъ замѣчательнымъ терпѣньемъ: онъ неподвижно сидитъ въ своемъ каякѣ и только осторожно поворачиваетъ голову во всѣ стороны. Наконецъ вдали показывается голова тюленя, и онъ быстро и осторожно гребетъ въ ту сторону. Если тюлень замѣтитъ человѣка, онъ прячется въ воду, но очень быстро снова вы-

Эскимосъ на охотѣ за тюленями.

совывается, изъ любопытства желая взглянуть на своего врага. Эскимосъ приблизился настолько, что рѣшается бросить гарпунъ. Остріе гарпуна свиститъ въ воздухѣ, увлекая за собой длинную лесу. Тюлень бросается въ сторону и старается скрыться подъ водой, но остріе гарпуна уже впилось ему въ бокъ, и тюлень отъ боли хлещетъ своимъ хвостомъ, взбивая кругомъ кровавую пѣну. Охотникъ, между тѣмъ, схвативъ въ зубы метательное древко, бросаетъ въ воду плавательный пузырь, который плаваетъ и прыгаетъ на поверхности воды. Пузырь минутами исчезаетъ подъ водой, но потомъ снова появляется, а каякъ мчится за нимъ вдогонку; эскимосъ схватилъ по дорогѣ древко гарпуна, которое отдѣлилось отъ наконечника, и беретъ въ руки копье, чтобы нанести послѣдній ударъ. Тюлень выскакиваетъ изъ воды,

взбѣшенный тѣмъ, что не можетъ спастись отъ своего врага, и, разорвавъ въ клочья пузырь, бросается съ разинутою пастью на своего преслѣдователя. Эта минута очень опасна: одинъ невѣрный ударъ, — и охотникъ можетъ погибнуть. Храбрый Боасъ спокойно поднимаетъ копье и съ такой силой вонзаетъ его въ открытую пасть животнаго, что конецъ копья выходитъ на затылкѣ. Животное трясетъ головой такъ, что древко копья шатается изъ стороны въ сторону, но все-жъ-таки оно не можетъ отъ него избавиться. Въ слѣдующую минуту Боасъ всаживаетъ въ него подъ передній ластъ другое копье, которое проходитъ черезъ легкое и сердце. Животное вздрагиваетъ; битва окончена. Боасъ подплываетъ къ животному и, если оно еще двигается, добиваетъ его ударомъ ножа. Послѣ этого охотникъ спокойно вытаскиваетъ копья, ополаскиваетъ и прикрѣпляетъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ онъ достаетъ буксирные ремни, буксирный пузырь, который надуваетъ и прикрѣпляетъ къ ремню; затѣмъ вырѣзаетъ изъ тѣла животнаго наконечникъ гарпуна, обматываетъ лесу вокругъ ворота и, привязавъ животное къ каяку, готовъ продолжать охоту и броситься на слѣдующую добычу. Ему приходится грести недолго. Вскорѣ на поверхности моря онъ видитъ другого тюленя. Боасъ и это животное убиваетъ такъ же, какъ и предыдущее, и тоже привязываетъ къ каяку на буксирѣ, причемъ одно животное привязывается съ правой, а другое—съ лѣвой стороны каяка. Если ему случается увидѣть еще тюленя, то онъ поступаетъ точно такимъ же образомъ и привязываетъ затѣмъ одно убитое животное къ другому; такимъ образомъ онъ тащитъ за собою до четырехъ тюленей, что, конечно, затрудняетъ движеніе каяка.

Другой охотникъ, такой же знаменитый, какъ Боасъ, по имени Тобіасъ, не сразу напалъ на тюленя; завидѣвъ одно животное, онъ бросился къ нему, но оно скрылось подъ водой. Въ ту минуту, когда онъ бросился за тюленемъ, передъ каякомъ вынырнулъ громадный самецъ-тюлень, и въ ту же минуту Тобіасъ бросаетъ въ него гарпунъ. Тюлень извивается въ водѣ, какъ сумасшедшій, леса развертывается съ головокружительной быстротой, но зацѣпляется за ле-

жащую на палубѣ стрѣлу, такъ что носъ каяка наклоняется впередъ, и охотникъ чувствуетъ, что вода доходитъ ему до самыхъ плечъ. Изъ-подъ воды торчатъ только голова охотника и задній конецъ каяка. Казалось бы, что теперь все потеряно; эскимосы, находящіеся поблизости, изо всѣхъ силъ спѣшатъ къ нему на помощь, не надѣясь, однако, добраться во-время, чтобы его спасти. Но Тобіасъ—великолѣпный пловецъ; онъ старается удержаться въ равновѣсіи, несмотря на опасное положеніе; тюлень стремится увлечь его на дно морское, но тотъ сторожитъ минуту, когда звѣрь покажется вновь на поверхности воды, и тогда, схвативъ копье, наноситъ ему смертельный ударъ въ голову. Товарищи Тобіаса подплываютъ какъ разъ во-время, чтобы помочь ему прикрѣпить животное къ каяку, и получаютъ въ награду кусокъ тюленьяго жира, который они тутъ же и съѣдаютъ. Всѣ въ восторгѣ отъ его смѣлаго поступка, и разсказъ объ этомъ случаѣ будетъ еще долго служить предметомъ разговоровъ въ длинные зимніе вечера.

До сихъ поръ погода была прекрасная. Спокойная поверхность моря блистала, освѣщенная солнцемъ; но вотъ на горизонтѣ показываются темныя гряды облаковъ, слышится отдаленный шумъ вѣтра, и надъ моремъ носится туманъ изъ водяныхъ брызгъ, поднятыхъ надвигающейся бурей. Вѣтеръ дуетъ съ юга; такой вѣтеръ считается у эскимосовъ самымъ опаснымъ.

Надо скорѣе спѣшить домой. Тѣ, у кого нѣтъ добычи, двигаются быстрѣе, но предпочитаютъ ѣхать вмѣстѣ съ прочими. Вскорѣ буря ихъ настигаетъ. Высокія волны покрываются пѣною, и охотники чувствуютъ за собою эти волны, которыя подбрасываютъ каяки, какъ щепки. До берега еще далеко, а волны заливаютъ каяки такъ, что видны лишь головы пловцовъ да иногда кончики веселъ. Буря все крѣпчаетъ; потемнѣвшія волны вздымаются такъ высоко, что не видно даже неба. Всякій разъ, когда волна подкатывается къ каяку, пловцы нагибаются, прижимаютъ весло къ каяку и ждутъ, пока волна не перекатится черезъ нихъ. Всѣ каяки скрываются подъ водою, а когда они вновь появляются на поверхности, то пловцы оглядываются, не случилось ли бѣды

съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей. Если одинъ изъ каяковъ опрокидывается, другіе спѣшатъ къ нему на помощь и стараются привести его въ прежнее положеніе. Для этого эскимосъ подплываетъ какъ можно ближе къ опрокинувшемуся каяку, протягиваетъ черезъ него свое весло, затѣмъ старается схватить товарища за руку и сильнымъ движеніемъ вытаскиваетъ его изъ воды, такъ что тотъ можетъ схватиться за протянутое весло. При этомъ шуба часто отстаетъ отъ обруча, вокругъ котораго она была привязана, и внутрь каяка попадаетъ немного воды, но не въ такомъ количествѣ, чтобы она мѣшала дальнѣйшему путешествію.

Охотникамъ, которые тащатъ за собою добычу, приходится, конечно, труднѣе. Они обыкновенно отстаютъ, а тяжелыя убитыя животныя шлепаютъ о бока каяковъ. Иногда у охотниковъ мелькаетъ мысль отрѣзать добычу и бросить ее на произволъ судьбы, но потомъ они рѣшаются еще немного потерпѣть и побороться съ бурей. Самый радостный моментъ для охотника—когда онъ въѣзжаетъ съ добычей въ бухту и видитъ на берегу довольныя и счастливыя лица членовъ своей семьи; онъ думаетъ объ этой счастливой минутѣ во все время своего пути, и потому неудивительно, что лишь въ крайнемъ случаѣ рѣшается разстаться со своей добычей.

Преодолѣвъ всевозможныя препятствія, охотники наконецъ подплываютъ къ прибрежнымъ островкамъ и между ними находятъ защиту отъ яростнаго прибоя волнъ. Здѣсь они подвигаются быстрѣе и вскорѣ приближаются къ берегу, куда собрались всѣ женщины поселка, чтобы встрѣтить охотниковъ. Женщины обыкновенно забираются заблаговременно на ближайшую высокую гору и, сбившись въ кучку, напряженнымъ взоромъ всматриваются въ бушующее море, стараясь выслѣдить привычнымъ взглядомъ маленькія черныя движущіяся точки, которыя онѣ привѣтствуютъ радостными криками. «Ѣдутъ, ѣдутъ!»—кричатъ онѣ, пересчитывая чуть виднѣющіяся на горизонтѣ точки. «Двухъ недостаетъ!»—кричатъ онѣ въ волненіи. «Вотъ одинъ вынырнулъ, а вотъ и второй. Всѣ, всѣ цѣлы!»—кричатъ онѣ въ радостномъ возбужденіи.

Вскорѣ женщины начинаютъ различать каждаго отдѣль-

наго гребца по формѣ каяка, по его манерѣ грести, и уже вскорѣ отличаютъ, кто изъ охотниковъ вернулся съ добычей. «Боасъ буксируетъ!»—кричитъ одна изъ женщинъ, и эта радостная вѣсть переходитъ изъ устъ въ уста. Дѣти кричатъ и прыгаютъ отъ восторга, и группы женщинъ устремляются съ горы внизъ, къ самому берегу. Затѣмъ раздается крикъ: «Тобіасъ буксируетъ, и Сима, и Давидъ!»—и крики все усиливаются, и радость женщинъ и дѣтей не знаетъ предѣловъ.

Наконецъ первые каяки показываются въ самой бухтѣ и быстро подплываютъ къ плоскому берегу, легко подымаясь и опускаясь на волнахъ. Это тѣ, у которыхъ нѣтъ добычи. Женщины схватываютъ конецъ каяка и вытаскиваютъ его на песокъ. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые тащатъ за собою тюленя. Они должны подплывать гораздо осторожнѣе и сперва отвязать добычу, которую вытаскиваютъ на берегъ женщины. Когда охотники вышли изъ каяковъ, они вынимаютъ оружіе и весла и затѣмъ уже не заботятся ни о каякѣ, ни о добычѣ. Вся дальнѣйшая работа лежитъ на обязанности женщинъ.

Мужчины идутъ въ свои хижины, снимаютъ мокрое платье и слегка закусываютъ, но главная ѣда начинается только тогда, когда добычу приволокутъ домой, разрѣжутъ, сварятъ и, выливъ въ большую чашку, поставятъ на полъ. Тогда эскимосы поѣдаютъ страшное количество мяса и жира.

Утоливъ свой голодъ, женщины принимаются за какую-нибудь работу, а мужчины или отдыхаютъ, или чистятъ и чинятъ орудія для ловли и тщательно просушиваютъ лесы отъ гарпуна. Они начинаютъ неторопливо разсказывать всевозможныя приключенія, какія случились на морѣ, причемъ разсказъ ихъ очень сухъ и сдержанъ, безъ малѣйшихъ прикрасъ, зато исполненъ юмора, который вызываетъ громкій смѣхъ среди слушателей. Такое препровожденіе времени является выраженіемъ высшаго семейнаго счастья эскимоса. Жизнь его, повидимому, очень однообразна, но эскимосъ любитъ эту жизнь, любитъ море, любитъ свою опасную работу на каякѣ, и долго сидѣть дома для него—самое ужасное наказаніе. Старики, которые уже не могутъ выѣзжать на каякахъ, влачатъ самое печальное существованіе. Они также выползаютъ на берегъ, радуются, глядя на возвращеніе охотниковъ,

и крайне довольны, если могутъ помочь вытянуть лодки и добычу на берегъ. Зато по вечерамъ, когда семья собирается вокругъ горящаго очага, они начинаютъ длинные разсказы о былыхъ временахъ, и ихъ воспоминанія разжигаютъ энергію молодыхъ и вселяютъ въ нихъ отвагу на новые геройскіе подвиги.

Не всѣ охоты бываютъ такъ благополучны, какъ та, которую мы здѣсь описали. Не трудно себѣ вообразить, какое неловкое положеніе занимаетъ человѣкъ, втиснутый въ узкое отверстіе каяка, и какъ осторожны должны быть его движенія, чтобы не опрокинуть свою утлую ладью. Сколько присутствія духа требуется для того, чтобы справиться съ тюленемъ, который внезапно нападаетъ на каякъ, и убить его прежде, чѣмъ онъ разобьетъ его вдребезги. Самое опасное, когда животное ныряетъ изъ воды около самаго борта каяка, потому что оно тогда легко опрокидываетъ лодку и нападаетъ на самого человѣка, а иногда разрываетъ дно каяка. Въ такомъ случаѣ требуется необыкновенное хладнокровіе, чтобы вынырнуть изъ воды, вступить въ борьбу съ животнымъ и спастись такимъ образомъ отъ неминуемой гибели.

Еще болѣе опаснымъ противникомъ является моржъ; для нападенія на это животное охотники обыкновенно собираются по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, чтобы помочь другъ другу въ случаѣ опасности.

Моржъ—большое животное, приблизительно въ $2^1/_2$ сажени длины, съ толстой непроницаемой кожей и большимъ слоемъ жира. Надо очень сильную и вѣрную руку, чтобы уложить такое животное на мѣстѣ. Моржъ обыкновенно не бросается въ бѣгство, а самъ нападаетъ на человѣка. У моржа громадные клыки, которыми онъ можетъ нанести человѣку большой вредъ. Кромѣ того, если поблизости находятся другіе моржи, то они бросаются на помощь товарищамъ и окружаютъ каякъ со всѣхъ сторонъ. Даже норвежскіе охотники, которые выѣзжаютъ на большихъ лодкахъ и снабжены ружьями, топорами и копьями, и тѣ очень опасаются моржей; какое же требуется мужество, чтобы выѣхать навстрѣчу такому животному въ маленькой лодочкѣ и, въ большинствѣ случаевъ, одному. Но для эскимоса такая охота—самое обы-

денное событіе; онъ идетъ на всякую опасность съ самой хладнокровной отвагой.

При охотѣ на моржа требуется прежде всего большое самообладаніе, чтобы побѣдить всевозможныя случайности, которыя могутъ оказаться роковыми для охотника. Иногда моржъ протыкаетъ своимъ длиннымъ клыкомъ дно каяка и впивается въ тѣло охотника; тогда товарищи спѣшатъ на помощь, убиваютъ моржа, и раненый эскимосъ имѣетъ еще достаточно силы, чтобы, зачинивъ каякъ, добраться домой. Эскимосы вообще съ большимъ мужествомъ переносятъ всякую боль. Слѣдующій разсказъ можетъ послужить тому примѣромъ: «Однажды охотникъ отправился въ открытое море и, добравшись до мѣста ловли, увидѣлъ передъ собою громаднаго тюленя. Онъ схватился за ружье, чтобы выстрѣлить, но задѣлъ куркомъ за ремень, и весь зарядъ попалъ ему въ нижнюю часть живота. Когда эскимосъ немного пришелъ въ себя, то выползъ на льдину и прилегъ на нее. Однако, съ сѣвера подулъ рѣзкій вѣтеръ, на льдину стали набѣгать волны, и онъ принужденъ былъ снова залѣзть въ свой каякъ и направить его на обратный путь къ берегу. Удивительно, что у него хватило настолько силы, чтобы добраться до бухты и вытянуть каякъ на берегъ. Тутъ только онъ лишился чувствъ, и его нашли, уже черезъ нѣсколько часовъ, еще живымъ, несмотря на ужасную потерю крови. Онъ прожилъ еще три дня и умеръ совершенно спокойно, потому что эскимосы вообще не боятся смерти».

Промыселъ эскимоса, какъ мы видѣли, сопряженъ съ большими опасностями; тѣмъ не менѣе, онъ имъ охотно занимается, и если бы у эскимосовъ существовала лѣтопись, то она могла бы перечислить цѣлый рядъ истинно-геройскихъ подвиговъ. Таковъ народъ, который напрасно зовутъ трусливымъ, и на который европейцы позволяютъ себѣ смотрѣть сверху внизъ.

Глава V.

Зимніе дома, шатры, женскія лодки и кочевка.

Зимой эскимосы живутъ въ домахъ, сложенныхъ изъ камня и дерна. Дома эти, съ почти плоской крышей, возвышаются около двухъ аршинъ надъ землей и на полъ-аршина зарыты въ землю; они весьма непригляднаго вида. Издали такой домъ напоминаетъ небольшую кучку земли.

Зимнія жилища эскимосовъ въ западной Гренландіи.

Въ домахъ существуетъ одна только комната, въ которой живетъ по нѣскольку семей; она такъ низка, что человѣкъ средняго роста не можетъ въ ней вполнѣ выпрямиться. Домъ имѣетъ форму длиннаго прямоугольника; по одной изъ длинныхъ его сторонъ тянутся нары, на которыхъ спятъ всѣ обитатели хижины: мужчины, женщины и дѣти, ногами къ стѣнкѣ, а головою къ серединѣ комнаты. Неженатые мужчины спятъ обыкновенно на отдѣльныхъ нарахъ, подъ окошками, на противоположной длинной стѣнѣ. Окошки прежде обыкновенно затягивались пузыремъ, но теперь почти во всѣхъ домахъ вставлены стекла. У короткихъ поперечныхъ стѣнъ устроены тоже нары; на нихъ спятъ гости.

Просто удивительно, какъ мало требуется мѣста для житья эскимосу. Въ домикѣ, въ четыре сажени длины и около двухъ саженъ ширины, помѣщалось иногда восемь семей, состоявшихъ изъ тридцати восьми человѣкъ; конечно, при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о просторѣ.

Постели состоятъ изъ оленьихъ или тюленьихъ шкуръ; прежде такія же шкуры служили и одѣялами, но теперь эскимосы любятъ укрываться пуховиками. Стѣны и полъ тоже устилались каменными плитами, но, благодаря услугамъ европейцевъ, они теперь отдѣлываютъ свои жилища досками, и имъ случается даже мыть полъ, правда—не чаще двухъ разъ въ годъ.

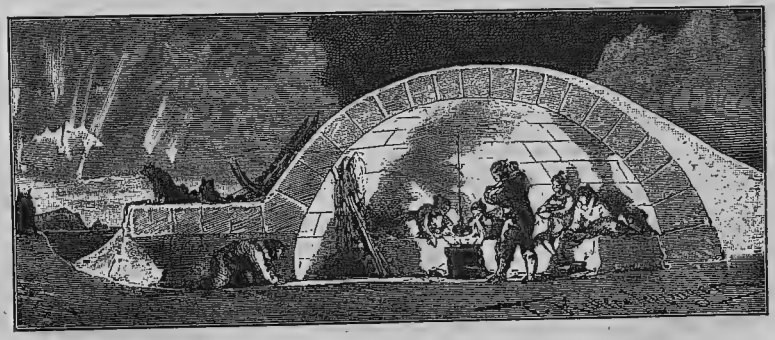
Въ комнату входятъ черезъ узкій темный проходъ, который прорытъ въ землѣ, а сверху выложенъ камнями и дерномъ. Проходъ обыкновенно настолько узокъ и низокъ, что въ него можно пробираться лишь ползкомъ; а если человѣкъ немножко тученъ, то ему грозитъ опасность застрять въ проходѣ и взывать о помощи. Въ комнату входятъ черезъ узкое четыреугольное отверстіе, которое продѣлано въ одной изъ короткихъ стѣнокъ и закрыто дверью или просто заставлено досками.

Длинный узкій проходъ устроенъ для того, чтобы холодный наружный воздухъ не проникалъ свободно въ домъ, а внутренній теплый не выходилъ наружу.

Въ первобытныхъ гренландскихъ домахъ не существовало очага. Они освѣщались и согрѣвались лампами-плошками, въ которыхъ горѣлъ тюленій жиръ. Ночью лампы горятъ не только ради тепла, но и потому, что эскимосъ очень суевѣренъ и страшно боится темноты. Про настоящаго бѣдняка очень часто говорятъ: «онъ такъ бѣденъ, что не можетъ ночью жечь лампу».

Лампы представляютъ собою плоскія полукруглыя чашки изъ стеатита или жировика, въ формѣ луннаго серпа; съ правой стороны чашки плаваетъ фитиль, свернутый изъ тряпокъ или сухого мха. Лампы ставятся на высокую ножку и затѣмъ еще на столъ или возвышеніе около наръ. Каждая семья имѣетъ свою лампу. Поэтому, если въ домѣ живетъ нѣсколько семей, то тамъ горитъ и нѣсколько лампъ, потому что ка-

ждая семья зажигаетъ по крайней мѣрѣ одну лампу, а иногда и нѣсколько. Пища прежде варилась надъ этими лампами въ горшкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку. Такъ это дѣлается и теперь на восточномъ берегу Гренландіи, на западномъ же берегу обыкновенно устраиваютъ очаги направо или налѣво отъ входной двери. Вмѣсто дровъ употребляютъ торфъ, а также гуано—сухой пометъ чаекъ. Вмѣсто каменныхъ горшковъ употребляются желѣзные, которые можно купить въ европейскихъ колоніяхъ. Западные гренландцы дошли до такой роскоши, что покупаютъ себѣ печи; но лампы про-



Зимнее жилище эскимоса (разрѣзъ).

должаютъ горѣть по-прежнему, если не для тепла, то для свѣта.

Какъ мы уже говорили, эскимосы помѣщались по нѣсколько человѣкъ въ одномъ домѣ, но европейцы уговорили ихъ селиться отдѣльными семьями, награждая тѣхъ, которые строили себѣ отдѣльные дома. Но такое нововведеніе не послужило на пользу эскимосамъ, потому что дома строятся не такъ основательно, и въ нихъ гораздо холоднѣе; въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, европейцы оказали имъ лишь сомнительную услугу.

Въ длинную суровую зиму въ многосемейныхъ домахъ бываетъ довольно тепло, и въ нихъ еще можно жить, но лѣтомъ со стѣнъ начинаетъ течь, съ потолка постоянно капаетъ вода, а иногда онъ и совсѣмъ проваливается, такъ что жить тамъ бываетъ болѣе чѣмъ неудобно. Поэтому въ

прежнія времена гренландецъ, еще до наступленія весны, покидалъ свое жилище и даже раскрывалъ крышу, чтобы оно могло хорошо провѣтриться. Все лѣто и часть осени до октября мѣсяца эскимосы жили въ шатрахъ, причемъ каждая семья помѣщалась отдѣльно. Эти шатры имѣли полукруглую форму, причемъ въ болѣе высокой прямой стѣнѣ была устроена входная дверь. Внутри все было устроено такъ же, какъ и въ домахъ: нары тянулись вдоль полукруглой стѣны, напротивъ входной двери, которая была завѣшена полупрозрачной кожей изъ внутренностей животныхъ. Наружныя стѣны шатра состояли изъ непромокаемыхъ кожъ, обыкновенно изъ старыхъ каячныхъ покрышекъ, а внутри висѣли оленьи или тюленьи шкуры, мѣхомъ внутрь. Эти шатры были настолько теплы, что эскимосы и здѣсь, какъ у себя въ домахъ, ходили почти голые.

Въ лѣтнее время эскимосы обыкновенно выѣзжаютъ въ море на длинныхъ лодкахъ саженъ въ 6, которыя управляются женщинами, почему европейцы и называютъ ихъ женскими лодками. Эти открытыя лодки состоятъ изъ деревяннаго остова, очень плоскодонны, не имѣютъ палубы и обтянуты также, какъ и каяки, тюленьими шкурами. Эти лодки очень легки на ходу, но чрезвычайно неповоротливы и легко опрокидываются; поэтому, какъ только поднимается вѣтеръ, ихъ сейчасъ же поворачиваютъ къ берегу. Въ такія лодки помѣщается все достояніе эскимоса: разобранный шатеръ, домашняя утварь, дѣти, собаки и т. д. На весла садится до десяти женщинъ, а глава семьи садится къ рулю; остальные мужчины плывутъ въ своихъ каякахъ вслѣдъ за лодкой. Въ этихъ семейныхъ лодкахъ гренландцы переѣзжали лѣтомъ съ одного мѣста улова на другое и оставались мѣсяца по два въ такихъ заливчикахъ, около которыхъ водились тюлени. Они ходили на охоту и жили въ свое удовольствіе.

Гренландцы предпринимали прежде далекія поѣздки вдоль западнаго берега, проплывая иногда болѣе ста миль. Двигались они, правда, не торопясь, иногда въ два мѣсяца проѣзжая небольшое разстояніе. Если имъ попадалось по дорогѣ мѣсто хорошаго улова тюленей, они разбивали тамъ шатры и жили подолгу. Когда наступала зима, они выбирали

себѣ удобное мѣсто для постройки зимнихъ домиковъ. Такъ поступаютъ еще многіе гренландцы восточнаго прибрежья. Посредствомъ такой перекочевки гренландцы избѣгали опасности засиживаться слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ. Они встрѣчались съ другими людьми, и лѣтомъ по всему прибрежью царила очень оживленная жизнь. Эскимосы проникались новыми интересами, дѣлились впечатлѣніями, но главное, на что вліяла перемѣна мѣста, это—обиліе получаемой добычи; къ сожалѣнію, и въ отмѣнѣ такихъ поѣздокъ вліяніе европейцевъ клонится не въ пользу эскимосовъ. Они почему-то хотѣли непремѣнно отучить ихъ отъ кочевки и заставить вести осѣдлую жизнь. Многіе гренландцы теперь уже не покидаютъ насиженныхъ мѣстъ. Они значительно обѣднѣли, ощущаютъ недостатокъ въ тюленьихъ шкурахъ, почему и не могутъ устраивать шатровъ, а принуждены жить цѣлый годъ въ тѣсныхъ вонючихъ домахъ, гдѣ разводятся всевозможныя бактеріи и міазмы. Имъ приходится постоянно выѣзжать на одно и то же мѣсто за добычей; ея же становится все меньше и меньше, а потому и питаніе эскимосскихъ семей теперь гораздо скуднѣе. Въ послѣднее время положеніе эскимосовъ настолько ухудшилось, что внушаетъ самыя серьезныя опасенія.

Глава VI.

Кушанье и лакомства.

Удивительно то, что эскимосъ не признаетъ опредѣленныхъ часовъ для принятія пищи; онъ ѣстъ тогда, когда голоденъ, если, конечно, имѣется какая-нибудь пища. Эскимосы могутъ долгое время проводить безъ ѣды, но зато сразу поѣдаютъ громадное количество мяса и жиру.

Приготовленіе пищи весьма несложно. Мясо и рыба съѣдается обыкновенно въ сыромъ или замороженномъ видѣ, иногда вареномъ, иногда сушеномъ. Мясо часто бываетъ немного сгнившимъ, его тогда называютъ «микіакъ» и съѣдаютъ просто, безъ всякихъ приправъ. Одно изъ любимыхъ блюдъ—гнилыя головы тюленей. Тюленій и китовый

жиръ обыкновенно съѣдается сырымъ. Каждый образованный европеецъ почувствуетъ отвращеніе при мысли, что можно ѣсть сырой жиръ, но я могу сказать, что у него очень пріятный вкусъ, немного сладковатый, напоминающій сливки. Непріятный запахъ получается лишь тогда, когда его варятъ или жарятъ, или когда жиръ испортится. Существуетъ мнѣніе, что эскимосы любятъ пить топленый жиръ; они, конечно, не брезгуютъ и такимъ кушаньемъ. Когда я жилъ въ Годхабѣ, въ Гренландіи, у меня была служанка Розина; прежде чѣмъ заправить лампу, она отпивала изъ нея два или три глотка жира. Эскимосы очень любятъ нѣчто вродѣ компота изъ дудника (ангелики) съ топленымъ жиромъ. Кромѣ дудника, они употребляютъ въ пищу еще и другія растенія: одуванчики, щавель, вороніху или водянику и различныя водоросли.

Самымъ большимъ лакомствомъ считается содержимое оленьяго желудка. Если гренландцу удастся убить оленя, и онъ не можетъ привезти всего звѣря домой, то онъ обыкновенно вырѣзаетъ желудокъ и преподноситъ его дамѣ своего сердца. Причина, почему они такъ любятъ такое странное кушанье, заключается въ недостаткѣ растительной пищи. Олень для своего питанія отыскиваетъ самые нѣжные мхи и растенія, и они образуютъ у него въ желудкѣ довольно пикантное блюдо. Многимъ это покажется ужасною гадостью, но я, съ позволенія сказать, испробовалъ этого блюда и не нашелъ его очень противнымъ. Оно немного напоминаетъ перестоялое кислое молоко. Къ нему прибавляютъ кусочки жира и ягоды воронихи. Другое блюдо, которое тоже не совсѣмъ было бы европейцамъ по вкусу,—это внутренности птицъ, главнымъ образомъ, бѣлыхъ куропатокъ, причемъ эскимосы не только ѣдятъ желудокъ, но и проглатываютъ съ удивительною ловкостью всѣ кишки. Читатель извинитъ меня, если я не могу сообщить ему о вкусѣ такой пищи, потому что это—единственное кушанье эскимосовъ, котораго я не испробовалъ.

Другое лакомство представляетъ изъ себя кожа различныхъ китовыхъ породъ; кожа снимается съ толстымъ, лежащимъ подъ нею, слоемъ жира и съѣдается, безъ дальнѣйшихъ церемоній, сырою. За это блюдо эскимосы заслужили

мое глубокое уваженіе. Увѣряю читателя, что теперь, при одномъ воспоминаніи объ этой жирной кожѣ, у меня слюнки текутъ во рту. Устрицы—ничто въ сравненіи съ этимъ лакомствомъ, которое имѣетъ передъ ними еще то преимущество, что его можно жевать безъ конца. Даже датчане любятъ это кушанье, но они дѣлаютъ ту ошибку, что варятъ кожу, отчего она дѣлается похожей на студень и теряетъ удивительный вкусъ орѣховаго зерна и устрицъ. Вареная кожа такъ же безвкусна, какъ если бы вы глотали воздухъ.

Сырая кожа тюленей съ приставшимъ къ ней жиромъ также охотно поѣдается эскимосами, но она не такъ вкусна, какъ китовая кожа, и, кромѣ того, приставшіе къ ней волосы непріятно щекочутъ горло, такъ что ихъ приходится выплевывать.

Эскимосы ѣдятъ мясо тюленей, китовъ, оленей, зайцевъ, медвѣдей, птицъ, даже собакъ и лисицъ. Единственная птица, которой они пренебрегаютъ, — это ворона. Ихъ мясо считается нечистымъ, потому что они ищутъ пропитанія на навозныхъ кучахъ. Эскимосы любятъ исключительно жирное мясо, а тощее, какъ бы вкусно оно ни было, презирается ими. Конечно, во время голодовки они ѣдятъ все, что угодно, и даже варятъ похлебку изъ кусковъ старой кожи.

Кушанья у нихъ подаются совсѣмъ не такъ, какъ у европейцевъ; столовъ у нихъ вовсе не существуетъ. Миски съ кушаньемъ ставятся на полъ, обѣдающіе ложатся на нары и достаютъ кушанья прямо руками. Имъ даже и въ голову не приходитъ поставить миску хотя бы на ящикъ. Повидимому, имъ даже нравится наклоняться за каждымъ кускомъ.

Изъ всѣхъ продуктовъ, привезенныхъ европейцами въ Гренландію, эскимосамъ больше всего нравится кофе, и они поглощаютъ его въ слишкомъ большомъ количествѣ. Они варятъ его очень крѣпкимъ и выпиваютъ заразъ по двѣ полоскательныхъ чашки. Они готовы хоть пять разъ на дню пить кофе, говоря, что онъ очень вкусенъ и веселитъ душу. Эскимосы однако же очень скоро догадались, что кофе—довольно вредный напитокъ, и поэтому не даютъ его пить молодымъ людямъ, изъ которыхъ они надѣются сдѣлать хорошихъ охотниковъ. «Отъ слишкомъ большого употребленія

кофе человѣкъ теряетъ вѣрность движенія, и съ нимъ можетъ случиться несчастіе на охотѣ»,—говорятъ эскимосы, и въ этомъ отношеніи они совершенно правы, потому что дознано, что ядъ, заключающійся въ кофе,—кофеинъ, дѣйствуетъ прежде всего на нервные центры, управляющіе движеніемъ.

Послѣ кофе они больше всего любятъ табакъ и сладкій хлѣбъ. На западномъ прибрежьѣ Гренландіи больше всего курятъ и жуютъ табакъ, а на восточномъ прибрежьѣ въ большемъ почетѣ табакъ нюхательный. Но женщины на западномъ прибрежьѣ также любятъ нюхать табакъ, и этимъ занимаются даже молодыя дѣвушки. На восточномъ прибрежьѣ нюхательный табакъ служитъ вмѣсто привѣтствія. Эскимосъ не говоритъ: «здравствуйте!» или «какъ я радъ васъ видѣть», а прямо протягиваетъ гостю табакерку, и тотъ въ свою очередь угощаетъ его своимъ табакомъ. При прощаньѣ повторяется та же самая церемонія. На западномъ берегу Гренландіи эскимосы приготовляютъ табакъ для жвачки совсѣмъ особеннымъ образомъ. Длинныя фарфоровыя трубки, получаемыя изъ Даніи, до половины набиваются табакомъ, который смачивается, затѣмъ трубка набивается до краевъ сухимъ табакомъ и зажигается. Трубка курится только до тѣхъ поръ, пока пламя не коснется мокраго табаку; тогда она тухнетъ, а содержимое выколачивается изъ трубки вмѣстѣ съ накопившимся табачнымъ сокомъ, и табакъ для жвачки готовъ. Его обыкновенно забираютъ съ собой, когда выѣзжаютъ на охоту.

Къ счастью, правительство запретило продавать эскимосамъ водку, но европейцы, живущіе въ Гренландіи, имѣютъ право выписывать водку для себя и угощать ею эскимосовъ. Эти угощенія происходятъ главнымъ образомъ, когда выѣзжаютъ съ ними на лодкахъ или когда заключаютъ какую-нибудь торговую сдѣлку.

Всѣ эскимосы, мужчины и женщины, страстно любятъ водку не потому, чтобы водка была вкусна, а потому, что нѣтъ лучше состоянія, какъ быть пьянымъ. Эскимосы пользуются всякимъ случаемъ, чтобы напиться, и жены находятъ ихъ восхитительными въ состояніи опьянѣнія. Въ ихъ оправ-

даніе я долженъ замѣтить, что эскимосы далеко не такъ отвратительны въ пьяномъ состояніи, какъ европейцы, и очень рѣдко выражаютъ наклонность затѣвать драки.

До пріѣзда европейцевъ въ эту страну, эскимосы не знали, что такое водка. Когда приближался праздникъ Рождества Христова, эскимосы освѣдомлялись, скоро ли европейцы начнутъ сходить съ ума; они считали это сумасшествіе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ праздника, и оно служило имъ мѣриломъ для опредѣленія времени года. Только гораздо позднѣе они узнали, что такое состояніе является послѣ угощенія напиткомъ, который они окрестили названіемъ: «отъ него теряется разсудокъ», и только впослѣдствіи научились называть его «шнапсомъ».

Глава VII.

Характеръ и общественныя отношенія.

Гренландецъ изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, отличается наибольшимъ добродушіемъ. Миролюбіе и уживчивость—вотъ два главныя качества его характера. Онъ стремится жить въ мирѣ со своими ближними, а потому ему и въ голову не приходитъ оскорблять ихъ или говорить грубости. Въ языкѣ эскимосовъ даже нѣтъ соотвѣтствующихъ ругательныхъ словъ. Эскимосъ не любитъ противорѣчить, даже тогда, когда знаетъ, что то, что ему разсказываютъ, не вполнѣ согласуется съ истиною. Всякое противорѣчіе онъ старается облечь въ возможно мягкую форму, и для него прямо немыслимо обличить открыто другого человѣка во лжи. Онъ также очень неохотно говоритъ другому правду, если она можетъ показаться собесѣднику непріятной. Онъ ограничивается обыкновенно неопредѣленными замѣчаніями, даже если дѣло касается такихъ отвлеченныхъ предметовъ, какъ хорошая или дурная погода. Если у него что-нибудь украдутъ, и онъ знаетъ, кто воръ, то рѣдко требуетъ обратно похищенное. Поэтому между эскимосами почти не бываетъ ссоръ. Имъ некогда тратить время на пустую перебранку, такъ какъ никакому народу не приходится расходовать

столько силъ на борьбу съ природой; они говорятъ, что имъ неразсчетъ тратить эти силы на пустяки.

Эскимосъ собственно очень счастливый человѣкъ. Нравъ у него беззаботный, и онъ обыкновенно бываетъ веселъ, какъ ребенокъ. Всякое горе его сильно поражаетъ лишь въ первую минуту, а затѣмъ онъ снова сіяетъ и вполнѣ доволенъ своимъ житьемъ-бытьемъ. Беззаботный по природѣ, онъ рѣдко задумывается о будущемъ. Если у него есть пища, онъ доволенъ и не тревожится тѣмъ, что ему придется, быть можетъ, голодать въ будущемъ,—что въ послѣднее время случается, къ сожалѣнію, слишкомъ часто.

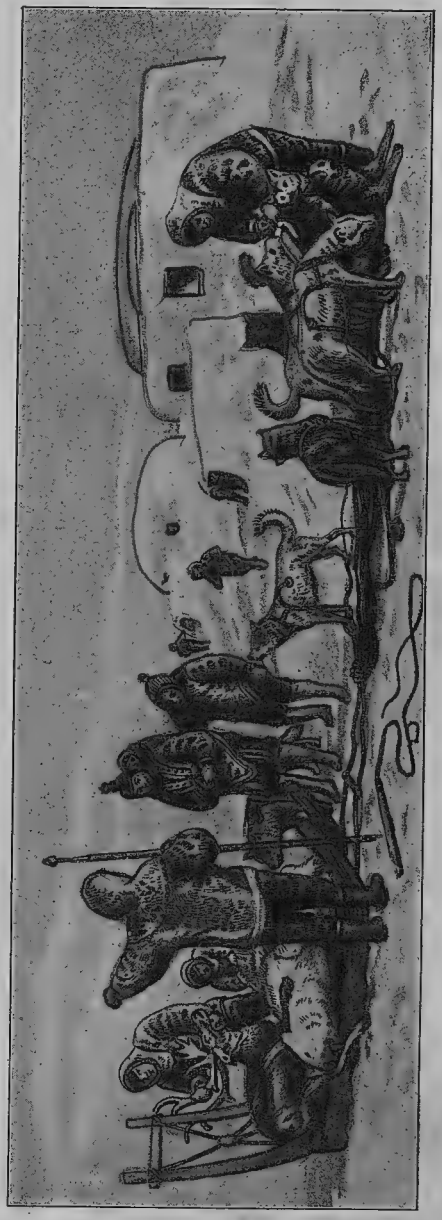
Эту беззаботность обыкновенно ставили ему въ вину, и европейцы старались воспитать въ немъ чувство предусмотрительности по отношенію къ хозяйству и пропитанію. Это легкомысліе, однако, и составляетъ главный источникъ мужества для эскимоса. Всякій бѣднякъ больше всего тревожится о томъ, что ему и его семьѣ придется пережить въ будущемъ. Эскимосу же неизвѣстны такія страданія. Если онъ и голодалъ, и переживалъ тяжелыя времена, онъ все забываетъ въ ту минуту, когда ему предстоитъ возможность насытиться. Воспоминанія о перенесенныхъ лишеніяхъ не мѣшаютъ ему наслаждаться хотя бы и кратковременнымъ благополучіемъ. Единственно, что нарушаетъ его радостное настроеніе — это видъ чужого страданія. Поэтому эскимосъ всегда охотно дѣлится съ бѣднякомъ до тѣхъ поръ, пока у него есть чѣмъ дѣлиться. Сердце эскимоса особенно страдаетъ, если онъ видитъ, что голодаютъ дѣти, и взрослые кормятъ ихъ, лишая себя часто послѣдняго куска. Эскимосъ всегда надѣется на лучшія времена, и эта надежда помогаетъ ему переживать очень продолжительныя голодовки.

Взаимныя отношенія эскимосовъ были основаны на очень благотворныхъ обычаяхъ и правилахъ, которые передавались потомству изъ устъ въ уста и очень рѣдко нарушались. Но вотъ европейцы пріѣхали въ страну; не изучивъ, какъ слѣдуетъ, народа, они вообразили себѣ, что призваны совершить необыкновенное преобразованіе, и постарались пошатнуть коренныя міровоззрѣнія туземцевъ. Эскимосы слушали незнакомцевъ съ нескрываемымъ удивленіемъ. До сихъ поръ

они были довольны собою и всѣмъ міромъ, и даже не подозрѣвали, что они—такіе плохіе люди.

Благодаря вліянію болѣе высокой культуры, европейцы, конечно, въ концѣ концовъ покорили эскимосовъ и породили среди нихъ самыя пестрыя смѣшенія понятій. Европейскіе и туземные взгляды и обычаи перепутались и вызвали смуту въ умахъ; но такъ какъ эскимосы — очень консервативный народъ, то и теперь они сохранили много первобытныхъ понятій и воззрѣній.

Какъ у всѣхъ народовъ, живущихъ охотою, у нихъ весьма растяжимое понятіе о правахъ собственности. Лично эскимосу принадлежатъ его каякъ, одежда и орудія для охоты. Эти предметы считаются неприкосновенными; каждый эскимосъ долженъ содержать свою семью,



Сборы въ зимнюю поѣздку.

а потому все, что составляетъ принадлежность охоты, должно лежать на томъ мѣстѣ, на которое положилъ эти вещи хозяинъ; онѣ весьма рѣдко отдаются напрокатъ. Домашняя утварь является достояніемъ всей семьи, живущей въ одномъ домѣ, и только принадлежности для рукодѣлья женщинъ представляютъ личную собственность каждой изъ нихъ отдѣльно. Домъ принадлежитъ всей семьѣ или нѣсколькимъ семьямъ, которыя живутъ вмѣстѣ.

Эскимосъ не имѣетъ понятія о земельной собственности, но существуетъ обычай никогда не селиться близъ мѣста, занятаго другими, если на то не послѣдовало ихъ согласія. Плавучій лѣсъ принадлежитъ тому, кто нашелъ его въ водѣ, гдѣ бы то ни было. Чтобы удержать за собою право пользоваться этимъ лѣсомъ, онъ долженъ вытащить его на берегъ и сдѣлать на немъ какую-нибудь особенную помѣтку. Эскимосъ очень уважаетъ подобную собственность, и если онъ положилъ ее куда-нибудь на берегъ, то можетъ быть увѣренъ, что найдетъ ее тамъ, хотя бы черезъ нѣсколько лѣтъ, если только это мѣсто не посѣтили европейцы. Вотъ нѣкоторыя правила эскимоса относительно отдачи взаймы или продажи:

«Если кто-нибудь одолжилъ другому лодку, стрѣлы или лесы, или какое-нибудь другое орудіе для охоты, и это имущество будетъ попорчено вслѣдствіе неудачи на охотѣ или какихъ-нибудь другихъ, независящихъ отъ человѣка, обстоятельствъ, то убытокъ падаетъ на того, кто далъ эти предметы взаймы, а не на того, кто ихъ получилъ. Если же кто-нибудь взялъ орудіе безъ спроса, не предупредивъ о томъ хозяина, и оно повредилось на охотѣ, то онъ долженъ его исправить и вернуть хозяину въ прежнемъ цѣломъ видѣ». Случается это очень рѣдко, потому что эскимосъ долженъ быть въ особенно безвыходномъ положеніи, чтобы позволить себѣ воспользоваться чужою собственностью, не спросясь.

«Если кто-нибудь купилъ у другого какой-нибудь предметъ, и онъ ему не понравился, то онъ можетъ отдать его обратно, даже по истеченіи довольно продолжительнаго срока. Если покупаются довольно цѣнные предметы, какъ, напримѣръ, лодки или ружья, и покупатель не имѣетъ средствъ выплатить всю сумму наличными, ему охотно отпускаютъ въ

долгъ. Если должникъ умеръ, не заплативъ всѣхъ денегъ, то его кредиторъ уже не предъявляетъ больше никакихъ требованій».

Гренландецъ вообще не можетъ накапливать никакихъ сокровищъ, потому что вокругъ него живутъ всегда нуждающіеся, съ которыми онъ обязанъ дѣлиться; даже убитая добыча не принадлежитъ по праву исключительно тому, кто ею овладѣлъ. О распредѣленіи этой добычи существуютъ опредѣленные обычаи, и только нѣкоторыя породы рыбъ эскимосъ можетъ сохранить исключительно для своей семьи. Тюлень обыкновенно дѣлится между тѣми, кто участвовалъ въ ловлѣ, а иногда каждая семья поселка получаетъ по опредѣленному куску. Отъ моржа и кита самъ охотникъ получаетъ сравнительно очень небольшой кусокъ, хотя бы онъ убилъ его вполнѣ самостоятельно. Когда на берегъ вытаскивается большого размѣра китъ, то всѣ обитатели поселка бросаются на него съ ножами, и каждый начинаетъ съ поспѣшностью отрѣзать себѣ кусокъ, причемъ нерѣдко ранитъ своего сосѣда.

Если же въ поселкѣ свирѣпствуетъ голодъ, то охотникъ обыкновенно ничего не оставляетъ себѣ изъ добычи, а считаетъ долгомъ устроить пиръ и дать другимъ возможность поѣсть свѣжаго мяса, котораго они, быть можетъ, были долго лишены.

Если уловъ бываетъ хорошъ, то пиры задаются на-славу, и всѣ ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока кусокъ не станетъ поперекъ горла. Остатки убираются и прячутся на зиму. Когда наступаетъ голодъ, то всѣ обязаны дѣлиться послѣднимъ кускомъ, а когда послѣдній кусокъ съѣденъ, то всѣ голодаютъ сообща, а иногда и умираютъ съ голода. Имѣть кусокъ въ запасѣ, когда кругомъ голодъ,—такой случай не встрѣчается среди эскимосовъ Гренландіи.

Изъ нашего разсказа видно, что у эскимосовъ существуетъ обычай дѣлить свою добычу между обитателями поселка для того, чтобы каждому не приходилось ежедневно выѣзжать на охоту. Такой обычай выработался опытомъ долгихъ лѣтъ и обратился въ законъ, отъ котораго никто не отказывается.

Помогать въ нуждѣ другимъ—вотъ первое правило общежитія эскимосовъ. Небольшіе поселки живутъ всегда дружно; суровая жизнь научила эскимоса, что даже опытный охотникъ долженъ въ одинъ прекрасный день, вслѣдствіе ли болѣзни или неудачи, обратиться за помощью къ сосѣду, а потому онъ и самъ считаетъ своимъ долгомъ быть всегда наготовѣ, чтобы оказать другому помощь. Сама природа научила ихъ помогать ближнимъ, и христіанство только подтвердило этотъ обычай.

Эскимосъ—очень радушный хозяинъ; каждый путешественникъ можетъ зайти въ первый попавшійся домъ эскимоса и пробыть тамъ, сколько угодно. Когда путникъ уходитъ, ему даютъ съ собою обильный запасъ пищи, причемъ никогда не берутъ никакой платы.

Гостепріимство—это такая обязанность, которая вытекаетъ изъ самихъ условій суровой природы сѣвера. Частыя метели и бури заставляютъ путника искать пріюта и дожидаться, пока погода измѣнится къ лучшему. Эта же суровая природа заставляетъ жителей тѣсно сплачиваться между собою и такимъ образомъ бороться сообща противъ тяжелыхъ условій жизни.

Глава VIII.

Положеніе и работы женщинъ.

Часто приходится выслушивать мнѣнія, что степень культуры какого-нибудь народа зависитъ отъ положенія женщины. Я самъ лично не вполнѣ раздѣляю такую точку зрѣнія; но если держаться такого мѣрила, то надо предположить, что степень культуры эскимосовъ вовсе не такъ низка, такъ какъ женщины у нихъ пользуются довольно значительнымъ вліяніемъ.

Конечно, согласно первобытнымъ взглядамъ эскимосовъ, женщина считается собственностью мужчины: они могутъ украсть, купить или обмѣнять своихъ женъ, имѣть ихъ нѣсколько, если у нихъ на то есть средства. Тѣмъ не менѣе, обращеніе съ женщинами всегда хорошее, пожалуй, даже

лучше, чѣмъ у другихъ народовъ, гдѣ взглядъ на женщинъ какъ будто нѣсколько иной.

Эскимосъ находитъ, что женщина не можетъ выказать столько мужества и самообладанія, какъ мужчина, а потому и не можетъ выѣзжать на охоту. Отсюда у эскимосовъ явилось полное раздѣленіе труда.

На мужчину возложена серьезная и опасная обязанность выѣзжать въ море, убивать добычу и буксировать ее къ берегу. Но здѣсь его встрѣчаютъ женщины, которыя помогаютъ вытащить каякъ на берегъ и отвязать добычу. Мужчины заботятся только о своемъ оружіи для охоты и о цѣлости каяка.

Женщины раздѣляютъ добычу на части согласно извѣстнымъ установленнымъ правиламъ, и дѣлежъ всецѣло зависитъ отъ хозяйки дома. Кромѣ того, женщины должны варить кушанье, дубить кожи, обтягивать ими каяки и другія лодки, шить одежды и справлять всякія домашнія работы. Если семья выѣхала на оленью охоту, то мужчины только убиваютъ животное, а женщины волокутъ убитаго звѣря къ шатру, что иногда представляетъ весьма нелегкую задачу. Женщины выѣзжаютъ иногда на ловлю мелкой рыбы, но случается, что онѣ помогаютъ и при ловлѣ тюленей; этихъ животныхъ иногда направляютъ въ узкіе проливчики между прибрежными скалами и оттуда гонятъ къ берегу.

Женщины только весьма рѣдко рѣшаются выѣхать въ каякѣ, но говорятъ, что на восточномъ берегу есть дѣвушки, которыя выѣзжали въ море, одѣвались по-мужски и вели совсѣмъ мужской образъ жизни. Но такія явленія представляютъ собою лишь исключительные случаи.

Мужчина проводитъ бо̀льшую часть времени на морѣ, а женщина сидитъ дома и почти постоянно занята работой; мужчины, вернувшись домой, обыкновенно только лѣнтяйничаютъ, спятъ или занимаются разсказами. Единственнымъ ихъ занятіемъ на сушѣ является чистка и починка охотничьихъ снарядовъ. Женщины садятся обыкновенно на нары, поджавъ ноги, какъ наши портные, и занимаются шитьемъ, вырѣзываніемъ кусочковъ кожи острымъ и кривымъ ножомъ,

причемъ языкъ ихъ ни на минуту не умолкаетъ, потому что онѣ по природѣ очень говорливы и оживленны.

Главною и самою трудною обязанностью является дубленіе кожъ; онѣ приготовляются или бѣлыми, или черными. Черныя кожи приготовляются такимъ образомъ: съ нихъ сейчасъ же соскабливаютъ подкожный жиръ и затѣмъ ихъ кладутъ въ мочу дня на два или на три, пока шерсть не начнетъ свободно отдѣляться отъ кожи; ее тогда соскабливаютъ, а кожу полощутъ въ морской водѣ; затѣмъ, если дѣло происходитъ лѣтомъ, ее вывѣшиваютъ на солнце, а зимою зарываютъ въ снѣгъ. Кожа остается черной, потому что на ней сохраняется ея наружный слой, который у тюленей бываетъ черный или темно-коричневый.

Желая приготовить бѣлую кожу, эскимоски точно такъ же соскабливаютъ подкожный жиръ, но потомъ свертываютъ ее и кладутъ въ какое-нибудь теплое помѣщеніе. Тамъ кожа лежитъ до тѣхъ поръ, пока наружный темный слой не отмокнетъ вмѣстѣ съ волосами. Тогда женщины сдираютъ его тупой раковиной, а чаще всего—зубами. При этомъ эскимоски съ удовольствіемъ посасываютъ жиръ, оставшійся на кожѣ, который всегда приходится имъ очень по вкусу. Послѣ этого кожи лѣтомъ развѣшиваются для просушки въ затѣненныя мѣста, причемъ ихъ часто переворачиваютъ, а зимою, такъ же какъ и черныя, зарываются въ снѣгъ. Кожа, приготовленная такимъ образомъ, отличается необыкновенной бѣлизной.

Черныя кожи употребляются для обивки каяка во время зимнихъ поѣздокъ на море, а бѣлыя—для лѣтнихъ поѣздокъ, причемъ онѣ усиленно смазываются тюленьимъ жиромъ.

Для того, чтобы приготовить кожу для обуви, съ лѣвой стороны соскабливается не только жиръ, но и часть кожи, пока она не сдѣлается совсѣмъ тонкой. Послѣ мочки съ нея соскабливаютъ волосъ, а затѣмъ растягиваютъ для сушки. Для того, чтобы получить бѣлую кожу, съ нея соскабливаютъ не только волосъ, но и темный верхній слой. Бѣлая кожа не такъ непромокаема, какъ черная, поэтому ее носятъ преимущественно женщины, которыя или оставляютъ ее бѣлою или красятъ въ разные цвѣта; чтобы получить совсѣмъ непромокаемую кожу, ее натираютъ кровью, напримѣръ, для

приготовленія рукавицъ. Если требуется приготовить кожу для одежды, сохранивъ на ней мѣхъ, то съ нея соскабливаютъ внутренній слой кожи, затѣмъ моютъ зеленымъ мыломъ и выполаскиваютъ въ водѣ, послѣ чего сушатъ; для того, чтобы кожа была мягче, ее хорошенько растираютъ. Оленью кожу только сушатъ, но не мочатъ.

Птичья кожа осторожно просушивается съ наружной стороны, затѣмъ съ внутренней соскабливается жиръ, который тутъ же поѣдается, какъ особое лакомство. Послѣ того кожа развѣшивается для просушки, а затѣмъ особенно старательно высасывается оставшійся на ней жиръ. Это высасываніе происходитъ совсѣмъ особеннымъ образомъ: кожу понемногу забираютъ въ ротъ и съ жадностью слизываютъ жиръ; послѣ того, какъ она вся исчезла во рту, ее выплевываютъ уже совершенно чистою. Эта работа производится исключительно женщинами и дѣтьми и считается пріятной забавой. Послѣ того какъ кожа совершенно очищена отъ жира, ее моютъ въ горячей водѣ съ содой, а затѣмъ хорошенько выполаскиваютъ въ самой холодной водѣ. Послѣ просушки такая кожа годна для употребленія. Гренландки употребляютъ для работы не только свои руки, но и ротъ, какъ для вытягиванія кожъ, такъ и для того, чтобы удобнѣе соскабливать съ нихъ жиръ. Прямо невѣроятно, какъ онѣ могутъ брать въ ротъ кожу, послѣ того какъ ее вынули изъ мочки, и сдирать зубами верхній слой, покрытый волосами. Для эскимоски ротъ—все равно, что третья рука. Зато у старухъ бываютъ всегда очень короткіе, испорченные зубы.

Эскимосскія женщины—отличныя работницы и особенныя мастерицы въ шитьѣ. Надо удивляться, съ какимъ искусствомъ онѣ составляютъ всевозможные узоры изъ кусочковъ кожъ, которыми украшаютъ свои одежды.

Проживъ съ эскимосами нѣсколько времени, вовсе не приходишь къ тому убѣжденію, будто ихъ женщины находятся въ приниженномъ состояніи. Напротивъ, мнѣ показалось, что во многихъ дѣлахъ голосъ ихъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Правда, въ общественномъ отношеніи между мужчиной и женщиной существуетъ извѣстная разница. За обѣдомъ мужчинамъ, и въ особенности отважнымъ охотникамъ,

прежде всего предлагается ѣда и кофе. Послѣ нихъ ѣдятъ женщины и дѣти.

Эскимосы не выказываютъ также особенной вѣжливости по отношенію къ женщинамъ и, когда тѣ заняты тяжелой работой, только смотрятъ на нихъ да посмѣиваются, не думая о томъ, чтобы помочь имъ.

Тотъ фактъ, что женщины не пользуются такимъ значеніемъ, какъ мужчины, отчасти обнаруживается лишь при рожденіи ребенка. Если родится мальчикъ, отецъ и мать такъ и сіяютъ отъ счастья; если же родится дочь, оба плачутъ или выказываютъ свое полное неудовольствіе. Но можно ли этому удивляться? Хотя эскимосъ и очень добрый по природѣ, но вѣдь и онъ только человѣкъ. Мальчикъ представляется для него будущимъ охотникомъ, опорой семьи и кормильцемъ престарѣлыхъ родителей, а съ другой стороны, онъ находитъ, что дѣвочекъ ужъ и такъ довольно на свѣтѣ. Подобныя же воззрѣнія наблюдаются и при воспитаніи дѣтей. Если у мальчика умираютъ родители, то онъ очень скоро находитъ себѣ воспитателей, и къ нему относятся очень внимательно и заботливо. Другое дѣло, если сиротой остается дѣвочка: ее, правда, сытно кормятъ, но очень плохо одѣваютъ, почему онѣ часто имѣютъ весьма жалкій видъ. Зато, когда сирота достигаетъ совершеннолѣтія, то занимаетъ такое же положеніе, какъ и всякая другая дѣвушка, и цѣнится постольку, поскольку она—хорошая хозяйка и ловкая работница. Если дѣвушка—плохая работница, то она ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на замужество, такъ какъ у эскимосовъ есть изъ чего сдѣлать выборъ, и они избѣгаютъ взять себѣ въ домъ лѣнтяйку.

На мальчика смотрятъ, какъ на живой капиталъ. Поэтому вдовы, у которыхъ есть сыновья, очень легко находятъ себѣ второго мужа.

Даже умирающая женщина пользуется меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ мужчина; ее готовы похоронить чуть ли не живьемъ, что иногда, къ сожалѣнію, и случалось; объясняется это тѣмъ, что эскимосы страшно боятся мертвецовъ и не любятъ къ нимъ прикасаться. Когда кто-нибудь тяжко боленъ, все равно, мужчина или женщина, они уже заблаго-

временно надѣваютъ на больного погребальныя одежды и подготовляютъ все, что нужно для выноса и зарытія трупа. Точно такъ же и на морѣ они рѣдко помогаютъ тому, кого считаютъ погибшимъ, боясь прикоснуться уже не къ живому, а къ мертвому человѣку.

Глава IX.

Любовь и бракъ.

Въ суровой Гренландіи люди такъ же подвержены любви, какъ и въ другихъ, благодатныхъ странахъ земного шара. Любовь гренландца похожа на простой безыскусственный полевой цвѣтокъ и не имѣетъ ничего общаго съ искусственными услажденіями нашихъ цивилизованныхъ народовъ. Когда мужчина влюбляется въ женщину, онъ не думаетъ заниматься отвлеченными мечтами, а выѣзжаютъ въ море, чтобы еще съ большею энергіей заняться ловлей и добывать средства для прокормленія своей будущей семьи. Его молодая скромная подруга взбирается на ближайшую гору и смотритъ съ восторгомъ, какъ ея милый ловко скользитъ въ своемъ каякѣ, покачиваясь на волнахъ. Лицо ея выражаетъ искреннее чувство, и вся она миловидна и прелестна. Охотникъ давно уже скрылся за горизонтомъ, а эскимоска все стоитъ и смотритъ въ безбрежную даль, гдѣ нашли свою смерть столько отважныхъ охотниковъ.

Когда онъ, наконецъ, возвращается, таща на буксирѣ убитую добычу, она бѣжитъ на берегъ и помогаетъ втащить каякъ и убитаго звѣря. Онъ беретъ свои орудія и спокойно идетъ домой. Она же смотритъ ему вслѣдъ восторженнымъ взоромъ и думаетъ, что скоро можно будетъ сыграть свадьбу.

Но бываютъ случаи, когда женихъ не возвращается; его поглотило море, и эскимоска напрасно ждетъ своего милаго. Тогда слезы льются по ея лицу. Она плачетъ безъ конца и говоритъ, что не переживетъ своего несчастья. Однако проходитъ два-три дня, и она понемногу успокаивается: «вѣдь на свѣтѣ еще есть много мужчинъ!»—думаетъ она и начинаетъ высматривать себѣ другого жениха.

Эскимосы обыкновенно женятся тогда, когда могутъ прокормить свою жену. Браки не всегда заключаются по любви, а часто потому, что въ домѣ нужна хозяйка, чтобы приготовить кожи и шить одежды. Въ прежнія времена браки заключались очень легко. Если мужчинѣ нужна была хозяйка, онъ высматривалъ себѣ дѣвушку. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, отправлялся въ тотъ шатеръ, гдѣ она жила, хваталъ ее за волосы или за руку и тащилъ въ свой шатеръ, гдѣ усаживалъ на нары. Будущій супругъ дарилъ ей лампу или ведерко для воды, и тѣмъ дѣло кончалось. Согласно эскимосскимъ обычаямъ, дѣвушка ни въ какомъ случаѣ не должна была показать, что мужъ ей нравится, если даже она его любила. Она должна была сопротивляться ему изо всѣхъ силъ, кричать и голосить. Особенно хорошо воспитанная дѣвушка должна была голосить цѣлый мѣсяцъ и даже убѣгать отъ мужа. Если такое хорошее воспитаніе, наконецъ, надоѣдало ему, то онъ могъ надрѣзать подошвы ея ногъ ножомъ, чтобы отучить отъ побѣговъ. Послѣ этого жена обыкновенно принимала довольный видъ и не дѣлала попытокъ къ бѣгству, даже тогда, когда раны заживали.

Такіе обычаи существуютъ еще и до сихъ поръ на восточномъ прибрежьѣ Гренландіи. Родственники увлекаемой невѣсты равнодушно смотрятъ на ея борьбу съ женихомъ, такъ какъ считаютъ это ея личнымъ дѣломъ и, вообще, по своей природѣ не любятъ мѣшаться въ чужія дѣла.

Въ прежнія времена эскимосъ такъ же скоро разводился, какъ и женился. Если жена ему не нравилась, онъ давалъ ей понять свое нерасположеніе, и она безропотно собирала свои вещи и одежду и возвращалась въ домъ родителей. При этомъ она старалась не выдавать волновавшихъ ее чувствъ. Разводъ особенно легокъ, когда нѣтъ дѣтей. Ребенокъ, а тѣмъ болѣе мальчикъ, является связующимъ звеномъ, и бракъ не такъ легко расторгается.

Если жители восточнаго прибрежья могутъ содержать еще одну жену, то они ее приводятъ въ домъ, не обращая вниманія, нравится ли это, или нѣтъ, первой женѣ. Часто это дѣлается для того, чтобы помочь ей въ работѣ, а иногда

для полученія потомства, если первая жена бездѣтна. Но вторая жена никогда не пользуется такимъ почетомъ, какъ первая, даже въ томъ случаѣ, если она—любимая. Съ введеніемъ христіанства многоженство, конечно, прекратилось; когда женатый эскимосъ крестится, онъ долженъ разстаться со второй женой, что онъ дѣлаетъ очень неохотно, въ особенности, если отъ нея были сыновья. Отверженная жена возвращается къ родителямъ и носитъ на головѣ зеленую ленту, въ знакъ того, что дѣти ея незаконныя.

Положеніе замужней женщины въ Гренландіи бываетъ различно, смотря по обстоятельствамъ. Вообще главой считается мужъ, но бываетъ, что въ домѣ командуетъ и жена. Въ прежнія времена жена считалась собственностью мужа. На восточномъ прибрежьѣ часто происходитъ настоящій торгъ, причемъ молодой человѣкъ за дозволеніе увести съ собою молодую дѣвушку платитъ ея отцу выкупъ въ видѣ гарпуна или какого-нибудь другого орудія; и, наоборотъ, хорошіе охотники получаютъ отъ отцовъ вознагражденіе за то, чтобы они взяли себѣ въ жены ихъ дочерей, причемъ дочери непремѣнно должны согласиться исполнить желаніе отцовъ.

Обыкновенно супруги живутъ довольно дружно, и я никогда не замѣчалъ, чтобы между ними происходили споры или ссоры. Чѣмъ дольше они живутъ вмѣстѣ, тѣмъ сильнѣе привязываются другъ къ другу, и особенно трогательно смотрѣть на престарѣлыхъ эскимосскихъ супруговъ. Конечно, случаются и въ ихъ жизни разныя непріятности и драки, но это лишь исключеніе, хотя особенно нѣжныхъ чувствъ этотъ народъ не проявляетъ. Если у эскимоса умерла жена, онъ очень скоро утѣшается и женится на другой. Послѣ смерти жены никто не выказываетъ вдовцу особеннаго соболѣзнованія; къ нему приходятъ только сосѣдки, садятся на нары и начинаютъ причитать, а онъ слегка всхлипываетъ и усиленно сморкается. Нѣсколько дней спустя онъ начинаетъ старательно чистить свои охотничьи снаряды, которыми каждый гренландецъ любитъ гордиться, и въ полномъ блескѣ выѣзжаетъ съ другими товарищами на охоту. Сосѣди, глядя на него, смѣются и говорятъ: «вотъ выѣхалъ на охоту чей-

нибудь новый зятюшка!» Если онъ слышитъ такія рѣчи, то молчитъ и только улыбается.

Главное желаніе эскимоса—имѣть потомство. Бездѣтныя женщины всѣми презирались, и съ ними не привыкли церемониться. У гренландцевъ не бываетъ по многу дѣтей; обыкновенно отъ двухъ до четырехъ. Кромѣ того, у нихъ никогда не родятся двойни. Когда эскимоскамъ сказали, что у европейскихъ женщинъ бываютъ двойни и тройни, то онѣ позволили себѣ весьма нелестное для нихъ сравненіе. Гренландскихъ дѣтей очень долго кормятъ грудью, обыкновенно три или четыре года, но я слышалъ, что ихъ кормятъ и до 10—12 лѣтъ. Дѣти гренландцевъ, обращенныхъ въ христіанство, получаютъ, конечно, крещеніе и при этомъ христіанское имя. Первобытныя гренландскія имена такимъ образомъ совершенно исчезли.

Гренландцы—очень нѣжные родители и до безумія любятъ своихъ дѣтей, особенно, если это мальчики. Они царятъ въ семьѣ, какъ настоящіе деспоты, и родители стараются во всемъ угодить маленькимъ тираннамъ. Ребенка почти никогда не наказываютъ,—во-первыхъ, потому, что гренландцы вообще снисходительны, а во-вторыхъ, развѣ можно обижать свою плоть и кровь? Я никогда не слыхалъ, чтобы эскимосъ сказалъ своему ребенку грубое слово или запретилъ что-нибудь. При такомъ воспитаніи можно предположить, что дѣти растутъ большими баловнями, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Хотя я долго жилъ среди эскимосовъ, но я никогда не встрѣчалъ нигдѣ шаловливыхъ ребятъ. Когда дѣти подростаютъ, достаточно простого замѣчанія со стороны отца или матери, чтобы удержать ихъ отъ такихъ поступковъ, которые не одобряются родителями. Никогда я не видѣлъ, чтобы эскимосскія дѣти дома или внѣ дома ругались, сердились другъ на друга, а тѣмъ болѣе затѣвали драку. Я часто игралъ съ ними въ мячъ; во время этой игры наши дѣти часто затѣваютъ ссоры, но я никогда не замѣчалъ, чтобы гренландскій мальчикъ не только началъ ругаться, но даже состроилъ недовольное лицо. Происходитъ это отчасти оттого, что гренландцы вообще очень добродушны, а матери никогда не разстаются со своими дѣтьми, таская маленькихъ на спинѣ

и не отпуская отъ себя, когда они подростаютъ. Для того, чтобы упражнять руку и глазъ ребенка, эскимосъ даетъ своимъ дѣтямъ маленькіе гарпуны и стрѣлы вмѣсто игрушекъ. Кромѣ того, они еще мальчиками учатся плавать на каякахъ. Эскимосы должны воспитать изъ своихъ сыновей опытныхъ охотниковъ, такъ какъ отъ этого зависитъ все ихъ будущее благосостояніе.

Дѣвочки точно такъ же рано научаются исполнять разныя хозяйственныя работы и помогать матери въ шитьѣ и домашнемъ обиходѣ.

Глава X.

Нравственность.

Относительно морали эскимосовъ существуютъ разныя мнѣнія, смотря съ какой точки на нее глядѣть. Рядомъ съ безграничной похвалой встрѣчается такое же безграничное осужденіе. На самомъ дѣлѣ эскимосъ такъ же, какъ и мы, далекъ отъ того, чтобы быть или ангеломъ, или чортомъ. Онъ—обыкновенный человѣкъ, съ присущими человѣку добродѣтелями и пороками. У него существуетъ много слабостей, но зато нѣтъ особенно выдающихся пороковъ или яркихъ добродѣтелей.

Главнымъ достоинствомъ эскимоса являлась его безусловная честность. По условіямъ своей жизни онъ долженъ имѣть возможность полагаться на своихъ сосѣдей, а для того, чтобы заслужить взаимное довѣріе, онъ долженъ и самъ поступать честно по отношенію къ другимъ. Онъ считаетъ почти невозможнымъ украсть что-нибудь у людей, живущихъ съ нимъ въ одномъ поселкѣ. У эскимосовъ никогда ничего не запирается, потому что имъ неизвѣстна боязнь передъ ворами. Дѣвушка, которая что-нибудь украла, не можетъ разсчитывать найти себѣ мужа.

По той же причинѣ эскимосъ не любитъ въ чемъ-нибудь солгать другому. Трогательнымъ тому доказательствомъ служитъ то, что если одинъ эскимосъ описываетъ другому какой-нибудь предметъ или вещь, онъ обыкновенно сдержанъ и

скорѣе скрываетъ его достоинства, чѣмъ преувеличиваетъ. Продавецъ никогда не расхваливаетъ свою вещь, а, напротивъ, старается представить ее хуже и указываетъ покупателю на ея недостатки.

Если кто-нибудь долженъ другому деньги, то непремѣнно отдастъ ихъ, какъ только получитъ. Датскіе купцы этому вѣрятъ и охотно даютъ имъ деньги въ долгъ или отпускаютъ товаръ въ кредитъ. Что касается отношеній къ людямъ, не живущимъ съ ними въ одномъ поселкѣ, или къ иностранцамъ, то къ нимъ эскимосы относятся иначе и не прочь и стащить что-нибудь у нихъ, если это имъ выгодно. Впрочемъ, первые европейцы, которые пріѣхали въ Гренландію, вели себя по отношенію къ эскимосамъ такъ безобразно, что не могли внушить къ себѣ никакого довѣрія. Теперь эскимосы уже болѣе съ ними сдружились, но, заходя въ лавку, охотно набиваютъ карманы мукой или другими продуктами, оправдывая себя тѣмъ, что все это принадлежитъ другому правительству, а оно навѣрно богато; такіе пустяки, какъ немножко крупы или муки, не нанесутъ ему никакого ущерба. Мы уже говорили о томъ, что эскимосъ никогда не тронетъ бревна плавучаго лѣса, между тѣмъ какъ европейцы не всегда въ этомъ отношеніи церемонятся, а потому эскимосъ и не можетъ быть очень высокаго о нихъ мнѣнія. Дракъ и убійствъ между ними почти никогда не бываетъ. Для нихъ непонятно, какъ это можно убить своего брата-человѣка, а поэтому они совсѣмъ себѣ не могутъ представить войны. У нихъ даже нѣтъ слова для обозначенія такого понятія, а воспитаніе людей для военныхъ цѣлей имъ кажется и вовсе непонятнымъ. Иногда случается, правда, что эскимосы убиваютъ другъ друга изъ ревности. Они нападаютъ на своего соперника обыкновенно на открытомъ морѣ и бросаютъ ему гарпунъ въ спину, такъ какъ имъ было бы совѣстно смотрѣть въ глаза человѣку, котораго они хотятъ убить. Они рѣдко мстятъ за убитаго, но если какой-нибудь человѣкъ дѣлается опаснымъ для поселка, то они собираются вмѣстѣ и сживаютъ его со свѣта.

Убить колдунью или колдуна не считается грѣхомъ, потому что они могутъ своимъ колдовствомъ принести вредъ

другимъ людямъ. Эскимосы обыкновенно не любятъ осуждать другого человѣка; если даже они знаютъ о немъ что-нибудь дурное, то неохотно говорятъ объ этомъ. Женщины, конечно, въ этомъ отношеніи не столь великодушны и не прочь посудачить и посплетничать.

Старыхъ людей эскимосъ, къ сожалѣнію, не очень уважаетъ. Онъ относится къ нимъ снисходительно, пока они могутъ работать, но выдающіеся охотники и люди, у которыхъ есть мужское потомство, считаются какъ бы главой семьи, и ихъ уважаютъ, какъ патріарховъ.

Женщина, у которой есть взрослые и дѣльные сыновья, пользуется почетомъ даже и въ преклонномъ возрастѣ. Если она вдова, то управляетъ всѣмъ домомъ, и невѣстки должны подчиняться ея требованіямъ.

Если читатель самъ хочетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ думаетъ и разсуждаетъ эскимосъ, то пусть прочтетъ прилагаемое письмо одного гренландца къ миссіонеру Павлу Эгеде, отецъ котораго его окрестилъ. Письмо, конечно, написано по-эскимосски; въ немъ высказывается недюжинный умъ и такія чувства, на которыя неспособны глупые люди, какими до сихъ поръ многіе считаютъ эскимосовъ. Письмо это есть отвѣтъ на посланіе самого Эгеде; вотъ его содержаніе: «Любезный Пауйя (такъ передѣлали эскимосы имя Павла), ты самъ отлично понимаешь, сколь дорого и цѣнно мнѣ твое письмо. Но я ужасно испугался, когда прочиталъ о гибели столькихъ людей во время землетрясенія, о которомъ ты мнѣ пишешь; у насъ здѣсь не слыхали ни о чемъ подобномъ, а между тѣмъ ты пишешь, что тамъ погибло людей больше, чѣмъ живетъ въ нашей странѣ. Я не могу передать тебѣ, какъ меня взволновало это извѣстіе, а изъ нашихъ людей многіе такъ испугались, что обратились въ бѣгство, не думая о томъ, что такая бѣда можетъ случиться вездѣ. Хотя почва нашей стороны состоитъ изъ камня, мы видимъ и у себя, какъ цѣлые утесы проваливались въ пропасть; но когда это случилось—никто изъ насъ не знаетъ. Гранитные утесы нашей страны Господь Богъ тоже можетъ потрясти до основанія, если это Ему угодно, и похоронить насъ, жалкихъ червяковъ, подъ ихъ

осколками. Ты пишешь мнѣ, что этою зимою у васъ мало снѣгу, и что морозы не очень сильны; ты полагаешь, что у насъ зато зима была гораздо суровѣе, но это не такъ: у насъ тоже была удивительно мягкая зима. Я слышалъ, что ваши ученые утверждаютъ, будто теплая погода зависитъ отъ испареній, которыя послѣ землетрясенія вырвались на поверхность земли, согрѣли воздухъ и растопили большія массы снѣга. Но если-бъ я не зналъ, что такъ говорятъ ученые, я бы подумалъ, что это не совсѣмъ вѣрно, потому что теплота, которая находится въ землѣ, не можетъ согрѣть все громадное пространство воздуха, который окружаетъ землю, какъ не можетъ дыханіе одного человѣка согрѣть большую нетопленную комнату, если онъ одинъ разъ дохнетъ и снова изъ нея уйдетъ. Южные вѣтры, которые постоянно бываютъ теплые и которые дули здѣсь въ продолженіе цѣлаго лѣта, повліяли, вѣроятно, на то, что у насъ была теплая зима; но почему вѣтеръ дулъ съ юга, этого я не знаю, да не знаютъ, вѣроятно, и ученые. Погибли ли несчастные люди оттого, что провалились въ землю, или погибли они отъ жары, или они были просто убиты, когда началось землетрясеніе? Матросъ Б. полагаетъ, что они были убиты у себя дома и погребены подъ обвалившимися постройками. Но ваши люди, кажется, не особенно близко принимаютъ къ сердцу случившееся несчастіе, потому что они не только довольны и веселы, но и разсказываютъ о томъ, какъ два народа, которые, хотя исповѣдуютъ одну съ вами религію, но принадлежатъ къ другимъ національностямъ (голландцы и англичане), убиваютъ другъ друга на водѣ и на сушѣ, устраиваютъ другъ на друга охоты, какъ на тюленей или оленей, и убиваютъ людей, которыхъ совсѣмъ не знаютъ, только для того, чтобы получить надъ ними владычество. Когда я спросилъ черезъ переводчика одного изъ иностранныхъ моряковъ, какая причина подобной жестокости, онъ мнѣ отвѣтилъ, что они ссорятся изъ-за куска земли, который лежитъ такъ далеко отъ ихъ страны, что они должны ѣхать три мѣсяца, пока до него доберутся (Америка). Я подумалъ, что навѣрно у нихъ очень мало земли, такъ что имъ негдѣ жить; но морякъ сказалъ, что земли у нихъ довольно, и что они

поступаютъ такъ просто изъ жадности, чтобы захватить себѣ побольше богатства. Я такъ удивился такой ненасытной жадности, что чуть не умеръ отъ страха. Но вскорѣ я опять развеселился, и ты, конечно, поймешь, почему? Я подумалъ о своей странѣ, покрытой снѣгомъ, о ея бѣдныхъ жителяхъ, и сказалъ себѣ: «Слава Богу, мы такъ бѣдны, что этимъ иноземцамъ нечего у насъ искать; наше имущество на землѣ имъ не нужно, а то, которое плаваетъ въ морѣ и которое служитъ намъ для того, чтобы добывать пищу и одежду,— его такъ много, что пусть они берутъ себѣ, сколько угодно, намъ еще хватитъ; если мы убьемъ столько добычи, чтобы наѣсться досыта, и добудемъ нѣсколько шкуръ, чтобы укрыться отъ холода, мы считаемъ себя за вполнѣ счастливыхъ людей». И ты знаешь, что мы никогда не заботимся о завтрашнемъ днѣ! Мы тоже могли бы сказать, что море, омывающее наши берега, принадлежитъ намъ, со всѣми тѣми животными, которыя тамъ плаваютъ: тюленями, китами, моржами и всякими рыбами; но мы не имѣемъ ничего противъ того, чтобы и другіе пользовались рыбами и звѣрями. Намъ природой даровано великое счастье не быть жадными. Когда я впервые услышалъ о вашихъ прекрасныхъ странахъ, то я вообразилъ себѣ, что тамъ живутъ очень счастливые люди, потому что они пользуются въ изобиліи плодами, цвѣтами и рыбами всякихъ породъ, живутъ въ прекрасныхъ домахъ, носятъ прекрасное платье, пользуются длиннымъ лѣтомъ, не страдаютъ отъ холода, снѣжной вьюги и комаровъ. Я вообразилъ себѣ, что они надѣлены всѣми этими благами за какія-нибудь особенныя заслуги, но потомъ я подумалъ: «О ты, мое счастливое отечество! какъ хорошо, что твои горы не заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ золота и серебра, до которыхъ столь жадны европейцы! Онѣ покрыты непроницаемымъ ледянымъ покровомъ и потому недоступны. Твое неплодородіе, любезное отечество, спасаетъ насъ отъ чужой алчности». Пауйя, Пауйя! увѣряю тебя, мы страшно довольны тѣмъ, какъ живемъ. Мясо и рыбы—вотъ наша пища. Лакомства рѣдко выпадаютъ на нашу долю, но зато они тѣмъ вкуснѣе. Ледяная вода—вотъ наше питье; оно подкрѣпляетъ человѣка, не отуманиваетъ разума и не отнимаетъ силы,

какъ тотъ одурманивающій напитокъ, который такъ любятъ твои соотечественники. Одежда наша состоитъ изъ толстыхъ невзрачныхъ кожъ и мѣха, но они точно созданы для нашей страны и одинаково полезны какъ звѣрямъ, которые ихъ носили, такъ и намъ, когда мы ихъ себѣ добудемъ. Ты видишь, что у насъ, слава Богу, нѣтъ такихъ благъ, за которыя насъ стоило бы убивать. Мы живемъ безъ страха. Хотя у насъ и водятся здѣсь, на сѣверѣ, страшные бѣлые медвѣди, но зато у насъ есть собаки, которыя съ ними борются, и намъ самимъ не грозитъ ни малѣйшая опасность. У насъ рѣдко слышно объ убійствахъ, и они случаются лишь тогда, когда кто-нибудь пожалуется, что другого человѣка извели колдовствомъ. Такихъ колдуновъ мы сживаемъ со свѣта, какъ вы казните своихъ злодѣевъ. Мнѣ не удалось пока еще испробовать компасъ, потому что у насъ въ этомъ году не было большихъ морозовъ. Если ты особенно цѣнишь окаменѣлыхъ рыбъ, которыхъ я тебѣ послалъ, то я пришлю еще нѣсколько штукъ. Ну, кажется, я вдоволь съ тобой наговорился, и теперь пора запечатать письмо. Корабль готовъ къ отплытію, и вѣтеръ поднялся попутный. Пусть нашъ общій великодушный Покровитель поможетъ переплыть ему и людямъ громадное, опасное море и да сохранитъ ихъ отъ тѣхъ опасныхъ охотниковъ за людьми, которыхъ, повидимому, они боятся; пусть они благополучно доберутся до своего отечества и тамъ повидаются съ тобою, мой дорогой.

«Павелъ Гренландецъ».

Гренландія 1756 г.

Содержаніе этого письма достойно вниманія, потому что доказываетъ, какъ трезво смотрятъ эскимосы на жизнь. Ихъ нравственность всегда находилась въ зависимости отъ тяжелаго существованія и борьбы съ природою.

Глава XI.

Правосудіе, барабанная пляска и удовольствія.

Я нѣсколько разъ обращалъ вниманіе читателя на добродушный и миролюбивый нравъ эскимосовъ. Ничто не можетъ послужить тому болѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ, какъ ихъ понятія о правосудіи.

Если кто-нибудь воображаетъ, что эскимосу не приходилось прибѣгать къ чужому мнѣнію для обжалованія тѣхъ несправедливостей, которыя ему случалось перенести, тотъ сильно ошибается. Ихъ правосудіе, правда, носитъ очень странный характеръ и скорѣе походитъ на поединокъ, но при этомъ поединкѣ не употребляютъ никакого опаснаго для жизни оружія, и въ этомъ случаѣ эскимосъ гораздо разумнѣе европейцевъ. Потерпѣвшій приглашаетъ своего оскорбителя къ барабанной пляскѣ, которая сопровождается пѣніемъ. Такіе поединки обыкновенно откладываются до лѣта и происходятъ вблизи обширныхъ поселковъ, состоящихъ изъ разбитыхъ тамъ шатровъ. Вокругъ спорящихъ собирается многочисленная толпа, гдѣ находятся также женщины и дѣти. Ударяя въ тамбуринъ или большой барабанъ, вышедшіе на поединокъ пѣли другъ передъ другомъ юмористическія пѣсни. Пѣсни эти обыкновенно слагались предварительно, и въ нихъ разсказывались всѣ тѣ обиды и несправедливости, которыя одинъ потерпѣлъ отъ другого. Тотъ, чья пѣсня имѣла наибольшій успѣхъ и вызывала смѣхъ у публики, оставался побѣдителемъ. Такимъ образомъ обсуждались и такія серьезныя преступленія, какъ убійство. Для насъ, конечно, такой судъ показался бы легкомысленнымъ, но для впечатлительныхъ и честныхъ эскимосовъ и этого осужденія было достаточно. Самое ужасное для эскимоса—показаться смѣшнымъ и презрѣннымъ въ глазахъ соотечественниковъ. Случалось нерѣдко, что послѣ такого поединка посрамленный человѣкъ совершенно исчезалъ изъ этой мѣстности.

Такой барабанный танецъ существуетъ и теперь на восточномъ берегу Гренландіи и кажется мнѣ весьма полезнымъ

учрежденіемъ. Я не могу себѣ представить болѣе легкаго и скораго способа наказать виновнаго. На западномъ прибрежьѣ такого рода увеселенія совсѣмъ исчезли, такъ какъ европейцы нашли ихъ неприличными.

Благодаря этому у эскимосовъ дѣйствительно нѣтъ теперь никакого правосудія, потому что европейцы не мѣшаются въ ихъ дѣла и не могутъ этого сдѣлать. Зато случаются прекурьезныя исторіи. Однажды одного эскимоса сослали за убійство на необитаемый островъ, но для того, чтобы онъ могъ тамъ существовать, ему дали новый каякъ и запасъ пищевыхъ продуктовъ. Когда этотъ запасъ истощился, онъ преспокойно вернулся домой, поселился въ своемъ прежнемъ домѣ и получилъ ту выгоду, что имѣлъ теперь новый каякъ. Зато противъ женскихъ проступковъ управляющій колоніей имѣетъ всегда очень внушительную острастку. Онъ имъ временно запрещаетъ посѣщеніе колоніальныхъ лавокъ, а это для эскимоски очень чувствительное наказаніе.

Барабанный танецъ устраивался также, какъ удовольствіе, причемъ пѣлись пѣсни разнаго содержанія, сопровождаемыя плясками и различными тѣлодвиженіями. Каждому народу надо повеселиться, особенно такому, который живетъ среди суровыхъ условій, дѣлающихъ жизнь его очень тяжелой. Матросы, пріѣзжающіе сюда на корабляхъ, научили ихъ теперь европейскимъ танцамъ, которые они нѣсколько видоизмѣнили по своему вкусу. Такіе балы устраиваются въ большихъ амбарахъ или сараяхъ и происходятъ очень часто, чуть не каждую недѣлю. Масса народа, взрослые и дѣти, стоятъ плотными группами въ своихъ пестрыхъ нарядахъ вдоль стѣнъ или на нарахъ и смотрятъ на танцующихъ, освѣщенныхъ слабымъ свѣтомъ лампъ. Все вмѣстѣ производитъ очень оригинальное и забавное впечатлѣніе. Рядомъ съ очень красивыми лицами можно встрѣтить прямо безобразныя, но всѣ они выражаютъ искреннюю радость и восхищеніе. Танцующіе двигаются такъ быстро, что ноги ихъ только мелькаютъ въ бѣшеной пляскѣ. Мелодію обыкновенно играетъ скрипка, но въ послѣднее время въ Гренландіи начали появляться и гармоники.

Эскимосы-христіане посѣщаютъ часто церковь и очень

любятъ слушать пѣніе; женщины часто и дома напѣваютъ церковныя мелодіи.

Эскимоски — страшныя любительницы всякой новинки. Главное удовольствіе для нихъ—посѣщеніе лавокъ. Утромъ рано, еще задолго до открытія, около дверей лавокъ толпятся кучи женщинъ. Какъ только двери открываются, онѣ устремляются въ лавку, хотя большинство и не собирается сдѣлать какую-нибудь покупку. Онѣ подолгу любуются всевозможными товарами, главнымъ образомъ, матеріями и платками, болтаютъ и пересмѣиваются съ продавцами. Когда лѣтомъ на корабляхъ привозится транспортъ новыхъ товаровъ, наплывъ бываетъ очень великъ. Эскимосы охотно покупаютъ что-нибудь новенькое, не зная даже, для какой цѣли тотъ или другой предметъ предназначается, отчего иногда случаются забавныя недоразумѣнія.

Глава XII.

Искусство, музыка, поэзія.—Разсказъ туземца.

Гренландцы—очень одаренный и чрезвычайно изобрѣтательный народъ; всякія остроумныя приспособленія и снаряды служатъ тому доказательствомъ. Какъ примѣръ ихъ природныхъ способностей, является то обстоятельство, что гренландцы очень легко научились читать и писать. Они особенно хорошо и легко пишутъ. Многіе изъ нихъ скоро научаются играть въ шашки и даже въ шахматы. Я самъ съ ними игралъ нерѣдко въ шашки и поражался ихъ остроумными комбинаціями.

Труднѣе всего имъ изучать ариѳметику, и очень немногіе наловчаются рѣшать сколько-нибудь сложныя задачи. Большинство съ трудомъ научается производить сложеніе и вычитаніе цѣлыхъ чиселъ. Умноженіе и дѣленіе сильно ихъ затрудняетъ, а про дроби—и говорить нечего. Такое низкое развитіе математическихъ способностей происходитъ отъ того, что въ эскимосскомъ языкѣ нѣтъ почти чиселъ. Слова существуютъ только для первыхъ пяти цифръ, и послѣднее

число — пять — является обозначеніемъ понятія о рукѣ. Если эскимосу надо дальше считать, то онъ прибѣгаетъ къ помощи другой руки; а если онъ доходитъ до цифры десять, то становится втупикъ и прибѣгаетъ къ пальцамъ ноги. Обыкновенно эскимосъ этимъ и ограничивается, но болѣе свѣтлыя головы могутъ считать и дальше, причемъ пользуются рукою другого человѣка, его ногами, а затѣмъ руками слѣдующаго и т. д. Но когда они пересчитали пальцы пятаго человѣка и дошли до сотни, то дальше этого не можетъ считать даже самый развитой эскимосъ. Съ введеніемъ у нихъ торговли понадобились и болѣе точныя цифры, и нельзя было обращаться къ пальцамъ другого человѣка; поэтому эскимосы стали употреблять датскія числа, и теперь многіе начинаютъ считать дальше ста, но я сомнѣваюсь, чтобы они о такихъ цифрахъ имѣли сколько-нибудь ясное представленіе.

Всѣ европейцы безъ исключенія хвалятъ замѣчательную способность эскимосовъ запоминать мѣстность. Одинъ эскимосъ по просьбѣ капитана нарисовалъ карандашомъ береговую линію около Смитова пролива съ поражающею точностью. Онъ тутъ же нарисовалъ всѣ прибрежные острова, горы и глетчеры съ обозначеніемъ ихъ названій.

Я нахожу у эскимосовъ большіе художественные задатки, которые не получили должнаго развитія благодаря постоянной суровой борьбѣ за существованіе. Ихъ способности въ этомъ отношеніи проявляются, главнымъ образомъ, въ украшеніи ихъ оружія, снарядовъ и одежды. Надо удивляться, съ какимъ искусствомъ гренландскія женщины украшаютъ свои одежды кусочками кожи, а мужчины вырѣзаютъ изъ кости изображенія всевозможныхъ животныхъ и людей. Конечно, большинство такихъ изображеній—лишь символическаго или чисто декоративнаго характера. Но когда они пытаются подражать природѣ, то выказываютъ замѣчательную способность схватывать формы, и это замѣтно на тѣхъ игрушкахъ, которыя они дѣлаютъ для своихъ дѣтей.

Гренландцамъ, повидимому, незнакомо наглядное письмо, когда вмѣсто буквы изображался самъ предметъ. Этимъ они отличаются отъ другихъ первобытныхъ народовъ. Если эски-

мосамъ приходится видѣть произведеніе европейскаго искусства, то они очень скоро и удачно научаются ему подражать. Однажды нашъ знакомый эскимосъ захворалъ, и докторъ послалъ ему деревянную дощечку, на которой былъ вырѣзанъ рисунокъ. Эскимосъ, лежа въ постели, началъ иллюстрировать свою народную сказку, причемъ не только нарисовалъ картины, но и вырѣзалъ ихъ на деревѣ.

Въ музыкальномъ отношеніи гренландцы достаточно даровиты. Они очень быстро запоминаютъ наши европейскія мелодіи и научаются играть не только на скрипкѣ, но и на гармоніи. Странно слушать, какъ въ какомъ-нибудь захолустномъ гренландскомъ домикѣ напѣваютъ знакомые европейцамъ мотивы. Зато ихъ первобытная музыка, состоявшая всего изъ пяти тоновъ, теперь вышла почти совсѣмъ изъ употребленія.

У гренландцевъ большой запасъ всякихъ преданій и сказокъ, изъ которыхъ многія весьма оригинальны. Ничто не можетъ такъ ясно выразить душевную жизнь народа, его чувства и настроенія, какъ содержаніе сказокъ и способъ ихъ передачи. Онѣ лучше всего рисуютъ намъ міросозерцаніе народа. Въ сказкахъ эскимосовъ проявляется большая фантазія, а также довольно грубый юморъ, не всегда удобный для печати.

Кромѣ сказокъ, у эскимосовъ сохраняются преданія о всевозможныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ; у нихъ существуетъ также и поэзія. Состоитъ она изъ всевозможныхъ юмористическихъ стихотвореній, которыми они обмѣниваются во время барабанной пляски, а также изъ описанія предметовъ и разныхъ приключеній. Эскимосы и теперь еще сочиняютъ стихи, причемъ часто осмѣиваютъ европейцевъ, разныхъ членовъ экспедиціи. Мнѣ приходилось нерѣдко слышать подобныя пѣсни, въ которыхъ упоминались имена товарищей, но мнѣ не удалось записать ни одного такого стихотворенія. Съ 1861 года въ Гренландіи выходитъ газета. Печатаютъ ее въ селеніи Готхабъ, въ типографіи, которою завѣдуетъ эскимосъ. Человѣкъ этотъ спеціально ѣздилъ въ Данію, чтобы изучить типографское искусство, которымъ онъ отлично овладѣлъ, и кромѣ того рисуетъ и печатаетъ

картинки. Изданіе выходитъ 12 разъ въ годъ и раздается даромъ. Расходы по нему покрываются правительствомъ. Текстъ изданія заполняется переводами съ датскаго, а также оригинальными произведеніями туземцевъ, въ которыхъ они описываютъ охоту, свои путешествія и т. д. Такимъ образомъ тамъ образовалась совсѣмъ особенная литература. Привожу здѣсь текстъ разсказа, который поясняетъ, насколько у эскимосовъ еще сильны всевозможныя суевѣрія:

«Наконецъ-то мнѣ удалось написать разсказъ для чтенія; я давно собирался это сдѣлать, и хотя написалъ немного, но все, о чемъ я говорю, я видѣлъ собственными глазами. Мнѣ хотѣлось передать интересныя подробности охоты на медвѣдя на югѣ Гренландіи, о которыхъ мало что извѣстно въ другихъ мѣстностяхъ нашей страны. Случилось это въ 1882 году, недалеотъ мыса Фаруэль. На берегу стояли два гренландскихъ дома. Въ одномъ жили три охотника на тюленей съ ихъ семействами, Веніаминъ, Исаакъ и Морисъ. Въ другомъ домѣ жилъ Матвѣй, котораго мы называли «Набитымъ», потому что онъ любилъ употреблять въ разговорѣ слово «набитый». Ему было тогда уже болѣе семидесяти лѣтъ, но онъ еще славился, какъ хорошій охотникъ, и кромѣ того на своемъ вѣку убилъ нѣсколькихъ медвѣдей.

Стоянка эскимосовъ въ Гренландіи.

«Событіе, которое я хочу описать, случилось въ воскресенье. Сосѣднихъ охотниковъ не было дома, они уѣхали на ловлю, а мы сидѣли въ домѣ Матвѣя и молились. Когда мы кончили свои молитвы, сынъ Веніамина, который вышелъ зачѣмъ-то на улицу, вдругъ вбѣжалъ въ домъ съ крикомъ, что тамъ стоитъ медвѣдь и ѣстъ нашъ запасъ жира.

«Это извѣстіе такъ же испугало меня, какъ и обрадовало; но старикъ Матвѣй даже затрясся отъ удовольствія и воскликнулъ: «Благодареніе тому, кто принесъ такое извѣстіе! Я пойду туда и заколю медвѣдя». Я взглянулъ на него и подумалъ, что онъ, вѣроятно, возьметъ какое-нибудь подходящее оружіе, длинный ножъ или что-нибудь подобное, но этого не случилось. Орудіе, которое онъ взялъ, почти не было замѣтно въ его сжатомъ кулакѣ. «Какая польза отъ такого оружія»,—подумалъ я,—«вѣдь у медвѣдя здоровая шкура и толстый слой жира». Женщины, которыя находились въ домѣ, не хотѣли ему позволить идти на медвѣдя. Онѣ распустили свои волосы и потряхивали ими, думая, что медвѣдь ихъ приметъ за мужчинъ и нѣсколько поубавитъ свое нахальное поведеніе. Наши языческіе предки приписывали медвѣдю человѣческій разумъ.

«Мы боялись, какъ бы медвѣдь не забрался въ домъ, и потому я началъ оглядываться, пріискивая себѣ оружіе. Я увидѣлъ ножъ и схватилъ его, а также древко отъ стрѣлы, къ которому хотѣлъ его привязать. Но какъ только я схватилъ то и другое, я услышалъ за собою голосъ: «Дай-ка сюда! у меня побольше силы, чѣмъ у тебя». Говорила это овдовѣвшая дочь Матвѣя, и она отняла у меня ножъ и древко отъ стрѣлы.

«Въ эту минуту часы на стѣнѣ пробили одиннадцать (въ Гренландію было ввезено много швейцарскихъ и нюренбергскихъ часовъ; эскимосы охотно ихъ покупали и увозили съ собою даже въ отдаленныя мѣстечки Гренландіи). Я бросился къ часамъ, желая остановить ихъ бой, потому что онъ могъ еще больше разъярить медвѣдя, но сдѣлалъ это очень неудачно. Часы подняли необыкновенный шумъ, и мнѣ только съ трудомъ удалось заставить ихъ наконецъ замолчать. Женщины все еще стояли, вцѣпившись въ Матвѣя, чтобы помѣшать ему выйти къ медвѣдю. Внезапно мать того юноши, который сообщилъ намъ о приходѣ медвѣдя, схватила двѣ сухія травинки и начала ихъ переплетать. Это дѣлалось для того, чтобы уменьшить силу медвѣдя и чтобы съ нимъ легче было справиться. Между тѣмъ Матвѣю удалось вырваться отъ женщинъ, и онъ полѣзъ въ проходъ, ко-

торый выходилъ наружу. Я бросился за нимъ, но онъ шепнулъ мнѣ: «Тише, тише! медвѣдь идетъ къ морю».

«Ружье Матвѣя лежало въ каякѣ у самаго берега, и когда медвѣдь прошелъ мимо самаго каяка, старикъ поползъ туда на четверенькахъ, чтобы достать ружье. Я остановился у порога хижины и видѣлъ, какъ медвѣдь съ ревомъ обернулся къ старику; я до того перепугался, что опрометью бросился къ другому домику и, влетѣвъ въ него, растянулся у самыхъ дверей. Лежа на полу, я видѣлъ сквозь окошко, какъ медвѣдь и Матвѣй стояли и смотрѣли другъ на друга; ихъ раздѣлялъ только каякъ. Матвѣй строилъ разныя смѣшныя рожи, а медвѣдь стоялъ, разинувъ пасть, ворчалъ и готовъ былъ на него броситься. Матвѣй уперся ногой въ каякъ и, не спуская глазъ съ медвѣдя, поднялъ на него ружье и выстрѣлилъ. Тогда я выскочилъ изъ дому и увидѣлъ, что старикъ подошелъ къ медвѣдю и всадилъ въ него копье, которымъ убиваютъ оленей, причемъ громко кричалъ и звалъ, чтобы женщины пришли къ нему на помощь и взяли звѣря. Женщины впопыхахъ бросились изъ дома, причемъ застряли въ проходѣ и долго въ немъ возились, пока чуть не пробили въ немъ дыры. Когда онѣ наконецъ подбѣжали къ медвѣдю, то первымъ дѣломъ сунули руку въ его смертельную рану и пили его теплую кровь, причемъ каждая называла ту часть тѣла убитаго звѣря, которую ей хотѣлось получить. Наконецъ до меня дошла очередь отвѣдать теплой крови, что я и сдѣлалъ, и сказалъ при этомъ, что мнѣ бы хотѣлось получить одинъ изъ окороковъ. Мнѣ объяснили, что всѣ части уже разобраны, а, кромѣ того, я забылъ дотронуться до тѣла медвѣдя и потому потерялъ право на полученіе своей доли отъ добычи. Это было очень глупо съ моей стороны, что я прозѣвалъ прикоснуться къ тѣлу убитаго звѣря. Мать того мальчика, который первый увидѣлъ медвѣдя, побѣжала въ домъ и принесла чашку съ водой, изъ которой мы всѣ должны были выпить по глотку, хотя никому изъ насъ не хотѣлось пить. Это дѣлалось для того, чтобы ему всегда была удача на медвѣжьей охотѣ, а кровь медвѣдя мы пили для того, чтобы доказать всему медвѣжьему роду, что люди — ихъ непримиримые враги. Прежде чѣмъ разрѣзать

медвѣдя на части, каждый считалъ своимъ долгомъ похлопать медвѣдя по шкурѣ и сказать: «Ты, однако, жирный, очень жирный!» Но это говорилось только изъ вѣжливости и потому, что это такъ принято. На самомъ дѣлѣ убитый медвѣдь оказался замѣчательно тощимъ.

«Когда голову медвѣдя внесли въ домъ, я прошелъ туда же, потому что зналъ, что теперь съ этой головой будутъ продѣлывать различныя штуки. Голову положили на подставку, на которую ставятъ лампы, оборотивъ ее на юго-востокъ. Ротъ и ноздри ему вымазали отбросами жира, а голову украсили всевозможными бездѣлушками, кусочками разрѣзанныхъ подошвъ, стружками, ножами, бусинками и т. д. Голову обратили на юго-востокъ для того, чтобы обозначить тотъ путь, откуда приходятъ къ намъ медвѣди; ноздри и носъ были вымазаны жиромъ для того, чтобы тѣ медвѣди, которыхъ придется убить, не могли разнюхать приближенія къ нимъ человѣка; въ ротъ ему засовывали жиръ изъ любезности, желая угодить его вкусу, потому что всѣмъ извѣстно, что онъ любитъ пригорѣлый жиръ. Предметы, которыми украшалась голова, согласно старинному преданію, назначались умершимъ предкамъ, которые подослали сюда медвѣдя. Медвѣжью голову съѣдали лишь на шестой день, потому что медвѣдю требовалось пять дней, чтобы добраться на тотъ свѣтъ; люди боялись, какъ бы онъ не растерялъ всѣ эти предметы дорогой. Даже то мѣсто туловища, на которомъ была отрублена голова, тщательно перевязывалось веревкой для того, чтобы душа медвѣдя не погибла на дорогѣ отъ потери крови. Я считаю все это, конечно, языческимъ суевѣріемъ, но наши предки вѣрили въ то, что у каждой твари есть своя душа. Конечно, такія души нельзя сравнить съ безсмертной душой человѣка. Странно, что тѣ люди, которые живутъ на югѣ Гренландіи и уже давно исповѣдуютъ христіанскую вѣру, еще до сихъ поръ придерживаются такихъ суевѣрныхъ обрядовъ. Но это происходитъ отъ того, что они часто ѣздятъ на сѣверъ и тамъ встрѣчаются съ язычниками. Я давно уже уѣхалъ изъ той мѣстности, и мнѣ говорили, что вблизи европейскихъ колоній такіе обряды совершенно уничтожены.

«Мнѣ не сообщили, въ какой день будутъ ѣсть медвѣжью голову, и потому я былъ удивленъ, когда меня пригласили къ обѣду. Я безъ церемоніи отрѣзалъ себѣ самую морду медвѣдя; но у меня ее сейчасъ же выхватили и объяснили, что мнѣ теперь не удастся никогда убить медвѣдя. Признаюсь, я немного обидѣлся на поведеніе своихъ хозяевъ и разъяснилъ имъ, что я вовсе не разсчитываю убивать медвѣдя, такъ какъ настолько близорукъ, что не могу прицѣлиться.

«Относительно медвѣдей у насъ существуютъ еще слѣдующія примѣты: если въ снѣгу увидятъ слѣды медвѣдя, то нужно сейчасъ же съѣсть немного того снѣгу, на который ступилъ медвѣдь,—тогда можно быть увѣреннымъ убить его, если онъ вернется по той же дорогѣ. Мальчикамъ обыкновенно даютъ съѣдать медвѣжьи почки: тогда они будутъ смѣлыми и хорошими охотниками. Во время тѣхъ пяти дней, когда голова медвѣжья стоитъ въ комнатѣ, гренландцы остерегаются производить какой бы то ни было шумъ, потому что медвѣди этого терпѣть не могутъ.

«Матвѣй разсказалъ мнѣ, что тотъ медвѣдь, котораго онъ убилъ при мнѣ, уже одиннадцатый, и что онъ его ни чуточки не боялся, потому что у него въ рукахъ было ружье. Однажды онъ встрѣтилъ медвѣдя на льду и подползъ къ нему, имѣя въ рукахъ одно лишь копье, но какъ давно это было, онъ уже не помнитъ».

Глава XIII.

Языческія вѣрованія эскимосовъ.

Вѣрованія эскимосовъ и соединенныя съ ними суевѣрія тѣсно связаны съ условіями ихъ существованія и съ окружающей природой и съ тѣми случайностями, отъ которыхъ зависѣла удача или неудача въ жизни и въ борьбѣ за существованіе. Народы, занимающіеся охотой и рыбной ловлей, всегда очень суевѣрны; для этого достаточно понаблюдать

хотя бы надъ моими соотечественниками—норвежцами. Цѣлый рядъ случайностей: погода, вѣтеръ, обиліе рыбы,—все это зависитъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя въ общей сложности называются удачей или неудачей. Отъ послѣднихъ часто зависитъ не только благосостояніе человѣка, но и сама его жизнь. Постоянныя опасности, которымъ эскимосъ подвергается на своемъ бушующемъ морѣ среди плавучихъ льдинъ, должны были воспитать въ немъ чувство суевѣрія. Безконечная зимняя ночь съ яркими сѣверными сіяніями, плавучими горами льда и страшными снѣжными буранами точно также не могла не оказать большого вліянія на душевный складъ этихъ крайнихъ обитателей далекаго сѣвера. Малоразвитой человѣкъ стоитъ передъ такими явленіями природы, какъ испуганный ребенокъ, и его пылкая фантазія рисуетъ всевозможные таинственные ужасы. Онъ считаетъ, что все злое въ мірѣ, въ особенности колдовство, наказуется высшими незримыми силами. Умершіе также могутъ или награждать или наказывать людей за ихъ хорошее или дурное къ нимъ отношеніе.

Вѣрованія эскимосовъ необыкновенно первобытны, неясны и состоятъ изъ цѣлаго ряда преданій и сказокъ. Ихъ вѣрованія не имѣютъ ничего общаго съ нравственностью, которая созидалась благодаря извѣстнымъ жизненнымъ условіямъ, принуждавшимъ человѣка поступать съ своими ближними возможно мягче и справедливѣе, чтобы удержать за собою ихъ расположеніе. Тамъ, гдѣ ежечасно приходится вести борьбу съ природой, человѣку нѣтъ времени воевать со своими ближними; поэтому эскимосъ поневолѣ воспиталъ въ себѣ миролюбіе и уступчивость.

Какъ всѣ первобытные народы, гренландцы одухотворяли окружающую ихъ природу; камни, горы, домашняя утварь — все, по ихъ понятіямъ, имѣло душу. Когда умиралъ охотникъ, души его орудій охотно сопровождали хозяина въ его скитаніяхъ въ загробной жизни; поэтому ихъ клали на могилу умершаго, чтобы они тамъ сгнили, а заключающіяся въ нихъ души освободились. У нихъ явилось убѣжденіе, что въ каждомъ предметѣ заключается «существо» или «обладатель» этого предмета. Эскимосы вѣрили, что въ каждомъ

камнѣ, горѣ, глетчерѣ, въ каждой рѣкѣ или озерѣ заключенъ его «обладатель». Даже воздухъ заключалъ въ себѣ такого «обладателя». Удивительно то, какъ могли эскимосы додуматься до такихъ отвлеченныхъ понятій. Когда эскимоса пробираетъ голодъ, и у него сосетъ подъ ложечкой, то онъ воображаетъ, что въ немъ сидитъ «существо», которое требуетъ пищи, и онъ называетъ его голодомъ. Иногда эти невидимыя существа показываются въ видѣ искръ или пламени, и лицезрѣніе ихъ очень опасно.

Согласно первобытнымъ понятіямъ эскимоса, человѣкъ состоялъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей — изъ тѣла и души. Видѣть душу не всѣмъ доступно, а лишь нѣкоторымъ, одареннымъ особою проницательностью (ангекокъ—волшебникъ). У души такой же внѣшній видъ, какъ и у тѣла, но только прозрачный. На ощупь она мягкая, у ней нѣтъ ни костей, ни жилъ. По-гренландски слово «душа» очень напоминаетъ слово тѣнь, и, безъ сомнѣнія, въ прежнія времена эти два понятія выражались однимъ и тѣмъ же словомъ. Они вѣрили, что душа связана съ дыханіемъ, поэтому во время болѣзни человѣка волшебники дышали на больного, стараясь или исцѣлить его душу, или вдохнуть въ него новую.

Душа довольно самостоятельна и отчасти независима отъ тѣла. Если человѣкъ уѣзжалъ въ странствованіе, душа оставалась дома, отчего происходила тоска по родинѣ. Душу можно было потерять, а иногда ее крали колдуны. Въ такихъ случаяхъ на человѣка нападала болѣзнь, и онъ просилъ своего волшебника, чтобы тотъ постарался найти душу или доставить ему другую, которую можно было взять у какого-нибудь звѣря или птицы.

У гренландцевъ, живущихъ на восточномъ берегу, къ этимъ двумъ частямъ существа человѣка присоединялась еще третья—имя; эта часть такъ же велика, какъ и самъ человѣкъ, сказано въ преданіи эскимосовъ, и, когда родится дитя, ему смазываютъ ротъ водой и говорятъ имя какого-нибудь умершаго предка, который тогда и входитъ въ ребенка; теперь еще въ христіанскихъ семьяхъ эскимосовъ новорожденному даютъ имя того, кто послѣдній умеръ въ семьѣ; дѣлаютъ

они это для того, чтобы умершему спокойнѣе было лежать въ могилѣ. Восточные гренландцы полагаютъ, что имя остается при усопшемъ и переходитъ сначала въ разныхъ животныхъ, пока его не дадутъ наконецъ ребенку; поэтому они заботятся, чтобы это случилось какъ можно скорѣе, и если ребенку не дать этого имени, то ему впослѣдствіи, какъ взрослому человѣку, грозятъ серьезныя несчастія. Они полагаютъ, кромѣ того, что между двумя людьми, у которыхъ одно и то же имя, существуетъ духовное родство; получивъ имя усопшаго, ребенокъ получаетъ и качества его, и впослѣдствіи онъ особенно долженъ бороться съ тѣми причинами, которыя вызвали кончину человѣка, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ имя. Если этотъ человѣкъ умеръ на морѣ, то наслѣдникъ его имени долженъ почитать за честь постоянно бороться съ моремъ на своемъ каякѣ.

Гренландцы боятся произнести имя усопшаго; если изъ двухъ человѣкъ, носящихъ одно имя, одинъ умеръ, другой спѣшитъ скорѣе перемѣнить свое имя. Гренландцы даже боятся выговорить и свое собственное имя. Если эскимоса спросить, какъ его зовутъ, онъ обыкновенно проситъ другого человѣка назвать его по имени. Матери отказываются говорить имена своихъ дѣтей и обыкновенно отговариваются тѣмъ, что онѣ ихъ забыли. Этотъ страхъ они объясняютъ тѣмъ, что человѣкъ, который назвалъ себя по имени, теряетъ часть своей силы и отдаетъ себя во власть тому, при комъ онъ произнесъ это имя.

Согласно первобытнымъ вѣрованіямъ эскимосовъ, душа не умирала вмѣстѣ съ тѣломъ и попадала или подъ землю, или въ море, или въ другое пространство, которое находилось на небѣ. Пребываніе въ морѣ или подъ землей считалось наилучшимъ, потому что тамъ сіяло солнце и было много птицъ и всякихъ звѣрей. Эскимосы видѣли отраженіе неба и горъ въ водѣ и, не понимая этого явленія, полагали, что тамъ находится какое-то особенное царство. Впослѣдствіи они убѣдились, что картины, которыя они видѣли въ водѣ, лишь отраженія, но вѣрованіе свое, тѣмъ не менѣе, сохранили.

На небѣ, по ихъ понятіямъ, было гораздо холоднѣе; тамъ

были горы и долины, и надъ ними голубое небо. Души усопшихъ жили вокругъ большого озера, и когда оно текло черезъ край, то внизу, на землѣ, шелъ дождь. Сѣверное сіяніе, по сказаніямъ восточныхъ гренландцевъ, происходило оттого, что на небѣ играли души незаконнорожденныхъ дѣтей и такихъ, которыя были убиты вскорѣ послѣ рожденія. Эскимосы всегда желаютъ, чтобы ихъ усопшіе попадали въ то царство, которое находится подъ землей; поэтому они тяжело-больныхъ клали на землю и торопились облачить ихъ въ погребальныя одежды. Такимъ образомъ они облегчали имъ доступъ въ подземное царство.

Добраться, однако, въ это подземное царство не такъ-то легко. На дорогѣ имъ попадался высокій остроконечный утесъ, по которому умершіе должны были скользить внизъ; камни этого утеса носили слѣды крови. Особенно худо было совершать этотъ переходъ тѣмъ душамъ, которыя умерли зимой въ дурную погоду: тогда душа могла пострадать и умереть во второй разъ, уже окончательно.

Такъ какъ эскимосы полагали, что у звѣрей также есть души, то и эти души должны были отправляться въ преисподнее царство. Если умиралъ ребенокъ, то на его могилку клали голову собаки. Душа этой собаки должна была сопровождать душу ребенка и охранять ее отъ несчастья.

Гренландцы вѣрили въ нѣкоторыя высшія существа, изъ которыхъ многія помогали волшебникамъ творить сверхъестественныя чудеса. У каждаго волшебника было нѣсколько такихъ высшихъ существъ, которыя помогали ему совершать какъ добрыя, такъ и злыя дѣла. Всѣ эти существа находились подъ началомъ одного главнаго, у котораго волшебники испрашивали совѣта при посредствѣ тѣхъ, которыя находились подъ ихъ началомъ. Внѣшній видъ этого главнаго существа не былъ ясно опредѣленъ. Многіе вѣрили, что онъ похожъ на медвѣдя, другіе считали его за великана, а были и такіе, которые утверждали, что онъ не больше мизинца.

Мы уже говорили о томъ, что гренландцы очень боятся умершихъ и особенно привидѣній, потому что они увѣрены

въ томъ, что эти привидѣнія суть души умершихъ, которыя выходятъ изъ могилъ. Они уже заранѣе снаряжаютъ умирающаго для погребенія, чтобы не прикасаться къ нему, когда онъ умретъ. Тѣло скончавшагося выносятъ не въ дверь, а выталкиваютъ въ нарочно устроенное отверстіе, которое сейчасъ же закрывается для того, чтобы душа усопшаго не могла вернуться въ домъ. Вещи покойнаго также выносятся на улицу, и ихъ никогда не употребляютъ въ дѣло. Все его имущество: каякъ, оружіе, ножи, стрѣлы,—все кладется около могилы; а если онъ погибъ въ морѣ, то всѣ эти вещи выносятся на берегъ. Дѣлается это потому, что они, во-первыхъ, боятся вещей умершаго; во-вторыхъ, не желаютъ, чтобы видъ этихъ вещей вызывалъ лишнія слезы, такъ какъ души умершихъ очень тяготятся, когда о нихъ долго плачутъ. Мы уже говорили о томъ, что гренландцы полагали, будто умершему нужны его вещи, и клали ихъ около могилъ, чтобы онѣ сгнили, и души ихъ, освободившись, послѣдовали за покойникомъ.

Гренландцы обязаны извѣстное время сокрушаться по умершемъ; увидѣвъ кого-нибудь изъ родственниковъ или друзей покойника, они сейчасъ же начинаютъ ревѣть и причитать. Они больше всего боятся, чтобы умершій не разсердился на нихъ за что-нибудь, такъ какъ они ему приписываютъ большое вліяніе на свою жизнь.

Я назову здѣсь нѣсколько сверхъестественныхъ существъ, въ которыхъ вѣрили эскимосы. Такъ, напримѣръ, надъ морскими животными властвовала старуха, у которой не было имени. Она жила подъ моремъ и сидѣла въ своей комнатѣ, въ которой горѣла лампа. Подъ лампой стояла чашка, въ которую стекало лишнее масло, и въ этой чашкѣ зарождалась масса птицъ и всякихъ морскихъ звѣрей, которые отсюда выплывали въ море. Когда у ней въ волосахъ накапливались всевозможныя насѣкомыя, звѣри пожирали ихъ и не выплывали на поверхность моря. Въ такихъ случаяхъ бывала плохая охота, и эскимосы просили своихъ волшебниковъ, чтобы они отправлялись къ этой старухѣ, расчесывали ей волосы и просили ее отпустить звѣрей въ море. Такія путешествія къ сердитой старухѣ сопровождались всевозмож-

ными сказочными приключеніями. Эта старуха, согласно преданію эскимосовъ, была когда-то дочерью могущественнаго волшебника. Въ припадкѣ гнѣва онъ выбросилъ ее изъ лодки въ море и, когда она цѣплялась пальцами за края этой лодки, то отрубилъ ей ножомъ всѣ пальцы, которые превратились въ тюленей и китовъ, а сама она сдѣлалась владычицей надъ этими животными.

Гренландцы вѣрятъ еще въ то, что существуютъ какіе-то особенные люди, которые живутъ въ горахъ, въ самыхъ уединенныхъ, недоступныхъ мѣстахъ. Они прежде жили среди людей, но потомъ ушли, потому что были обижены или чѣмъ-то недовольны. Когда они прожили въ уединеніи больше года, то у нихъ являются различныя сверхъестественныя качества. Они могутъ прыгать съ верхушки одной горы на другую, разрѣзать безъ ножа убитыхъ оленей и попадать безъ промаха въ каждое животное, которое они намѣтили себѣ въ жертву. Эти люди выростаютъ до необыкновенно большихъ размѣровъ, одѣваются въ оленьи кожи. Лицо ихъ дѣлается чернымъ, а волосы—бѣлыми, и чѣмъ дольше они живутъ, тѣмъ больше проясняется ихъ разумъ. Они становятся всевѣдущими и научаются понимать языкъ животныхъ. Зато они теряютъ способность умереть и ведутъ самое жалкое существованіе, проливая слезы о людяхъ, къ которымъ не смѣютъ приблизиться, и о невозможности окончить свое существованіе. Впрочемъ, говорятъ, что иногда ночью они забираются въ дома и выискиваютъ себѣ что-нибудь съѣстное, а главное—запасаются табакомъ. Мнѣ самому пришлось убѣдиться, до чего гренландцы боятся привидѣній. Однажды вечеромъ я долженъ былъ зайти въ домъ къ эскимосу, чтобы отдать ему письмо, которое на слѣдующій день надо было свезти на корабль. Всѣ въ домѣ уже спали, и я подошелъ къ нарамъ, на которыхъ спалъ неженатый членъ семьи. Въ комнатѣ было довольно свѣтло, потому что лампа, по обыкновенію, горѣла. Разбудить молодого эскимоса было довольно трудно. Когда онъ, наконецъ, проснулся и открылъ глаза, то, увидѣвъ меня, сильно поблѣднѣлъ и началъ орать, какъ сумасшедшій. Онъ принялъ меня за привидѣніе. Прошло немало времени, пока мнѣ удалось

успокоить его и другихъ членовъ семьи, которые тоже подняли крикъ; мы долго потомъ смѣялись надъ этимъ приключеніемъ.

О сотвореніи міра эскимосы не имѣютъ никакихъ преданій. Что касается человѣка, то они предполагаютъ, что онъ выросъ изъ земли и съ нею обручился, поэтому они говорятъ: «кто бьетъ по землѣ, тотъ бьетъ свою мать; а кто бьетъ по камню, тотъ бьетъ своего отца».

Причины смерти у эскимосовъ объясняются такъ: какая-то старая баба сказала: «пусть люди умираютъ, иначе на землѣ будетъ тѣсно». Согласно другому сказанію, двое изъ первыхъ людей, жившихъ на свѣтѣ, начали ссориться. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «пусть будетъ день и ночь и пусть люди умираютъ», а другой говорилъ: «пусть всегда будетъ ночь, и пусть люди будутъ живы». Послѣ долгихъ споровъ первый побѣдилъ. По другому сказанію, змѣя и вошь поспорили, кто первый доберется до людей. Если доберется змѣя, то люди постоянно будутъ жить; а если доберется вошь, то люди будутъ умирать. Змѣя поползла гораздо скорѣе вши, но по дорогѣ ей встрѣтилась большая гора, которую она должна была обогнуть, поэтому потеряла много времени; вошь пришла первая, и съ тѣхъ поръ люди начали умирать.

Эскимосы воображаютъ, что все существующее на свѣтѣ получило начало отъ нихъ самихъ. Птицы и другія животныя произошли отъ стружекъ, которыя ихъ праотцы побросали въ море. Самыя большія рыбы произошли отъ того, что у женщины сорвало платокъ и унесло его въ море. Небесныя созвѣздія были прежде обыкновенными эскимосами и жили на землѣ, но почему-то попали на небо. Солнце была прекрасная женщина, которая вмѣстѣ съ братомъ, мѣсяцемъ, жила въ одномъ домѣ. Мѣсяцъ однажды гнался за своей сестрой и опрокинулъ лампу, которую держалъ въ рукѣ. Пламя погасло, а фитиль продолжалъ тлѣть, отчего у мѣсяца получился красноватый цвѣтъ. Мѣсяцъ, однако, не забылъ своего земного происхожденія и часто спускается на землю, гдѣ занимается любовными похожденіями. Его должны остерегаться женщины, и имъ запрещается вообще смотрѣть на

него. Когда мѣсяцъ сидитъ на небѣ и точитъ клыкъ моржа, то на землю падаютъ тонкія стружки—снѣгъ. Зимою мѣсяцъ любитъ кататься на санкахъ по свѣтлому льду, и эскимосы полагаютъ, что онъ, главнымъ образомъ, нагоняетъ на нихъ стужу.

Громъ, по мнѣнію эскимосовъ, происходитъ отъ того, что двѣ старыя женщины спорятъ изъ-за высохшей шкуры и тянутъ ее къ себѣ, одна за одинъ конецъ, другая—за другой. Во время спора онѣ роняютъ лампы, и тогда бываетъ молнія. Туманъ произошелъ отъ того, что одинъ изъ злыхъ духовъ до того напился, что лопнулъ. Дождь посылаетъ другой духъ, живущій на небѣ, и если долго не было дождя, то эскимосы посылали волшебника, чтобы просить его ниспослать на землю дождь. Но такъ какъ эскимосы не занимаются земледѣліемъ, то имъ не приходится безпокоиться о дождѣ, и такія просьбы бываютъ очень рѣдки.

Всевозможныя сказки и преданія эскимосовъ во многомъ сходятся съ преданіями другихъ сѣверныхъ народовъ, а также первобытныхъ племенъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ земного шара. Эскимоса поддерживали въ его суевѣріяхъ волшебники, такъ называемые «ангекоки». Это были самые умные, но и самые продувные люди; своихъ соотечественниковъ они увѣряли, что могутъ бесѣдовать съ разными духами и привидѣніями, подниматься на небо и опускаться въ преисподнюю, и хлопотать за эскимосовъ у разныхъ могущественныхъ существъ. Они увѣряли, что могутъ вызывать духовъ; это происходило обыкновенно во время сборищъ въ домахъ, причемъ тушились лампы и закрывались всѣ отверстія. Волшебникъ садился на землю и подымалъ такой невообразимый шумъ, отъ котораго тряслись даже стѣны дома: ревѣлъ, стоналъ, кричалъ, хохоталъ и всячески старался одурачить своихъ поклонниковъ. Они вѣрили, что весь этотъ шумъ прозводятъ духи, которыхъ онъ вызываетъ.

Для того, чтобы сдѣлаться такимъ волшебникомъ, надо было провести нѣсколько времени въ полномъ одиночествѣ и подолгу тереть камень о камень, чтобы вызвать горнаго духа. Будущій волшебникъ не долженъ былъ никому гово-

рить, что онъ хочетъ имъ сдѣлаться, но разъ онъ превратился въ него, отступленіе немыслимо.

Вліяніе такихъ волшебниковъ зависѣло отъ ихъ ловкости. Впрочемъ, они отчасти сами вѣрили силѣ своего волшебства и пытались излѣчивать всевозможныя болѣзни посредствомъ заговора. За свое искусство они требовали хорошей платы, иначе ихъ лѣченіе было безуспѣшно. Конечно, подарки они брали не для себя, а для того духа, котораго они заклинали. Эскимосы боялись своихъ волшебниковъ, потому что тѣ могли напустить на нихъ всякія бѣды. Если ихъ не раздражали, то они дѣлали скорѣе добро, чѣмъ зло.

Злые волшебники назывались у нихъ колдунами. Они заговаривали оружіе, мѣшали удачному лову животныхъ и производили другія напасти. Такихъ людей эскимосы жестоко преслѣдовали, и всякаго человѣка, котораго подозрѣвали въ колдовствѣ, обыкновенно убивали. Главная разница между волшебникомъ и колдуномъ была та, что волшебникъ открыто входилъ въ общеніе съ разными сверхъестественными существами и въ большинствѣ случаевъ испрашивалъ отъ нихъ что-нибудь доброе и полезное для своихъ соотечественниковъ, колдуны же, напротивъ, втихомолку направляли свои чары и незримо сообщались со злыми духами. Они составляли какія-то вредныя смѣси изъ падали, костей, змѣй, пауковъ и пѣли какія-то колдовскія пѣсни. Эта смѣсь бросалась въ море и могла превратиться въ опасныхъ звѣрей, отъ которыхъ могъ пропасть человѣкъ, противъ котораго злоумышлялъ колдунъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о такихъ предметахъ, которымъ эскимосы приписывали волшебную силу; ихъ повсемѣстно зовутъ амулетами. Родители пѣли надъ ними заклинанія и вѣшали ихъ своимъ новорожденнымъ дѣтямъ на шею. Молодые люди могли находить амулеты по указанію своихъ болѣе опытныхъ родителей.. Амулеты носятъ прямо на тѣлѣ, подъ одеждой, и не снимаютъ во всю жизнь. Мужчины носятъ ихъ зашитыми въ тюленью кожу, а женщины часто прячутъ ихъ въ волосахъ. Случается, что такіе амулеты задѣлываются въ крыши или стѣны домовъ или прячутся въ каякѣ, чтобы онъ не опрокидывался на охотѣ. Какъ

извѣстно, вѣра въ такіе волшебные предметы, которые могутъ способствовать удачѣ, встрѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и этой вѣры придерживаются и до настоящаго времени даже цивилизованные народы. Причина суевѣрія понятна. Случайно какой-нибудь человѣкъ, имѣя при себѣ какой-нибудь предметъ, пользовался удачей. Онъ привыкъ смотрѣть на такой предметъ, какъ на обладающій извѣстными свойствами, и постоянно носилъ его при себѣ. Случалось также, что, глядя на какихъ-нибудь звѣрей и птицъ, которыя отличаются смѣлостью и ловкостью, онъ бралъ себѣ ихъ голову, когти, перья и полагалъ, что къ нему такимъ образомъ переходитъ частица ихъ качествъ. Иногда эскимосы употребляли вмѣсто амулетовъ частички одежды своихъ предковъ, полагая, что такимъ образомъ они пользуются ихъ покровительствомъ. Гренландцы имѣютъ также обыкновеніе пѣть пѣсни для заклинанія въ случаѣ болѣзни или несчастія. Пѣсни эти извѣстны и теперь, и поются въ присутствіи постороннихъ.

Всѣ суевѣрія гренландцевъ, которыя, конечно, представляются намъ совершеннымъ вздоромъ, возникли вслѣдствіе желанія этого некультурнаго народа объяснить себѣ явленія окружающей природы. Ихъ фантазія населяла міръ сверхъестественными силами, и они прибѣгали къ нимъ, когда жизнь становилась черезчуръ несправедливой и суровой. Загробный міръ рисовался имъ въ видѣ убѣжища, гдѣ можно было ѣсть безъ конца тюленьи головы и пребывать въ полномъ покоѣ. Когда въ Гренландію пріѣхали европейцы, эскимосы заинтересовались ихъ образомъ жизни и спросили, какой у нихъ повелитель, великъ ли онъ ростомъ и много ли наловилъ китовъ. Эскимосы никогда не лгутъ и потому вѣрили всему, что имъ говорили европейцы, и удивлялись, что европейцы не вѣрятъ тому, что они имъ разсказывали. Теперь большинство эскимосовъ—уже христіане, и только на востокѣ и сѣверѣ остались кочующія племена, которыя—еще язычники. Тѣмъ не менѣе, и христіане-эскимосы придерживаются многихъ суевѣрій, такъ какъ миссіонеры относятся къ нимъ очень свысока и не берутъ на себя трудъ объяснять имъ всѣ ихъ заблужденія. Эскимосы въ сущности взрослыя

дѣти, и съ ними надо обходиться терпѣливо и благодушно, а миссіонеры, особенно въ прежнія времена, выказывали имъ много суровости и пренебреженія.

Глава XIV.

Европейцы и туземцы.

Надо отдать справедливость, что отношеніе европейцевъ къ гренландцамъ менѣе сурово, чѣмъ къ другимъ первобытнымъ народамъ, населявшимъ земной шаръ, которые подпали подъ власть культурныхъ народовъ. Главная ошибка европейцевъ заключалась въ томъ, что они не хотѣли вникнуть въ міровоззрѣніе эскимосовъ и понять, насколько оно для нихъ важно и необходимо при томъ образѣ жизни, который они вели. Но цивилизованные народы уже привыкли смотрѣть на первобытнаго человѣка съ извѣстнымъ презрѣніемъ и полагать, что они призваны къ тому, чтобы сообщать имъ всѣ, такъ называемыя, выгоды своей собственной культуры. Они, къ сожалѣнію, не сознавали, что въ этомъ случаѣ надо дѣйствовать осторожно, потому что ни одинъ народъ не можетъ сразу переродиться и забыть прошлое. Для этого требуется довольно продолжительный срокъ и большая осмотрительность. Первымъ миссіонеромъ среди эскимосовъ былъ норвежецъ Гансъ Эгеде. Онъ съ искреннимъ рвеніемъ хотѣлъ просвѣтить этихъ дикарей и сумѣлъ вызвать къ себѣ ихъ расположеніе; онъ посвятилъ этому дѣлу всю свою жизнь. Имя его почитается во всей Гренландіи. Гренландцы не противились ученію Христа и нигдѣ никогда не выказывали злой воли противъ миссіонеровъ.

Правительство Даніи, которое учредило въ Гренландіи свои колоніи, было одухотворено желаніемъ принести туземцамъ пользу. На самомъ дѣлѣ его стремленія не принесли съ собою хорошихъ результатовъ. Главное зло заключалось въ томъ, что европейцы не могли отдѣлаться отъ презрительнаго отношенія къ туземцамъ, которые вовсе этого не за-

служивали. Европейцы теперь почитаются гренландцами какъ высшая раса, и они, конечно, сами много способствовали тому, чтобы насадить и развить въ эскимосахъ такіе удобные для себя взгляды. Эскимосы считаютъ ихъ господами и во всемъ имъ подчиняются. Европейцы завели, напримѣръ, у себя козъ, и такъ какъ эскимосскія собаки за ними гонялись, то приказано было не держать собакъ вблизи тѣхъ поселеній, гдѣ жили европейцы. Я очень удивился такому требованію и считалъ его несправедливымъ, но эскимосы подчинились ему и говорили: «что-жъ дѣлать! если европейцамъ надо держать козъ, то намъ придется убрать собакъ».

Мнѣ кажется также несправедливымъ законъ относительно продажи водки. Эскимосамъ водка не продается, но европейцы всегда могутъ получить этотъ продуктъ и угощать имъ эскимосовъ. По-моему, было бы правильнѣе совсѣмъ запретить ввозъ водки въ Гренландію, а европейцы, которые, какъ говорятъ, явились сюда съ высшими культурными задачами, могли бы воздержаться отъ употребленія этого напитка. Точно также они совершенно напрасно познакомили эскимосовъ съ чаемъ, кофе, печеньемъ и другими европейскими лакомствами, къ которымъ эскимосы съ трудомъ могли привыкнуть, но которыя они теперь очень любятъ и которыя очень вредно отражаются на ихъ здоровьѣ. Я нахожу, что датчане не только не должны были продавать ихъ эскимосамъ, но и вообще привозить въ страну такіе ненужные туземцамъ продукты, и сами воздержаться отъ ихъ употребленія. Вѣдь они постоянно твердятъ, что пріѣхали сюда не ради себя, но ради гренландцевъ; такъ зачѣмъ же они дѣлаютъ то, что прямо вредно этому народу?

Для того, чтобы устроить нѣкоторый порядокъ и обуздать слишкомъ безцеремонное отношеніе иностранцевъ къ туземцамъ, здѣсь были устроены выборы такъ называемыхъ представителей отъ народа. Собранія этихъ представителей должны вѣдать дѣла приходовъ, оказывать помощь бѣднякамъ и слѣдить за порядкомъ. Такъ какъ сами гренландцы не имѣли понятія о такихъ учрежденіяхъ, то пасторы должны были взять на себя руководство и, при помощи европейцевъ,

знакомить ихъ съ первыми основами самоуправленія; но прекрасная мысль этихъ учрежденій на самомъ дѣлѣ не имѣла успѣха, потому что представителями обыкновенно выбирали европейцевъ, а если между ними и попадались туземцы, то они сидѣли молча, не умѣя и даже боясь высказывать свое мнѣніе, и во всемъ соглашались съ иностранцами. Учрежденіе такого самоуправленія, какъ и все привитое иноземцами, не имѣетъ успѣха потому, что не явилось вслѣдствіе потребности самого народа, а было навязано ему извнѣ; пройдетъ много времени, пока они дѣйствительно освоятся съ тѣми правами, которыя имъ преподнесли европейцы. Сами эскимосы очень противились введенію такого

Датскій поселокъ въ Южной Гренландіи.

самоуправленія. Они находили, что имъ гораздо полезнѣе ѣздить на охоту въ открытое море и заниматься ловлей тюленей, чѣмъ разъѣзжать по дѣламъ прихода и присутствовать на засѣданіяхъ, въ которыхъ они вообще мало что понимали и стѣснялись присутствіемъ европейцевъ.

Многіе придерживаются того мнѣнія, что гренландцы—очень несамостоятельный народъ, и что они какъ бы созданы для того, чтобы жить въ подчиненіи. Эскимосы, напротивъ, въ былыя времена проявляли много независимости и, встрѣтившись впервые съ европейцами, считали себя съ ними почти на равной ногѣ. Они и теперь находятъ для себя унизительнымъ быть наемниками у кого бы то ни было, такъ какъ жили всегда исключительно самостоятельнымъ трудомъ. Они подчинялись лишь въ рѣдкихъ случаяхъ старшему въ

родѣ, но и его вліяніе было чрезвычайно слабо и не носило строгаго характера. Поэтому европейцамъ было чрезвычайно трудно въ первое время находить среди эскимосовъ работниковъ и слугъ. Въ настоящее время уже многіе изъ хорошихъ охотниковъ нанимаются къ представителямъ торговыхъ предпріятій и даже гордятся тѣмъ, что, наравнѣ съ датскими чиновниками, получаютъ порцію водки. Зато эскимоски очень строптивы, хотя для услуженія ловки и проворны; достаточно какой-нибудь датской хозяйкѣ сдѣлать имъ суровое замѣчаніе, не говоря уже о грубомъ словѣ, чтобы лишиться навсегда возможности найти себѣ прислугу.

Если гренландцы и выказываютъ иногда какое-то рабское равнодушіе, то это происходитъ оттого, что они удивительно терпѣливы. Ихъ суровая жизнь, постоянное занятіе охотой развили въ нихъ удивительное спокойствіе и выдержку. Имъ приходилось иногда изо дня въ день возвращаться домой безъ добычи и терпѣть голодъ и нужду вмѣстѣ со своей семьей. Я часто удивлялся ихъ терпѣнію, когда видѣлъ, какъ они цѣлое утро простаивали около дома управляющаго колоніей, часто въ сильную снѣжную бурю, и дожидались, пока ихъ примутъ. Они не высказывали ни однимъ словомъ своего неудовольствія, а между тѣмъ имъ нужно было ѣхать далеко, за нѣсколько миль отъ колоніи, и каждая минута была для нихъ дорога. Если я спрашивалъ ихъ, скоро ли они поѣдутъ, то они равнодушно пожимали плечами и говорили, что не знаютъ, что это зависитъ отъ погоды, но никогда не выражали своихъ жалобъ на чиновниковъ.

Слѣдующій случай отлично объяснитъ эту сторону ихъ характера. Одинъ инспекторъ колоніи послалъ однажды большую лодку съ нѣсколькими людьми въ довольно отдаленную бухту, чтобы накосить травы для своихъ козъ. Прошло нѣсколько дней, а люди все не возвращались, и никто не могъ понять, куда это они пропали. Когда они наконецъ вернулись, то объяснили, что трава была вначалѣ очень короткая, и они дожидались, пока она вырастетъ. Да, это поистинѣ терпѣливый народъ!

Принесли ли европейцы пользу эскимосамъ своимъ появленіемъ? Разберемъ дѣло сначала съ матеріальной стороны. Прежде всего европейцы должны были помочь имъ въ ихъ борьбѣ за существованіе, познакомивъ ихъ съ болѣе усовершенствованными орудіями. Европейцы привезли имъ желѣзо, изъ котораго эскимосы дѣлаютъ ножи и нѣкоторыя части охотничьихъ снарядовъ; но вѣдь они отлично обходились и безъ этого желѣза, замѣняя его костью и камнемъ. Ружья, привезенныя европейцами, позволили эскимосамъ сразу набить много оленей. Мѣстами ихъ убивали сотнями и тысячами. Мѣха продавались европейцамъ, а мясо оставалось на мѣстѣ и пропадало. Ясно, что такая охота истребила всѣхъ оленей, и сами эскимосы говорятъ, что теперь олени покинули ихъ страну. Если бы они продолжали убивать оленей метательными снарядами, то никогда бы не произвели подобныхъ опустошеній.

Для тюленьей охоты ружье также непригодно. Выстрѣлы распугиваютъ тюленей, и они уходятъ съ береговъ въ море. Между тѣмъ охота при помощи гарпуна не производила ни малѣйшаго шума. Конечно, легче убить тюленя изъ ружья, чѣмъ при помощи гарпуна, и потому эскимосы охотно взялись за ружье. Зато въ худую погоду всѣ охотники должны сидѣть дома, между тѣмъ какъ въ прежнее время могли охотиться во всякую погоду, когда былъ дождь и вѣтеръ. Охота съ гарпуномъ еще тѣмъ выгоднѣе, что раненаго звѣря всегда привозили домой, а тюлень, раненый пулей, часто скрывается.

Европейцы обучили эскимосовъ стрѣлять дробью и этимъ облегчили охоту на птицъ, которыхъ они убиваютъ цѣлыми стаями. Но самымъ необходимымъ животнымъ для эскимоса остается тюлень. Мясо и жиръ его нужны ему для питанія и освѣщенія, а шкуры—для одежды, домовъ и для обивки каяковъ, и его ничѣмъ нельзя замѣнить. Между птицами эскимосы произвели въ послѣдніе годы такія опустошенія, что онѣ значительно уменьшились въ количествѣ. Прежде эскимосъ бросалъ въ нихъ стрѣлы и убивалъ столько, сколько ему нужно,—теперь множество мелкихъ птицъ остается лежать на скалахъ и пропадаетъ безъ всякой пользы.

Торговля европейскими продуктами также причинила эскимосамъ немало вреда. Чтобы купить табакъ, чай, кофе и разные предметы, совершенно ненужные для ихъ обихода, они продаютъ необходимые для ихъ существованія тюленій жиръ и кожи. У нихъ не хватаетъ кожъ для обивки лодокъ, и они не могутъ, какъ прежде, совершать дальнихъ поѣздокъ, разбивать шатры и находить новыя мѣста для лова. Все это очень вредно отзывается на ихъ здоровьѣ. Одежда ихъ тоже стала гораздо хуже; они ходятъ въ жалкихъ лохмотьяхъ. Часто у нихъ нѣтъ жира, чтобы зажигать лампы, а постоянное пребываніе въ тѣсныхъ вонючихъ домахъ способствуютъ развитію всевозможныхъ болѣзней. Число эскимосовъ постоянно уменьшается. Ихъ было въ 1855 г. 9.644 души, затѣмъ ихъ число повысилось до 10.000, но не надо забывать, что первый миссіонеръ, Гансъ Эгеде, полтораста лѣтъ назадъ насчиталъ ихъ 30.000 душъ. Больше всего гренландцы помираютъ отъ рака, а затѣмъ очень многіе погибаютъ отъ туберкулеза. Среди эскимосовъ очень много чахоточныхъ, но они удивительно могутъ противостоять этой болѣзни. Многіе уже давно харкаютъ кровью, но выѣзжаютъ при этомъ на охоту и доживаютъ до преклонныхъ лѣтъ. Объясняется это тѣмъ, что они поѣдаютъ очень много жиру, который служитъ хорошимъ средствомъ противъ этой болѣзни. Занесли европейцы къ эскимосамъ оспу и многія другія болѣзни.

Главной ошибкой европейцевъ было желаніе быстро привить этому народу свою культуру. Конечно, человѣческая природа способна къ развитію, но это развитіе должно идти постепенно и отнюдь не вразрѣзъ съ тѣми условіями жизни, въ которыхъ этотъ народъ находится. Какое непоправимое зло нанесли мы эскимосамъ тѣмъ, что познакомили ихъ съ деньгами! Прежде они не знали, что такое богатство и сбереженіе. Изъ того, что они добывали, они много удѣляли ближнимъ; но вотъ они узнали, что такое деньги. Искушеніе было слишкомъ велико. Они теперь продаютъ европейцамъ все, что могутъ, и полученную выручку тратятъ на покупку европейскихъ товаровъ, которые имъ очень нравятся. Такимъ образомъ безкорыстная любовь къ ближнимъ

постепенно у нихъ ослабѣваетъ. Они уже не бросаютъ теперь вещей, которыя остались послѣ умершихъ, а продаютъ ихъ; полученную добычу не дѣлятъ съ сосѣдями, а выручаютъ за нее деньги. Они понемногу дѣлаются жадными и корыстолюбивыми и незамѣтно усваиваютъ себѣ тѣ пороки, которые они осуждали у европейцевъ.

Прежде у эскимоса была одна цѣль въ жизни: выѣхать на охоту и убить звѣря. Когда семья его была сыта, и у него было достаточно кожъ и жира,—онъ былъ счастливъ и весело смотрѣлъ на свѣтъ Божій. Теперь у него явились другіе интересы, но они отвлекаютъ его отъ самыхъ необходимыхъ занятій. Единственное, что дали европейцы эскимосамъ, — это христіанство. Его распространеніе шло очень успѣшно, но, къ сожалѣнію, миссіонеры слишкомъ мало сдѣлали для религіозно-нравственнаго развитія народа. Всевозможныя суевѣрія и до сихъ поръ затемняютъ его разсудокъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что для спасенія эскимосовъ отъ вѣрной гибели существуетъ одно средство: европейцы должны снова покинуть ихъ страну и предоставить имъ возможность вести прежній образъ жизни, который гораздо цѣлесообразнѣе при существующихъ климатическихъ и иныхъ условіяхъ. Въ прежнія времена Гренландія являлась источникомъ дохода для датскаго королевства, но это время прошло. Теперь на колоніи затрачиваются большія суммы денегъ, и едва ли Данія согласится долго выносить такой добровольный налогъ. Не лучше ли во-время уѣхать отсюда, пока въ народѣ еще сохранилось достаточно силъ, чтобы снова воспрянуть и выполнять ту задачу, для которой они предназначены самой природой, т. е. занимать самые крайніе посты на далекомъ сѣверѣ, гдѣ не можетъ существовать никакой другой народъ. Неужели Гренландіи суждено сдѣлаться совершенно необитаемой страной? Лишь крики чаекъ будутъ тогда нарушать мертвую тишину; солнце будетъ вставать и заходить, и освѣщать своими лучами страну, гдѣ не будетъ ни одной человѣческой души. Только изрѣдка какое-нибудь судно будетъ останавливаться у безлюдныхъ береговъ. Въ длинныя зимнія ночи сѣверное сіяніе

зальетъ небо отъ края до края, но некому будетъ полюбоваться на эту красоту; некому будетъ повторять сказанія старины глубокой, собравшись дружной тѣсной семьей. Погибнетъ добрый, честный, мужественный народъ, который, лицомъ къ лицу съ суровой природой, сумѣлъ обезпечить себѣ существованіе и независимый трудъ. Читатель, вѣроятно, согласится со мною, что нельзя искренно не пожалѣть о его судьбѣ и не пожелать ему возродиться для той полезной работы, для которой онъ былъ призванъ.

Изданія Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ.

„БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“.

Изящныя иллюстрированныя книжки въ цвѣтныхъ обложкахъ.

№ 70. Ульяновъ, А. Въ ученьи. Разсказъ. Изданіе 2-ое.—6 к.
№ 71. Его-же. Въ акробаты. Разсказъ.—6 к.
*** **№ 72. Андерсенъ.** Избранныя сказки. Книга I.—Царевна на горошинѣ.—Новое платье короля.—Дикіе лебеди.—Маргаритка.—Гречиха.—Лизочка съ пальчикъ. Съ рисунками.—20 к.
*** **№ 73. Андерсенъ.** Избранныя сказки. Книга II. — Соловей. — Гадкій утенокъ. — Елочка. — Мать. — Дѣвочка со спичками. Съ рисунками.—20 к.
*** **№ 74. Топеліусъ.** Избранныя сказки. Книжка I. — Жемчужина Адальмины. — Милосердый—богатъ.—Чти отца твоего и матерь твою.—Береза и звѣздочка. — Малиновый червякъ. — Даръ морского царя. Съ рисунками.—20 к.
*** **№ 75. Топеліусъ.** Избранныя сказки. Книжка II. — Царевна-Златолипка. — Сампо - Лапченокъ. — Мирза и Мирьямъ. Съ рисунками.—20 к.
*** **№ 76. Гансъ Онрудъ.** Малыши. Переводъ Благовѣщенской. Съ 9 рисунками.—30 к.
*** **№ 77. Ч. Робертсъ.** Разсказы. Книжка I. Содержаніе: На „Великой водяной пустоши“.—Покинутая на необитаемомъ островѣ.—Черное болото.—Въ подземныхъ туннеляхъ.—Тигръ морей.—30 к.
*** **№ 78. Ч. Робертсъ.** Разсказы. Книжка II. Содержаніе: Воръ.—Лѣсной обжора.—Въ осадѣ.—Воздухоплаватели на верхушкахъ деревьевъ.—Зонни и Кидъ.—30 к.

Серія „РОДНЫЕ ПОЭТЫ“.

Иллюстр. художн. М. Билибиной, Чемберсъ, Пановымъ и др.
*** **№ 80.** Стихотворенія **А. Пушкина.**—20 к.
*** **№ 81.** Стихотворенія **М. Лермонтова.**—20 к.
*** **№ 82.** Стихотворенія **А. Толстого, А. Жемчужникова, А. Майкова.**—20 к.
*** **№ 83.** Стихотворенія **В. Жуковскаго.** Книжка I.—20 к.
*** **№ 84.** Стихотворенія **В. Жуковскаго.** Книжка II.—20 к.
№ 85. Стихотворенія **Некрасова, Никитина** и **Сурикова.**—20 к.
№ 86. Стихотворенія **Козлова, Языкова** и **Баратынскаго.**—20 к.
№ 87. Стихотворенія **Фруга, Надсона** и **Мережковскаго.**—20 к.
№ 88. Стихотворенія **Апухтина, Тютчева** и **А. Голенищева - Кутузова.**—20 к.

Полный каталогъ „Библіотеки нашихъ дѣтей“ высылается Т-вомъ О. Н. Поповой—Спб., Гороховая, 51—безплатно.

Книги, отмѣченныя тремя звѣздочками, допущены Уч. Ком. М. Н. П. въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ТОВАРИЩЕСТВО О. Н. ПОПОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ УЛИЦА, № 51.

М. МОРАВСКАЯ.

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

СТИХИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ 37-ю рисунками и обложкой въ 3-хъ краскахъ художника *С. Чехонина.*

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Отзывы печати:

Подлиннаго поэта вижу я въ М. Моравской . . . У нея въ поэзіи—свой голосъ, свое лицо, своя манера . . . Милыя дѣтскія стихотворенія.

Ивановъ-Разумникъ. *«Завѣты», № 10, 1913 г.*

Особенно радостно привѣтствовать тѣ рѣдкія книги, которыя даютъ дѣтямъ возможность испить изъ чистаго родника истинной поэзіи и доставляютъ имъ минуты не только развлеченія, но и художественнаго наслажденія.

Среди этихъ рѣдкихъ книгъ займетъ свое мѣсто и сборникъ стиховъ для дѣтей М. Моравской „Апельсинныя корки".

Н. Александровичъ. *«День», № 341, 1913 г.*

Хорошая дѣтская книга—явленіе очень рѣдкое. Хорошіе дѣтскіе стихи—явленіе почти исключительное. Стихи Моравской, несомнѣнно, принадлежатъ къ такимъ радостнымъ исключеніямъ.

«Русская Мысль», № 2, 1914 г.

М. МОРАВСКАЯ.

ЦВѢТЫ ВЪ ПОДВАЛѢ.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ 18-ю рисунками и обложкой въ 2-хъ краскахъ художника *В. Фалилеева.*

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

—— Высылаются съ наложеннымъ платежомъ. ——

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Библіотека для семьи и школы.

К. Носиловъ.

За полярнымъ кругомъ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе редакціи журнала „ЮНАЯ РОССІЯ“.
Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.
1912.

86-81 Б.
II
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

ВОЛКОДАВЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Когда я учился еще въ духовномъ училищѣ и пріѣзжалъ на каникулы къ дядѣ своему, въ село Никитино, я неизмѣнно встрѣчалъ тамъ одного деревенскаго мальчика по имени Федя.

Этотъ Федя былъ сверстникомъ моего двоюроднаго брата

Саши и, вѣроятно, поэтому вѣчно присутствовалъ то на дядиномъ дворѣ, то на дядиной кухнѣ. И мы, неизмѣнно видя его тамъ, такъ привыкли къ нему, что считали его такой же принадлежностью дядина двора и его гостепріимнаго дома, какъ работника Кузьму, стряпку Авдотью и бойкаго коня Игренька.

Онъ вѣчно помогалъ Кузьмѣ во дворѣ, точно его неизмѣнный подручный, и, когда ему было слишкомъ ужъ холодно, являлся и также и въ кухню къ стряпкѣ Авдотьѣ, какъ будто бы былъ членомъ семьи. Явится, погрѣется около печки и садится въ передній уголъ пить чай или закусывать, или просто забирается скорѣе на теплыя полати.

По какой причинѣ былъ такъ привязанъ къ дядину двору этотъ деревенскій мальчикъ, я не могъ понять, и только догадывался, что его полюбили тутъ за услужливость, какъ онъ, можетъ быть, полюбилъ дядины вкусныя жирныя щи, Авдотьины блины и разныя шанежки и ватрушки.

А шанежки и ватрушки, такъ же, какъ и блины, Авдотья, дядина стряпка, пекла такія вкусныя, что онѣ и намъ съ братомъ очень нравились, и долго потомъ въ училищѣ вспоминались.

Нужно сказать, что Федя во время каникулъ привязывался и ко мнѣ и къ моему брату, постоянно стараясь быть возлѣ насъ. Онъ точно любовался нами, словно боготворилъ насъ, какъ уже старшихъ, не похожихъ на него, какъ поднявшихся куда-то ужъ надъ его жизнью, благодаря образованію и знанію латинскаго и греческаго языковъ, и точно изучалъ насъ своими наблюдательными карими глазками.

Эта привязанность его къ намъ даже трогала мою добрую тетушку, Татьяну Ивановну, которая иной разъ говорила намъ: „Вотъ другъ вашъ въ деревнѣ—такъ любитъ васъ, такъ любитъ, что просто покоя мнѣ не даетъ съ разспросами, скоро ли вы пріѣдете на каникулы“. И гордая этой маленькой, но вѣрной привязанностью къ своему сыну Сашѣ, видя пре-

восходство его надъ этимъ деревенскимъ мальчикомъ, она какъ будто украдкой даже при этомъ совала своему сыну сладкое въ ротъ и улыбалась.

Мы съ братомъ Сашей, начитавшись Робинзона, прозывали Федю Пятницей. Дядя мой, страшный шутникъ, вѣчно веселый и по наружности безпечный, по этому случаю даже не разъ и не два говорилъ: „Я вижу вашу Пятницу, но гдѣ же ваша Суббота?“ и раскатывался такимъ хохотомъ, что мы вторили ему, говоря, что Суббота, вѣроятно, будетъ Авдотья.

Она, дѣйствительно, походила на субботу: вѣчно какая-то суетливая, неряшливая, вѣчно какая то растрепанная, вѣчно съ потнымъ лицомъ и красными руками, какъ будто она прибираетъ все къ празднику и торопится, какъ обычно торопятся и хлопочутъ женщины передъ праздникомъ или воскресеньемъ.

Но характеристика нашего деревенскаго друга Феди была бы далеко не полна, если бы мы умолчали объ одной его страсти. Этотъ корявый, широкоплечій, плотный мальчикъ былъ страстный охотникъ до рыбы, птицы и звѣря. И когда мы были еще полны воспоминаній о нашемъ училищѣ и объ учителяхъ, о нашихъ школьныхъ проказахъ, изобрѣтательности въ которыхъ, казалось, и границъ не было, о латинскомъ и греческомъ языкахъ, слова которыхъ мы вставляли при каждомъ удобномъ случаѣ въ домашній разговоръ, къ удивленію и восторгу этого коряваго мальчика,—онъ вѣчно, кажется, только и могъ говорить о рыбѣ, птицѣ и звѣрѣ.

Это былъ какой-то дикарь съ каштановыми, всегда гладко приглаженными волосами, подстриженными въ скобочку, съ прямымъ бѣлымъ проборомъ на круглой гладкой головѣ, прямая противоположность нашей юной учености и нашему поведенію и вмѣстѣ съ тѣмъ растрепанности нашей шевелюры.

Со своими вѣчными разсказами о хорькахъ, горностаяхъ, рябчикахъ, водящихся на его гумнѣ, бѣлыхъ зайцахъ съ длинными ушами, онъ казался намъ точно какимъ-то помѣ-

шаннымъ; но, однако, стоило ему только заговорить о нихъ, чтобы мы забыли греческую и латинскую грамматики и цѣликомъ заинтересовались его разсказомъ.

— Это что!—восклицалъ онъ вдругъ среди нашего разговора и шутокъ. — Вотъ я вамъ скажу, какъ мы онамеднись ловили въ тропничокъ съ Гришкою и Ванькою большущаго зайца на гумнахъ!.. Заяцъ какой! Заяцъ какой,—страсть! И по немъ бѣлая такая „торточка“! (Онъ не выговаривалъ звукъ *ш*, замѣняя его чѣмъ-то въ родѣ *т*, что насъ всегда смѣшило до слезъ, а тетушка называла его за это „толстоязыкимъ“). И все этотъ большой заяцъ въ нашемъ гумнищѣ! Вотъ мы съ Гришкою и Ванькою и удумали его ловить. Чѣмъ словишь такого большущаго зайца, какъ не тропниками? Сдѣлали мы тропникъ и поставили его на слѣдъ, за прясломъ. Вотъ подкрались мы къ зайцу, да какъ ухнемъ на него... Онъ какъ скакнулъ, черезъ изгородь да прямо въ тропникъ, и ну съ нимъ по снѣгу бѣгать... Туда бросится, сюда бросится, катается въ немъ, какъ въ мѣшкѣ, а мы къ нему по сугробамъ, по сугробамъ... Повѣрите, приступиться страшно къ нему, какъ онъ это возится. Мы всѣ въ снѣгу, у меня духъ чуть не перенимаетъ, сердце выскочить хочетъ, никакъ не можемъ догнать его да и только! Только это Ванька изловчился и палъ на него, а онъ какъ заоретъ „у-а... у-а... у-ай... у-ай“... такъ мы даже отступились отъ страху. Какъ человѣкъ, какъ ребенокъ малый реветъ... перепугался Ванькиной шубы, вѣрно, думаетъ, что его волки давятъ. Такъ вѣдь и отступились мы отъ него, и онъ убѣжалъ въ лѣсъ. Только же и зайчище былъ! Сроду я такихъ не видывалъ! И вѣдь что!— заключаетъ свой разсказъ Федя:—съ тѣхъ поръ онъ хоть бы на одно гумно, даже и про овесъ нашъ забылъ, не только про пшеницу!

А какъ начнетъ онъ, бывало, разсказывать про рябчиковъ, какъ онъ ловитъ ихъ въ томъ же гумнѣ, когда они повадятся прилетать туда за кормомъ раннимъ-раннимъ

утромъ; какъ онъ станетъ разсказывать намъ про хорьковъ, горностаевъ да колонковъ, которыхъ мы еще и въ глаза-то не видѣли иначе, какъ только въ своихъ учебникахъ; какъ онъ начнетъ описывать повадки ихъ, прыжки, мордочки любопытныя, лапочки съ ихъ замысловатыми слѣдами на снѣгу, то намъ казалось, что видимъ все это мы такъ явно и наглядно разсказанное и даже голоса этихъ птичекъ и звѣрюшекъ слышимъ.

Онъ прекрасно умѣлъ подражать имъ своимъ голосомъ, и такой былъ чудакъ при этомъ, что даже на корточки становился, измѣнялъ какъ-то лицо свое, приставлялъ руки въ видѣ ушей и пресмѣшно поводилъ ими. А когда онъ начиналъ представлять намъ бѣлаго зайца, какъ онъ выгибаетъ свою гладкую спину, какъ опускаетъ и поворачиваетъ свою глупую голову, какъ таращитъ глаза, даже не видя еще человѣка, довѣряя, кажется, больше своимъ длиннымъ ушамъ, чѣмъ зрѣнію, какъ потѣшно привстаетъ на дыбы, то даже наша стряпка Авдотья покатывалась отъ хохота, добавляя въ видѣ похвалы по адресу разсказчика! „Да будетъ тебѣ... вѣдь я брюхо свое надсадила отъ хохота, грѣховодникъ ты этатакой!“ но не спуская, однако, восхищенныхъ глазъ съ этого грѣховодника, представляющаго намъ на кухнѣ зайца.

Когда онъ не могъ намъ объяснить мудрости какой-нибудь ловушечки, онъ даже притаскивалъ изъ дома къ намъ въ кухню свои силочки и западенки и съ восторгомъ, захлебываясь отъ удовольствія, разставлялъ ихъ на лавочкѣ между стѣнкой и жбаномъ. И мы съ большимъ интересомъ, чѣмъ какую-нибудь географическую карту, разглядывали его любимыя ловушечки, представляя себѣ всю картину ловли звѣря.

Однажды мы съ нимъ даже опрокинули при этомъ жбанъ и пролили квасъ на полъ. Я думалъ уже, что Авдотья, строго слѣдящая за чистотой своей кухонки, страшно за это разсердится, но, къ удивленію моему, она только ахнула при

этой оказіи и постаралась поскорѣй, до прихода въ избу тетушки, вытереть полъ, только шутя пригрозивъ нашему охотнику своимъ громаднымъ кулачищемъ.

Эти уроки естествознанія обыкновенно происходили на кухнѣ. Но иногда ими увлекался даже дядюшка, и тогда Федю проводили въ комнаты, гдѣ онъ, однако, въ присутствіи дядюшки, какъ-то не такъ представлялъ намъ своихъ звѣрковъ и птицъ, какъ это дѣлалъ при обыкновенной своей аудиторіи.

Это были самые веселые святочные вечера, и мы предпочитали ихъ даже ряженью, такъ умѣло увлекалъ насъ къ природѣ этотъ Федя съ каштановыми, гладко причесанными, плотными волосами.

Но уѣзжали мы изъ Никитина; и все это пропадало отъ насъ, словно снова завѣшанное греческой грамматикой и латинскимъ языкомъ, съ скучными спряженіями и противной долбежкой. И эти разсказы Феди, котораго мы прозвали Хорькомъ, долго еще стояли передъ глазами моими вмѣсто греческой грамматики, и я думалъ тогда, что лучше бы я родился не поповичемъ, а просто вотъ этакимъ маленькимъ деревенскимъ Федей.

Я, помню, даже мечталъ завести себѣ тропники и силочки и ловить на каникулахъ, у своего отца, разнаго звѣря и птицу. Но эта мечта не заходила, однако, дальше мечтаній, и я, пріѣзжая домой, обыкновенно скучалъ, не имѣя этой забавы, хотя меня страшно влекло въ лѣсъ, на рѣку, ближе къ вѣчно юной, чистой и очаровательной природѣ, и вѣчно тянуло изъ дома на просторъ полей. Тамъ все приводило меня въ восторгъ: кустикъ калины съ бѣлыми цвѣточками, поникнувшій надъ тихимъ ручьемъ, красная рябина, бѣлая береза, словно окутанная на морозѣ въ ажурное серебро, поникшія вѣтви пушистой, вѣчно зеленой сосны, покачивающіеся отъ вѣтра легкіе стебельки камыша, скачущіе по дорогѣ красногрудые снѣгири. Боже, казалось, сколько преле-

сти создано на этомъ свѣтѣ для человѣка, но онъ не видитъ этого изъ-за греческой грамматики, изъ-за разной нужды не можетъ, кажется, ни минуты въ своей жизни быть свободнымъ и счастливымъ человѣкомъ...

Но проходили эти воспоминанія о никитинскомъ мальчикѣ, во мнѣ угасали охотничьи порывы, и я забывалъ обо всемъ этомъ, какъ забывается въ нашей обыденной жизни многое милое и чистое, трогающее наше юное сердце.

* * *

Такъ позабылъ я потомъ и этого гладковолосаго мальчика съ карими любопытными глазками, который когда-то пробуждалъ во мнѣ страсть къ природѣ.

Какъ вдругъ, на-дняхъ мнѣ докладываютъ, что къ намъ на кухню явился какой-то мужичокъ и проситъ позволенія повидаться со мною.

— Да кто такой?—спрашиваю я горничную Дашу.

— Да не знаю! Говоритъ, что онъ вашъ сверстникъ, вашъ другъ дѣтства... Такой большущій мужикъ, въ какой-то курточкѣ и съ сумкой на плечахъ. Говоритъ, что пришелъ къ вамъ пѣшкомъ, только чтобы повидаться...

Я заинтересовался этимъ другомъ дѣтства, полагая, что это кто-нибудь изъ села, съ родины, и не заставилъ долго себя ждать и, въ чемъ былъ одѣтъ, въ халатѣ и туфляхъ, вышелъ къ нему скорѣе на кухню.

Смотрю, какой-то совсѣмъ незнакомый, здоровый, плотный мужикъ, въ сермяжкѣ, съ окладистой темнорусою бородою, съ корявымъ толстымъ лицомъ, приглаженными волосами, и съ такими ручищами, какъ будто онъ плотникъ. Здороваюсь. Онъ смотритъ на меня, тоже словно изучая меня, и говоритъ:

— Не узнали меня? Гдѣ узнать! Вотъ какимъ еще знали

меня!—отмѣрилъ онъ на аршинъ отъ пола:—а теперь вотъ какой выросъ медвѣдище, волосами весь заросъ... Да и васъ не узнать теперь, какой вы стали!

— Да откуда вы?—спрашиваю я, держа въ рукѣ его широкую крѣпкую руку и чувствуя, что что-то знакомое просвѣчиваетъ мнѣ въ его широкомъ корявомъ лицѣ, словно пробиваясь сквозь его окладистую бороду... улыбку.

— Неужели вы забыли меня?—томитъ онъ меня, ласково, съ укоромъ продолжая:—помните, какъ въ Никитиной, у вашего дядюшки и тетушки, мы видѣлись на Рождествѣ, помните, какъ вы собакой лаяли на насъ съ Сашенькой?.. Страсть я тогда боялся, какъ вы залаете, такъ вдругъ сердце и упадетъ!.. Ловко вы лаяли собакой...

— Да не Федя ли?—спрашиваю я его, вдругъ, словно все это увидѣвъ.

— Онъ самый и есть! Едва-едва узнали стараго пріятеля! А какъ дружны мы были! Помните, какъ наряжалъ я васъ на святкахъ волкомъ? Шкуру волчью досталъ вамъ, голову вамъ придѣлалъ съ такой громадною бумажной пастью? Тетушка, какъ увидѣла васъ, такъ даже затряслась отъ страха...

Я въ этотъ моментъ припомнилъ все, давно уже забытое и обнялъ громаднаго Федю и потащилъ его въ свои комнаты, чтобы лучше разглядѣть его. Усаживаю его, сажусь поближе, въ покойное кресло-качалку, и начинаю разглядывать его, находя въ немъ все старое, только страшно обросшее теперь бородою: тѣ же каріе любопытные, увѣренные глаза, тѣ же каштановые волосы, гладко приглаженные рукою и мелкимъ гребнемъ, тѣ же руки съ широкими сильными кулачками, только выросшія и развитыя, видимо, отъ тяжелой крестьянской работы, то же простодушное выраженіе лица, наивное и милое, только погрубѣвшее, та же, наконецъ, душа довѣрчивая, чуткая, внимательная, добрая, готовая открыться при встрѣчѣ первому человѣку...

А онъ, Федя, мой старый пріятель дѣтства, смотритъ на меня и тоже припоминаетъ меня, разглядывая мои черты.

— Что ты дѣлаешь, — спрашиваю его, — въ Никитинѣ? Крестьянствуешь?

— Какъ же!— отвѣчаетъ Федя:— крестьянствую, пашу, хлѣбъ добываю, давно уже женатъ, ребятишки уже большенькіе; одного сына нынѣ уже въ солдатчину вырастилъ, царю отечеству на услугу... только какъ былъ я маленькимъ Федею-рыболовомъ и охотникомъ до птицы и звѣря разнаго, такъ и теперь остался...

— Охотникъ?—спрашиваю я его съ извѣстной только однимъ охотникамъ радостью.

— Ну, хоть не совсѣмъ правильный охотникъ, а такъ, промышленникъ за звѣремъ и птицей!.. Лѣтомъ съ сѣтями и неводомъ за рыбою, а какъ осень, съ самаго Артемія,—на Бѣлоножкѣ въ полѣ. Капканами красную лисичку промышляю, силочками рябчика, чей только слѣдъ не увижу на снѣгу... все моя добыча.

— Однако, — говорю, — ты заправскій промышленникъ, охотникъ!..

— Зовутъ,—гордо замѣтилъ Федя,—заправскимъ охотникомъ! Спроси хоть кого въ нашихъ зарѣчныхъ волостяхъ, всякій тебѣ скажетъ, что знаетъ меня за охотника, а другой не иначе назоветъ, какъ „волкодавомъ“.

— Волкодавомъ?—говорю.

— Такъ „волкодавомъ“ меня и зовутъ, потому что я достаточно волковъ промышляю каждую зиму; такъ промышляю, что волки, пожалуй, уже перевелись у насъ: приходится за ними верстъ за тридцать ѣздить...

— Какъ же ты ихъ промышляешь?—спрашиваю я, заинтересованный, что мой другъ дѣтства дошелъ даже до волчьей охоты.

— Всѣмъ, чѣмъ придется, промышляю: жеребьемъ изъ своей

пищали-ружья, капканомъ на падали, даже отравой, даже руками...

— Какъ руками? Да вѣдь волкъ тебя съѣстъ, если ты его руками будешь давить?

— Ничего не съѣстъ! Бывало не разъ, и руками давливалъ... Не одного, а цѣлыхъ пару... На все надо только смѣлость и сноровку.

Я уже заподозрѣлъ моего стараго друга дѣтства, что онъ вретъ, какъ часто врутъ про себя охотники. Но онъ разсказалъ мнѣ два случая, и я увидѣлъ, что его дѣйствительно можно назвать „волкодавомъ".

II.

— Было, это, чтобы сказать тебѣ не соврать, лѣтъ уже около восьми тому назадъ!—началъ свой разсказъ про волковъ Федоръ Никитичъ. Зима тогда у насъ была какая-то необыкновенная! Еще въ сентябрѣ, съ ранней-ранней осени понесло снѣгомъ, и столько снѣговъ этихъ выпало, столько снѣгу навалилось, что страсть! Почитай, что отроду, старики сказываютъ, не бывало. Нашу Никитину такъ тогда занесло съ горы, отъ поля, что и не видать ея крышъ соломенныхъ! Ѣдешь, когда зимой съ поля или изъ лѣса, и, кажется, что дымъ не изъ трубъ идетъ, а прямо изъ снѣга. Вотъ, какая была снѣжная зимушка, что Никитину и за жительство можно было принять развѣ только по церкви да по поповскому дому еще подъ желѣзною крышею, только ихъ въ деревнѣ не заносило! Такъ все занесло, что по улицѣ пробраться въ иную пору было трудно. Такъ и ѣздили: отъ Гришкиныхъ оконъ къ Федькинымъ воротамъ, у которыхъ снѣгъ выметало сильными вѣтрами, а середи улицы словно тебѣ катушки были. Такъ

отъ одного дома къ другому, отъ стѣны до стѣны и ѣздили, а гдѣ надо подняться на сугробъ, такъ народомъ помогали возу подняться. А то, какъ ѣдетъ кто на саняхъ, какъ упрется вдругъ въ какой-нибудь домъ, такъ оттуда всѣ ребятишки къ тебѣ повылѣзутъ, чтобы не столкнули куда ихъ домишко. А въ поле хоть не ѣзди совсѣмъ! Артелью отправлялись, а то, какъ застрянешь въ другомъ сугробѣ, такъ хоть откапывайся: лежитъ твоя лошаденка, и ни съ мѣста! Такъ артелями и ѣздили за дровами въ лѣсъ, въ поле.

Ну и волковъ въ ту зиму было! Я отроду столько не видѣлъ и не слыхивалъ! Повѣришь, каждую ночь выли на задворкахъ! Бабы, ребятишки носа не смѣли высунуть на улицу, не только ночью, а даже подъ вечеръ.

Свиней это, собакъ сколько придавили проклятые, страсть! Свинья, какъ только вырвется со двора, побѣжитъ къ проруби, такъ такъ и знай, что ее не отыщешь!

Или опять же собаки, хоть ты ихъ въ избу впускай, особенно къ ночи: прямо селомъ волки бѣгали ночью темною, и только это собачонка какая тявкнетъ во дворѣ, высунется въ свою подворотню, выскочитъ за дворъ, только слышно, какъ визгнула раза два, и ея какъ не бывало.

Вотъ какая зима была! Звѣрь прямо шелъ на человѣка, потому ему негдѣ было достать даже падали. Чуть даже нашего дьякона волки не съѣли.

— Какъ дьякона?—спрашиваю я.

— Да ѣдетъ онъ изъ нашей деревни Притыкиной, за сборами осенними туда ѣздилъ, и въ мѣшкѣ у него пѣтухи были, порядочно ихъ ему надавали.

Чѣмъ духовенство питается?

Извѣстное дѣло, сборами. А что дастъ мужикъ, кромѣ того, что у него есть лишняго на дворѣ? Вотъ пѣтуховъ по осени и даютъ прихожане.

Вотъ насбиралъ о. дьяконъ деревенскихъ пѣтушковъ, ѣдетъ онъ съ работникомъ, ужъ подъѣзжаетъ къ Тюнькиной

рощѣ, какъ вдругъ волки! Считаетъ, одинъ, считаетъ, другой, а со стороны выбѣгаетъ на дорогу третій, четвертый.

Онъ хвать по лошади! Гони!

Гонитъ, а волки за нимъ цѣлой стаей, гонитъ, а волки за нимъ! Ужъ стали догонять его! Вотъ видитъ, уже близко гонятся. Вотъ слышитъ, уже харчитъ у самаго задка его кошевки... Вотъ видитъ, уже одинъ заскакиваетъ впередъ, чтобы броситься на лошадь. А лошадь несетъ, лошадь несетъ такъ, что хвостъ ее даже развивается по вѣтру.

Въ другое время давно бы дьяконъ вылетѣлъ, да въ ту зиму, я сказывалъ, снѣгъ былъ толстый и вывалиться было двоимъ рѣшительно невозможно.

Видитъ дьяконъ, что бѣда: съѣдятъ его вмѣстѣ съ пѣтухами волки, и кричитъ работнику: „Бросай мѣшокъ съ пѣтухами, Федоръ!“

А Федоръ что? Что приказано, то и нужно дѣлать. У самого, навѣрное, зубъ съ зубомъ не сходятся. Взялъ мѣшокъ съ пѣтушками и выбросилъ его за кошевку, даже не развязавши. Только, какъ начали волки мѣшокъ этотъ рвать зубищами, пѣтухи въ разныя стороны и полетѣли! „Ко-ко-ко-ко!“ „ка-ка-ка-ка!“ только и слышно стало, а другой еще заверещитъ, вѣрно, въ зубахъ уже: „Куракура-кураа-а-а!“ Даже страшно было слышать.

Только это пѣтушишки полетѣли въ лѣсъ, волки бросили дьякона и за ними. Тѣмъ только и спасся, этими пѣтухами, нашъ дьяконъ, а то бы дьякона нашего не бывало: разорвали бы его въ клочки, и Федора, его работника, и его Савраску! Страсть въ ту зиму волки были отчаянные, такъ на людей, только и слышно, нападаютъ. А словить ихъ нѣтъ никакой возможности. Капканъ поставишь, завтра его занесетъ снѣгомъ такъ, что не отыщешь, а ходить съ ружьемъ на лыжахъ по снѣгу тяжело и несподручно.

Ну, вотъ, лежимъ мы съ бабою разъ ночью зимою этою, я—на печкѣ подъ шубенкою, а она—съ ребятишками на

полатяхъ подъ окутками, и только, слышу, меня баба будитъ.

„Вставай,—говоритъ,—мужикъ, у насъ овечки бѣгаютъ по двору, вѣрно, вырвались изъ своей хлѣвушки!“

— „Что ты?“ говорю.—„Бѣгаютъ, говоритъ, и ревутъ!“

— „Неужели ревутъ?“

Слѣзаю я съ печи.

— „Да что ты!—говоритъ,—оглохъ, что ли: что есть мочи ревутъ и бѣгаютъ по оградѣ“!

А въ ту пору у меня, дѣйствительно, уши заложило: ѣздилъ я въ лѣсъ, и въ уши надуло.

Бросился я къ окошечку, а, дѣйствительно, въ оградѣ только топотокъ стоитъ: все стадо наше овецъ бѣгаетъ и ножками своими топочетъ.

— „Добывай, кричу бабѣ,—скорѣе огня: у насъ что-то неладно!“

Выхватилъ я у ней лучину зажженную и выскочилъ на крылечко. А на дворѣ—волкъ! Матерый такой волчище и бѣгаетъ, чтобъ ему пусто было, за нашими овцами, а овцы отъ него, овцы отъ него по всей нашей оградѣ.

И которую хватитъ только зубищами, та и лежитъ, только ножками дрыгаетъ. Извѣстно, какія овцы пугливыя: другая отъ страху умираетъ! А другая еще, старшая, бѣгаетъ, бѣгаетъ, да еще подбѣжитъ къ нему, станетъ и ножкою топнетъ: думаетъ, что онъ испугается. Онъ ее въ первую голову, смотришь, и растянетъ подъ навѣсомъ.

Сунулъ я лучину бабѣ своей, да какъ былъ, такъ въ рубахѣ одной, на босую даже ногу, и бросился въ ограду, прямо къ волку. Извѣстное дѣло, овецъ своихъ жаль! Всѣхъ, пожалуй, такъ придавитъ, чтобъ ему пусто было, этому волчищу!

И только это онъ хватилъ овцу одну, только онъ придавилъ ее, я его за ухо. Онъ, было, на меня съ другой стороны зубищами. А я его за другое. Ну, схватилъ за уши, надо,

чтобы онъ не вырвался и не бросился мнѣ на горло. Да нѣтъ! у меня не скоро вырвешься: какъ ухватился я за уши, не будь дуракъ, живо ногу черезъ него и сѣлъ ему кабы въ сѣдлѣ на спину. Ну, усѣлся на него, волкъ мой! Онъ меня возитъ, я на немъ сижу, только ногами отпихиваюсь. Онъ меня кружитъ, я на немъ разгуливаю. Некуда ему податься! Харчитъ только подо мною и языкъ высунулъ.

Ѣду это мимо крыльца, а баба моя съ лучиною словно вотъ окаменѣла: стоитъ съ лучиною, лучина горитъ, а она, чтобъ ей пусто было, хоть бы съ мѣста! „Давай топоръ!“— кричу я ей, а у ней лучина только въ рукахъ заходила. „Давай скорѣе! Съѣстъ меня!“—кричу ей.

Куда! совсѣмъ баба моя обезумѣла увидѣвши меня на волкѣ: бросила лучину на дворъ и сама улепетнула въ избу.

Я съ волкомъ одинъ въ темнотѣ остался. А овцы блеютъ, овцы блеютъ и бѣгаютъ и тутъ же мѣшаются отъ страха. Набѣжитъ на тебя дурища, шарахнется, едва усидишь на волкѣ. А долго ли до грѣха? вдругъ справится! Онъ тебя живого не спуститъ со спины.

Что дѣлать? Бабы нѣтъ, слышно, заперлась въ избѣ, даже отъ мужа, а подъ ноги пока хоть бы полѣно какое ни на есть попалось!

Ну, ѣздилъ я по двору, ѣздилъ на волкѣ этомъ, и пріѣхали мы съ волкомъ подъ навѣсъ, гдѣ стояли телѣги.

Онъ подъ телѣгу, а я его ворочу въ сторону. Онъ подъ другую, а я его къ стѣнѣ. Къ стѣнѣ и прижалъ его, наконецъ, между телѣгами. Тутъ только и остановились.

Слышу, волкъ мой даже хрипитъ, уходился отъ наѣздника. Ну, и наѣздникъ тоже едва дышитъ!

Повѣришь, морозъ на дворѣ, а у меня рубаха мокра! Пріѣхали мы туда, остановились, чтобы передохнуть минутку, и думаемъ: волкъ думаетъ, какъ бы меня съѣсть, а я думаю, какъ волка придушить руками. Только нѣтъ, руками не задушить его, проклятаго: больно ужъ матерый попался.

Сталъ я шарить ногой и ушарилъ короткій обломокъ жердины. Вотъ я его къ себѣ одною ногою, а волкъ слушаетъ. Вотъ я жердь къ себѣ ногою лѣвою, а онъ прислушивается. Только я изловчился, схватилъ одною рукою жердину, а онъ меня цапъ зубами за руку! Осердился я, да давай его лупить жердью, давай его долбить по головѣ, что есть мочи!

„А, ты кусаться еще? А, ты кусаться еще! Вотъ тебѣ за овецъ! Вотъ тебѣ за меня!“ Онъ и захрапѣлъ подо мной и сѣлъ на заднія лапы. Тутъ я его и докончилъ.

Забѣгаю на лѣстницу, а изба на запорѣ. Какъ застучалъ я рукою въ дверь, такъ баба не помнитъ, какъ съ печи свалилась.

Отперла дверь. Стоитъ передо мной и словно глазамъ своимъ не вѣритъ: живъ я, или такъ явился мертвый?

Хотѣлъ я крикнуть на нее, да только ребятъ стало жалко, чтобы не разбудить ихъ на полатяхъ. Добыли мы огня. Притащилъ я волка свѣжевать въ избу, даже ребятишки отъ страху за печь попрятались, вотъ какой матерый волчище! Четыре овцы исхваталъ, такъ и околѣли, бѣдныя! Только шкуры намъ и достались.

Ну и волчья шкура была добра: на утро вся деревня, весь околотокъ прибѣгали любоваться. Ребятъ это набралось страсть, двери весь день не запирались, избу всю выстудили!

Прохору Ивановичу шкуру продалъ и тотъ не забраковалъ: полтинникъ лишній наложилъ. За семь рублей продалъ шкуру-то. Хоть овцы и дороже стоили, все же наше не пропадай...

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА им. В. А. Добролюбова

III.

— А вотъ,—началъ онъ опять,—что было со мной въ третьемъ годѣ!

Надо было мнѣ муки смолоть на мельницѣ у мельника нашего Ивана Александровича. Ну, нѣтъ муки. Нагребъ это я два мѣшка и отправился на Бѣлоножкѣ своемъ на мельницу.

А Иванъ Александровичъ, мельникъ нашъ, словно только и ждалъ меня.

„Пойдемъ,—говоритъ,—волкодавъ, я покажу тебѣ ружьецо. Недавно выигралъ въ лотерею у купца одного. Престрашеннѣйшій онъ охотникъ, только не сталъ что-то нынѣ охотиться: дѣла, что ли, плохи стали, разыгралъ въ лотерѣю ружье; оно мнѣ и досталось за рублевку“.

Пошелъ я съ нимъ въ комнаты; дѣйствительно, ружье съ виду хоть куда, а какъ бьетъ, не знаю.

Я и говорю ему: „хоть и хорошее ружье, а противъ моей пищали не бывать ему, потому что у меня пищаль цѣлую горсть несетъ пороху, а это патрончикъ!“

Заспорили, и на дворъ. Я стрѣлю, онъ выстрѣлитъ. Я бухну изъ своего такъ, что въ деревнѣ за рѣкою отдается, онъ выстрѣлитъ. Только у меня выстрѣлъ въ цѣль приноситъ горсть, а у него всего двѣ-три дробинки!

Много бы мы извели тогда пороху и свинца, если бы только мнѣ было досужно съ нимъ спорить. И говорю я ему: „Ну, быть по твоему, твое ружье дороже, а только ты постарайся, смели мнѣ два мѣшка, а я съѣзжу той порой на капканы“.

Капканы съ привадою у меня стояли съ версту отъ мельницы и снѣгомъ ихъ уже занесло, почитай, что въ колѣно.

„Ладно,—говоритъ,—смелемъ!“

Сѣлъ я на Бѣлоножка своего и маршъ къ рощѣ. Салазки у меня для этого славныя: копылья высочайшія и сбоку пищаль и топоръ, какъ слѣдуетъ все, чтобы быть на охотѣ.

Только подъѣзжаю я къ рощицѣ, а капкана моего нѣтъ! Нѣтъ, и какъ будто его даже не бывало! И гдѣ капканъ,—неизвѣстно, потому что снѣгу выпало чуть не въ колѣно.

Однако, я разгребъ снѣгу тутъ, разгребъ его въ другомъ

мѣстѣ,—вижу, слѣдъ съ капканомъ по снѣгу направился въ сторону Васькина болота. Ну, направился туда,—я и безъ слѣда знаю, куда волкъ ушелъ: мнѣ волчьи привычки хорошо извѣстны, какъ всякаго звѣря. Извѣстно дѣло, что лисица одними мѣстами любитъ ходить, а волкъ или, тамъ, горностай—другими. Ты хоть завяжи мнѣ глаза, такъ я скажу, куда волкъ съ капканомъ пойдетъ и куда направляется наша лисица!

Такъ и есть: по болоту прошелъ и на пригорокъ, къ избушкѣ вышелъ. Тутъ я, было, слѣдъ потерялъ, да помогли сугробы. На сугробахъ снѣгъ посдуло ночью немного,—гдѣ чиркнуло капканомъ, гдѣ обозначилась волчья пята на снѣгу. Смотрю, волкъ отъ избушки поворотилъ къ Дальнему. Дальнимъ у насъ казенный лѣсъ называется.

Только поѣхалъ я туда на Бѣлоножкѣ своемъ, а волкъ не дошелъ до Дальняго,—вѣрно, кто помѣшалъ ему,—и своротилъ вдругъ на Горѣлое.

„Ну, думаю,—плохо, что онъ къ Горѣлому ушелъ: тамъ пеньки, чаща страшная, волкъ уйдетъ отъ меня, не найти мнѣ слѣда“...

Только и на Горѣломъ онъ не ушелъ отъ меня: нѣтъ-нѣтъ, да и осталась маленькая замѣтка,—то скушено у того деревца, гдѣ задѣвалъ капканъ, то содрана съ мелкаго осинника кора и листочки...

Поставилъ я Бѣлоножка у Горѣлаго, далъ ему сѣнца, взялъ пищаль и айда за волкомъ по слѣду!—Думаю: „далеко Горѣлымъ не пойдешь,—умаешься, гдѣ-нибудь да сядешь за хворостину!“ А хворосту, валежника въ Горѣломъ страсть! Не только волку съ капканомъ, даже и мнѣ налегкѣ было до поту!

Ну, иду я по слѣду, разглядываю. Тамъ вѣточка скушена, тутъ за хворостинку задѣлъ,—своротилъ ее, тутъ съ деревца маленькаго обронилъ снѣгъ, что намело шапкою...

По всѣмъ примѣтамъ, волкъ прямо все идетъ: знаю,

что пробирается къ болотистому мѣстечку одному, въ этомъ Горѣломъ. Иду я, а все слѣжу и слѣжу звѣря.

Прошелъ уже осиновый лѣсъ, большущій такой, гдѣ огнищемъ не хватило, какъ вдругъ что-то меня ровно толкнуло сзади.

Обернулся,—а подъ осиновымъ столбомъ прижался къ нему мой пріятель съ капканомъ! Прижался такъ и стоитъ, и смотритъ на меня... Не знаю: зацѣпился ли онъ капканомъ, или такъ усталъ,—только стоитъ, прижался къ стволу и думаетъ, что я его не замѣчу.

Я, не будь простъ, не показалъ ему глаза, потому что всякій звѣрь глазъ человѣка боится, обошелъ его да изъ-за дерева хвать ему прямо въ лобъ изъ пищали. Только по лѣсу раздалось!

Только я выстрѣлилъ, а онъ на меня! Всталъ на дыбы даже, проклятый, вмѣстѣ съ капканомъ. Вотъ-вотъ хватитъ за горло, такъ и норовитъ на меня всей своей тушей.

Вижу я, что обмѣтился; вижу, тутъ не досугъ заряжать ружье: волкъ уже передо мной, лѣзетъ на меня, только капканъ ему мѣшаетъ еще немножко, и я сунулъ ему въ ротъ стволину. Только зубы его защелкали по стволу пищали! Отпихиваюсь отъ него стволомъ, а онъ на меня по стволу этому добирается, и вотъ-вотъ, смотри, будетъ на шеѣ.

Я на него кричать,—онъ даже страху не знаетъ!

Что дѣлать?

Волчище здоровый такой, лапами уже за одеженку хватается, смотрю, уже развернулъ у меня зипунъ,—хвать я его стволомъ-то по носу, да самъ и полетѣлъ съ ногъ своихъ въ снѣгъ: промахнулся! А онъ, проклятый, ужъ на спинѣ и деретъ мой зипунишко!

Высвободился я изъ-подъ него, сбросилъ его со спины, хвать опять за пищаль,—а она—дугою.

Это я ею вмѣсто волка по стволу осиновому! Чтобъ-те треснуть, изломалъ пищаль-то!

А волкъ на меня, ужъ за руку мою схватился зубами проклятыми, а я его душу одною рукою, а другою норовлю, какъ пищаль половчѣе взять, чтобы ударъ пришелся посильнѣе.

И осердился я на волка этого, что пищаль изъ-за него испортилъ, да какъ хвачу его по носу ложемъ пищали,—только щепки въ носъ полетѣли! Смотрю, волкъ сѣлъ передо мной на заднія лапы, этакъ мотается. Хвать я его въ другорядь стволомъ уже однимъ,—онъ у меня и повалился на бокъ, ровно пьяный.

Ну, справился я съ волкомъ этимъ, а изъ руки кровь такъ и льетъ. И давай я скорѣе лѣчиться: то моху достану и прижму, то коры осиновой приложу, гдѣ зубами хвачено. Чуть-чуть унялъ-то я кровь, заговорилъ ее, и потащилъ волка Горѣлымъ. И пищаль захватилъ съ собою. А отъ пищали только одна кочерга осталась!

Вотъ тебѣ, думаю, нахвасталъ я при народѣ своей пищалью! Развѣ можно хвастаться да еще при народѣ? Мало ли какой народъ не съѣзжается къ нашей мельницѣ: у другого, можетъ, глазъ худой, а другой и слово знаетъ... Вотъ и дохвастался!

Пропало мое ружье, а сколько изъ него звѣря одного промышлено! Такъ жаль мнѣ ружья, что даже волка-то этого, кажется, истерзалъ бы всего,—до того мнѣ жалко ружья стало!

* * *

Ну, явился я это подъ вечеръ на мельницу, захожу за моими мѣшками, а Иванъ Александровичъ съ усмѣшкой: „А, волкокодавъ, Федоръ Никитичъ явился!—Ну, гдѣ твои волки, кого промыслилъ сегодня?—Мужики тоже обступили, всматриваются.

„Собаку какую-то одну добылъ въ капканищѣ; вѣрно, изъ деревни Медвѣжьей забѣжала на приманку,“ сказываю.

— „Какую собаку сѣрую?—говорятъ медвѣжинскіе мужики: у насъ ни одной собаки такой въ деревнѣ нѣту!“ Бросились смотрѣть, кого я привезъ, подбѣжали къ моимъ дровенькамъ, а тамъ волкъ и вмѣстѣ съ капканомъ!

Стали разсматривать, сталъ я имъ разсказывать, а они и говорятъ: „смотри, парень, у тебя капканъ-то изломанъ“.— „Какъ сломанъ? Цѣлъ!“—„Сломанъ, говорятъ,—сломанъ“.

Стали смотрѣть и, дѣйствительно, капканъ-то оказался сломанъ. Стали хорошенько при огнѣ разсматривать, а его пулей шаркнуло: въ волка-то я не попалъ пулею, а по капкану, и только чѣмъ-чѣмъ еще пружина его держится,—еще немного, такъ изломалась бы, и волкъ бы былъ у меня на шеѣ.

Только тутъ я понялъ, что Богъ меня спасъ! Не будь пружина цѣлая,—волкъ задавилъ бы меня у осины!

Вотъ оно, что значитъ при народѣ хвастаться! Чуть вѣдь не попалъ самъ къ волку въ зубы! Долго ли до грѣха?—закончилъ свой разсказъ Федя.

Мы долго сидѣли съ нимъ тѣмъ памятнымъ вечеромъ; онъ много разсказывалъ мнѣ про промыслы, охоту свою и про рыболовство, и я слушалъ и глядѣлъ на него, полный этой чарующей охотника жизнью.

Сколько жизни, красотъ природы видѣлъ этотъ мой сверстникъ, живя лицомъ къ лицу съ природой, въ то время, когда я изводился надъ мертвыми книгами! „Счастливъ ли онъ?“ думалъ я при этомъ, и, смотря на его простодушное корявое лицо, горящіе отъ одного воспоминанія глаза, слушая его ровную и складную рѣчь, завидовалъ его счастью.

Да, онъ счастливъ. Онъ видѣлъ многое въ то время, когда мы знаемъ только свои стѣны.

Какъ далеки мы отъ этой чарующей природы! Какъ далеки мы отъ своего истиннаго счастья!

МИШКА.

ИЗЪ ЖИЗНИ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

На Новой Землѣ у меня былъ такой кокъ, поваръ по нашему, что, вѣроятно, его еще и теперь тамъ вспоминаютъ самоѣды.

У него было и имя, и отечество, и фамилія: но его звали тамъ всѣ по просту—Мишкой.

Не знаю, кто направилъ ко мнѣ этого Мишку, когда я собирался на этотъ островъ въ Архангельскѣ, но я хорошо помню нашу первую съ нимъ встрѣчу.

Какъ-то докладываютъ въ гостиницѣ, что меня желаетъ видѣть поваръ. Приказываю лакею привести его въ номеръ. Но лакей что-то мнется, какъ-бы затрудняясь исполнить мое приказаніе.

— Видите ли, баринъ, чтобы хозяинъ не заругался, онъ не приказываетъ водить въ номера разныхъ оборванцевъ.

— Да развѣ онъ оборванецъ?

— Да какъ вамъ сказать, баринъ: больно ужъ плохо одѣтъ онъ, и отъ него того... ворванью и рыбой пахнетъ.

Мнѣ не хотѣлось спускаться по лѣстницѣ, и я попросилъ лакея все же какъ-нибудь привести пришедшаго. Все обошлось самымъ счастливымъ образомъ; лакей провелъ просителя чернымъ ходомъ потихоньку отъ глазъ зоркаго и строгаго хозяина, и въ моемъ номерѣ появился Мишка.

Дѣйствительно, онъ немного не подходилъ къ нарядной обстановкѣ номера гостиницы: рваные бродни на ногахъ были грязноваты и широки, на колѣняхъ просвѣчивали ужъ очень откровенно дыры, у просаленнаго насквозь пиджака не было ни одного кармана, а въ рукахъ было такое подобіе картуза, у котораго совсѣмъ отсутствовалъ козырекъ, видно, какъ ненужный.

Соотвѣтствовала этому и вся фигура: бѣлобрысая голова полна была какими-то вихрами,—признакъ упрямства, шея была, что голенище сапожное, а руки были такъ покрыты какими-то подозрительными коростами, что страшно было смотрѣть на нихъ.

Но молодое лицо было такое простодушное, что сразу подкупало и говорило за добрую, дѣтскую душу.

— Что скажете?—спрашиваю его.

Онъ дѣлаетъ неопредѣленное движеніе своимъ засаленнымъ картузомъ и отвѣчаетъ какимъ-то сердитымъ голосомъ:

— Да, вотъ пришелъ... Сказывали вамъ надо кока... повара въ путешествіе...

— Да, надо,—говорю нерѣшительно...

— Такъ вотъ я согласенъ съ вами ѣхать.

Это скорое рѣшеніе такъ насмѣшило насъ съ слугою гостиницы, что тотъ даже не удержался и прыснулъ.

Но я постарался сдержать свою невольную улыбку и спросилъ, насколько было возможно, серьезно:

— Что же ты умѣешь приготовить, какъ поваръ?

— Все могу,—съ апломбомъ отвѣтилъ парень: треску отварить, могу поджарить ее съ лукомъ на сковородочкѣ, могу щи сварить, могу и... сварить,—подумавъ немножко, прибавилъ:—кашу.

У меня новольно пронеслась въ головѣ перспектива цѣлый годъ питаться трескою и кашею; но однако, я подумалъ, что требовать большаго съ поморскаго кока невозможно.

— Ну, а хлѣбъ умѣешь печь?—спрашиваю его объ этомъ самомъ важномъ дѣлѣ.

Онъ даже, кажется, обидѣлся такимъ вопросомъ:

— Пекалъ. Сколько лѣтъ плаваю на суднахъ кокомъ...

И это было вполнѣ достаточное доказательство.

— Со сколькихъ же лѣтъ ты служишь кокомъ?—спрашиваю его, обращая вниманіе, что онъ еще юноша.

— А лѣтъ пять уже,—гордо отвѣчаетъ,—плаваю, и даже переступилъ съ ноги на ногу такъ важно, какъ будто онъ на палубѣ, и его покачиваетъ волнами.

Ясное дѣло, что передо мной былъ настоящій зуекъ, какъ называютъ поморы подростковъ въ своемъ морскомъ, рыбномъ промыслѣ, только приспособленный не къ снасти рыболовной, а къ кухнѣ. Меня начиналъ интересовать этотъ типъ моряковъ нашего Сѣвера, и я рѣшилъ поговорить съ нимъ уже откровенно.

Я посадилъ его на стулъ, къ удивленію служащаго гостиницы, и разсказалъ ему: куда мы отправляемся, какъ будемъ тамъ жить, что будемъ тамъ дѣлать; разсказалъ ему всѣ его обязанности, весь кухонный, на сколько было воз-

можно, обиходъ и даже освѣдомился, есть ли у него родители, и грамотенъ ли онъ. Оказалось, что онъ, Мишка, ничего не боится, все это знаетъ уже давно, привыкъ къ полярнымъ плаваніямъ, многое перенесъ, и что такое путешествіе для него даже пріятный случай.

— Ты знаешь, предупредилъ я его,—тамъ бѣлые медвѣди.

— Слыхалъ, — отвѣчаетъ онъ увѣренно:—только я не боюсь и бѣлыхъ медвѣдей!

Что было дѣлать съ такой открытой смѣлостью, и я объявилъ ему годовую цѣну.

Онъ даже переспросилъ о цѣнѣ, такъ было для него это удивительно. И мы хлопнули съ нимъ по рукамъ, дѣло было неожиданно рѣшено, и я выдалъ ему крупный задатокъ.

* * *

Я опомнился только тогда, когда онъ вышелъ, услыхавъ замѣчаніе прислуги:

— Что вы, баринъ, дѣлаете... Вѣдь онъ надуетъ васъ, получивъ такую деньгу,—не явится, не говоря уже о томъ, что онъ ни къ чорту не годенъ и грязенъ!

Онъ былъ правъ; но дѣло было уже сдѣлано, и я успокоилъ себя, говоря, что все это можно измѣнить—парня вымыть, и вычистить, и научить всему, были бы у него только къ этому любовь и охота.

— Ну, не знаю... — пробормоталъ словно обиженный за меня слуга гостиницы и вышелъ.

Я почему-то вѣрилъ Мишкѣ и, дѣйствительно, въ этомъ не обманулся; онъ явился на пароходъ къ самому отходу его аккуратнымъ образомъ и тутъ поразилъ меня вторично.

Оказалось, что первое, о чемъ онъ позаботился для предстоящаго полярнаго путешествія, была гармонія въ два рубля, которая была у него подъ мышкой; пиджакъ же былъ тотъ же самый, только съ пришитыми новыми карманами, на го-

ловѣ была та же самая засаленная фуражка; даже бродни и тѣ были тѣ же самыя, и только что было новаго—это розовый теплый шарфъ, который болтался теперь у него на шеѣ.

— Ты весь?—спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Весь, какъ есть,—отвѣчаетъ спокойно.

— И о шубѣ не побезпокоился?—спрашиваю.

Оказалось, что онъ объ этомъ даже и не подумалъ.

Я покачалъ только головой и сошелъ въ каюту.

Дѣлать было нечего: пароходъ уже поднималъ пары, готовый отправиться прямо на Новую Землю. Мы вышли въ море.

* * *

Въ Бѣломъ морѣ было еще тепло; но въ Ледовитомъ океанѣ задуло съ сѣвера. Было начало сентября, пахло осенью. Того и гляди, покажутся пловучіе льды и будетъ совсѣмъ не жарко. Всѣ ходили уже въ полушубочкахъ, только Мишка мой одинъ гулялъ въ своемъ лѣтнемъ легкомъ костюмѣ, съ неразлучной, какъ у рекрута, гармоніей, и такъ энергично наигрывалъ на ней, точно желая согрѣться.

— Вотъ теплый малый!—какъ-то замѣтилъ мнѣ капитанъ. Но я промолчалъ, такъ мнѣ было за Мишку стыдно.

Однако, около о. Колгуева стало холодно, и Мишка бросилъ свою гармонію и, засунувъ руки въ карманы, какъ бы въ первый разъ задумался объ своей участи. Около Новой Земли я снова увидѣлъ его съ гармоніей, но, къ удивленію моему, одѣтымъ въ теплую фуфайку.

— Откуда ты взялъ?—спрашиваю его объ этомъ неожиданномъ превращеніи.

— Купилъ у матроса,—спокойно отвѣчаетъ.—И во мнѣ родилась увѣренность, что Мишка не пропадетъ и на Новой Землѣ, если даже очутится тамъ голымъ.

Вотъ и Новая Земля съ ея снѣжными сѣрыми горами среди непривѣтливаго океана. Какая мертвая суровая кар-

тина! Но Мишка такъ равнодушно на все это посматриваетъ, какъ будто тутъ жилъ или родился.

Къ этому времени путешествія Мишка уже былъ интересомъ всей пароходной команды, и кто-то, помню, захотѣлъ подшутить надъ нимъ, видя, какъ онъ всматривается въ снѣжныя горы.

— Охъ, Мишка, смотри, съѣдятъ тебя тутъ бѣлые медвѣди.

Но онъ на это съ увѣренностью отвѣтилъ:

— А крыша на что? На крышѣ меня никакой бѣлый медвѣдь не достанетъ. Послѣ этого раздался такой оглушительный хохотъ собравшейся къ борту публики, что даже высунулись изъ воды любопытные тюлени.

Не знаю: этотъ ли удачный отвѣтъ или другое какое обстоятельство, но только въ Мишкѣ приняли такое участіе, что, войдя на пароходъ съ одной гармоніей, онъ сошелъ съ него на новой землѣ съ такими припасами, о которыхъ даже и не думалъ. Какой-то матросъ наградилъ его для спанья оленьей шкурою; другой пожертвовалъ ему цѣлые сапоги; третій отдалъ теплый жилетъ съ фуфайкою; а какой-то добрый человѣкъ подарилъ даже ему ящичекъ, въ которомъ теперь положена была ужъ не одна охрипшая отъ холода гармонія, но даже пара штановъ, рубаха, мыло, гребень и даже зеркальце, чтобы можно было собой на этой Новой Землѣ полюбоваться...

* * *

Нечего и говорить, что Мишка былъ героемъ съ этого времени, и принялся съ такимъ рвеніемъ за выгрузку нашего кухоннаго багажа, что я подумалъ, что онъ переломаетъ всю нашу посуду.

А черезъ часъ онъ уже бойко, умѣло хозяйничалъ, установляя въ палаткѣ разные предметы, а еще черезъ часъ,—

у него тамъ уже весело кипѣлъ самоваръ, приглашающій насъ напиться на новосельѣ чаю.

Дѣло въ томъ, что мы выбрались съ Мишкою и другимъ матросомъ—по имени Афанасіемъ, Леди—сенъ-бернардскою собакой, и шестью псами, предназначенными для ѣзды по этому острову, прямо на голый берегъ этого суроваго острова. Нашъ домъ—будущее наше жилье—еще валялся въ видѣ бревенъ, раскиданный по берегу, наша печь была еще только въ видѣ кирпичей, заготовленныхъ и привезенныхъ вмѣстѣ съ срубленнымъ домомъ изъ Архангельска, и, прежде чѣмъ намъ войти въ этотъ домъ, нужно было еще сложить его, чтобы не замерзнуть отъ мороза.

Словомъ, была масса хлопотъ и затрудненій; но Мишка не падалъ духомъ передъ этой трудною задачею, а, напротивъ, выказалъ такое хладнокровіе, такую опытность, что для него устроить себѣ жилье, укрыться тутъ отъ холода было то же самое, что выѣхать на этотъ островъ съ одной гармоніей и съ новыми карманами у куртки.

Такое хладнокровіе, разумѣется, неоцѣнимо, и я не боялся уже, что Мишка, увидѣвъ ближе обстоятельства, покинетъ меня и сбѣжитъ, и я останусь на этомъ островѣ совсѣмъ безъ услугъ даже самаго скромнаго повара-кока.

Онъ даже весело проводилъ пароходъ, раскланиваясь съ нимъ, съ его матросами, какъ будто онъ долженъ придти за нами черезъ какую недѣлю времени, а не черезъ годъ, какъ полагалось.

А когда скрылся пароходъ, съ которымъ мы прощались надолго, онъ такъ заигралъ на своей гармоніи, что даже завыли собаки.

Пришлось попросить его бросить на время гармонію, и мы всѣ занялись устройствомъ своей зимовки.

Хотя съ великими трудами, но домикъ былъ сложенъ; Мишка подъ моимъ наблюденіемъ артистически выложилъ изъ кирпича печь даже не безъ того, чтобы разукрасить ее

разными печурочками, стѣны были оклеены шпалерами, полъ вымытъ, на крышѣ была устроена даже эолова арфа на случай, если бы мы въ погоду заблудились на этомъ островѣ, а на мачтѣ былъ поднятъ экспедиціонный флагъ, и мы торжествовали.

Была настоящая полярная зимовка, и Мишка даже, повидимому, гордился такимъ сооруженіемъ, считая ее своею.

И какъ было не гордиться ему такимъ сооруженіемъ, когда у насъ была просторная уютная комната съ кухнею, прекрасная теплая печь, а въ чуланѣ, въ сѣняхъ, хранилось столько провизіи, что можно было прозимовать двѣ зимы на этомъ полярномъ островѣ, если не больше.

Этимъ запасомъ провизіи Мишка даже гордился, и онъ былъ сданъ всецѣло подъ его управленіе съ уговоромъ, чтобы его намъ обязательно хватило хотя на годъ.

— Смотри, масло, особенно масло, Мишка, береги,—наказывалъ я ему, указывая на большой ушатъ съ масломъ изъ Архангельска. Онъ отвѣчалъ увѣренно:

— Будьте спокойны, баринъ.

— Вотъ тутъ морошка—ягода,—указывалъ я ему на боченокъ морошки, запасенный на случай появленія цынги,—совѣтую пока его не раскупоривать до темнаго времени: онъ пригодится на случай, если случится цынга.

— Будьте покойны,—отвѣчаетъ.

— Съ колачами тоже какъ можно осторожнѣе, у насъ мало крупичатой муки, и что мы будемъ ѣсть съ тобою въ праздники, если поѣдимъ колачи раньше времени?

— Растянемъ и сухари,—отвѣчалъ увѣренно Мишка. И какъ-то вѣрилось, что онъ все будетъ расходовать самымъ аккуратнымъ образомъ, и намъ достанетъ всего до слѣдующаго черезъ годъ прихода парохода.

— Потомъ береги самоваръ. Горе будетъ намъ безъ самовара, если ты его распаяешь,—увѣщеваю уже его, когда мы перешли къ кухоннымъ принадлежностямъ.

— Ужъ насчетъ самовара будьте спокойны, понимаю,—не маленькій.

— Тоже и насчетъ посуды...

— Будьте спокойны, не изломаю.

Такимъ образомъ сдано было все Мишкѣ подъ отвѣтственностью, и намъ съ Афанасьемъ, матросомъ моимъ и проводникомъ, оставалось только изрѣдка контролировать Мишку и кричать на него, когда съ непривычки онъ былъ особенно неосторожень съ нашею посудою, самоваромъ и масломъ.

Послѣднее страшно интересовало его, и онъ съ такимъ ожесточеніемъ и усердіемъ занялся его ежедневнымъ уничтоженіемъ на разные пирожки, лепешки и вкусные оладенки, что мы должны были ежедневно спрашивать его, есть ли у насъ еще масло.

— Куда дѣваться,—отвѣчалъ спокойно нашъ кокъ и продолжалъ закатывать намъ такіе жирные завтраки, что мы были довольны.

Больше того: кокъ оказался настоящимъ сокровищемъ, одинаково умѣя готовить намъ и треску, и мясо, и, если что у него не выходило порой, такъ это бѣлыя лепешечки, которыя онъ такъ поджигалъ и вываливалъ въ золѣ, что ѣсть ихъ возможно было только на одномъ этомъ полярномъ островѣ, но нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

— Мишка, что-то у тебя, братъ, не удаются эти лепешечки!—какъ-то говорю ему я.

— Шутъ ихъ знаетъ, ужъ я и наквашивалъ ихъ на печкѣ и ставилъ въ сѣни холодныя, только ничего не выходитъ!

Но зато онъ зажаривалъ намъ такія рыбныя соляночки, варилъ такія жирныя щи, приготовлялъ такія вкусныя каши и котлеты, что нельзя и требовать было большаго, и я только удивлялся его способности, предвидя, что онъ, пожалуй, превзойдетъ всѣхъ коковъ впослѣдствіи въ такихъ путешествіяхъ, если еще на годъ останется на Новой Землѣ.

Но это благополучіе наше, однако, длилось какъ-то неособенно долго.

Дѣло въ томъ, что Мишка скоро пристрастился къ стрѣльбѣ; я какъ-то неосторожно, болѣе желая ему добра и наживы, позволилъ ему взять мою американскую малокалибрную винтовочку, изъ которой онъ могъ бы порой пострѣлять глупыхъ тюленей. Тюлени буквально изводили его своимъ поведеніемъ: пойдетъ Мишка за водой,—тюлени уже у самой проруби въ рѣчкѣ; отправится на берегъ пролива, отъ котораго мы жили всего въ саженяхъ въ двадцати,—тамъ еще болѣе тюленей, и порой такъ подплывутъ близко къ нему, вѣроятно, желая узнать, чѣмъ пахнетъ отъ этого страннаго чудовища, что Мишка безъ ума прибѣжитъ и схватится за оружіе, только махнувши намъ въ отвѣтъ на море рукою.

Скоро всѣ свободные часы у него стали посвящаться не кухнѣ, а спорту, и онъ палилъ такъ оглушительно подъ самыми окнами, открывалъ такую канонаду на берегѣ, что я уже жалѣлъ, что познакомилъ его съ этой охотой.

Бывало, проснешься утромъ въ своей комнатѣ и кричишь:—Михаилъ!—рядомъ въ кухнѣ какъ будто вымерло.—Михайло!—усиливаешь голосъ, думая, что онъ копается гдѣнибудь по-близости, — но полная тишина, только слышенъ прибой волнъ о берегъ нашего пролива;—Мишка!—не выдерживаешь уже терпѣнія, но въ отвѣтъ только помашетъ своимъ хвостомъ умная Леди. Пройдетъ четверть часа, полчаса, — нѣтъ никакого движенія. Выскочишь на улицу,—кругомъ дома даже и признака нѣтъ присутствія Мишки. Присмотришься спросонья къ берегу, а нашъ кокъ гдѣ-нибудь ползаатъ по нему на брюхѣ, скрадывая тюленя. „Бацъ“, тюлень, глупый тюлень только застынетъ на секунду на водѣ, словно въ удивленіи, и потомъ покажетъ Мишкѣ хвостъ и спину.

— Что ты шляешься тамъ?—заворчишь на возвратившагося въ унынiи Мишку.

— Чортъ его знаетъ, какъ не попало ему въ голову!.. А какой тюленище былъ!.. Страсть. Сала было бы одного полбочки!

И объ этомъ тюленѣ слышишь отъ него весь день и за чаемъ, и за завтракомъ, и даже за обѣдомъ.

Рѣшительно Мишка, какъ говорится, „наткнулся на собственный свой гвоздь“, и я только покачивалъ головой, видя, какъ измѣнялась наша кухня.

Но досаднѣе было то, что тюленя такъ и не удавалось застрѣлить Мишкѣ, и онъ, въ его воображеніи, начиналъ казаться ему какимъ-то заколдованнымъ чудовищемъ, который только смущалъ его бѣдную душу.

Къ счастью нашему, скоро настала на островѣ зима, ползать на брюхѣ по берегу стало неособенно удобно Мишкѣ, а потомъ у берега всталъ ледъ, и охота на тюленей прекратилась, и Мишка снова воротился къ кухнѣ.

* * *

Скоро къ намъ на зимовку явились самоѣды. Они прибыли тремя семьями съ Карскаго берега и встали за рѣчкой нашей своими чумами.

Мишка сразу обратилъ на нихъ свое вниманіе, и теперь эти чумы стали мѣстомъ его развлеченія такъ, что мы порой не могли его совсѣмъ уже докричаться.

— Что ты тамъ пропадаешь постоянно? — выговаривалъ я Мишкѣ.

— Я училъ ихъ выпекать подъ желѣзною доскою хлѣбы.

Причина была очень уважительная, хотя хлѣбы, выпеченные по его способу, были сыры и невкусны.

Но не знаю: это ли участіе его въ жизни дикарей или другія какія обстоятельства, или просто его смѣшная фигура въ засаленной шапочкѣ, но только случилось такъ, что самоѣды полюбили Мишку.

Особенно полюбила его почему-то кривая наша веселая бабушка, — жена старика Максима Вылки. Она такъ трогательно смотрѣла на него своимъ единственнымъ глазомъ, такъ за нимъ ухаживала, что, бывало, не допросишься, чтобы она починила тебѣ пимы, а у Мишки, смотри, уже новыя и даже съ отдѣлкой изъ тюленевой кожи.

Не менѣе кривой бабушки чувствовали къ нему симпатію почему-то и другія самоѣдки.

— Мишка! — слышишь, бывало, въ сосѣдней комнатѣ,— на-ко вотъ поѣшь, я тебѣ принесла оленьи почки! Слышно было, что Мишка бралъ приношеніе, хотя ворчалъ, что онъ совсѣмъ не ѣстъ сырого мяса.

Однако, эти симпатіи, какъ скоро оказались, имѣли обратную сторону: самоѣдки сообразили, что Мишка можетъ быть полезнымъ въ чумѣ и стали просить его выпекать хлѣбъ уже не при помощи его изобрѣтенія, а просто въ нашей печкѣ. Самоѣды — былъ намъ все нужный народъ, потому пришлось позволить это отступленіе, и бѣдный парень ежедневно сталъ нажаривать печку до бѣлаго каленія и выпекать такую уйму хлѣбовъ, что ихъ носили цѣлыми мѣшками.

— Мишка, ты спалишь весь домъ, — дѣлали мы ему замѣчаніе по этому случаю. — Мишка молчалъ и продолжалъ свое дѣло.

— Мишка, ты спалишь всѣ дрова, привезенныя изъ Архангельска.

Мишка только отмалчивался.

— Мишка, ты бы хоть что бралъ съ нихъ въ свою пользу за хлѣбы, они вѣдь тебя замучатъ; но Мишка, повидимому, рѣшился окончательно не только пожертвовать нашими дровами, но и своей особой ради самоѣдовъ.

Мы долго не знали, что за причина этому самопожертвованію, когда однажды застали его въ чуму рядомъ съ кривою бабушкой, которая угощала его оленьей костью.

— Баринъ, Мишка сдѣлался у насъ совсѣмъ самоѣдомъ!

однажды докладываетъ мнѣ его товарищъ по избѣ — Афанасій.

— Что такое?—спрашиваю.

— Ѣстъ сырое мясо съ самоѣдами!.. Самъ видѣлъ!.. Чуть не стошнило меня, какъ онъ обгладываетъ сырыя кости! Какъ хотите, я не буду съ нимъ теперь садиться за столъ, потому что онъ совсѣмъ обсамоѣдился.

Пришлось по этому поводу поговорить съ Мишкой.

Оказалось, что онъ боялся при наступленіи темнаго времени заболѣть цынгою; самоѣды такъ напугали его этой болѣзнью, разсказали ему такіе ужасы про нее, что онъ совсѣмъ почти лишился обыкновенной съ нами пищи и глоталъ сырое мясо оленей въ увѣренности, что такъ не хватитъ его эта страшная болѣзнь и онъ возвратится домой цѣлымъ.

Пришлось долго убѣждать его, чтобы онъ не боялся цынги, указывая, что у насъ есть прекрасное средство отъ нея—свѣжая морошка. Однако, Мишка былъ себѣ на-умѣ: ѣлъ и морошку, привезенную изъ Архангельска, и сырое мясо.

Полюбили Мишку почему-то и самоѣды-охотники.

— Мишка, брось ты печь со сковородками, айда, лучше въ нашу артель бить съ нами тюленей!—говорили они, бывало, отправляясь на охоту и зная это его пристрастіе. Но Мишка только грустно смотрѣлъ имъ вслѣдъ, когда они, рано утромъ, исчезали въ туманѣ на своихъ легкихъ саночкахъ.—Айда, Мишка, ѣсть блины,—звали они его въ другой разъ,—мы сегодня приволокли свѣжаго тюленьяго сала. И Мишка моментально исчезалъ по такому приглашенію и долго пропадалъ тамъ, въ чумахъ, угощаясь самоѣдскими блинами. Скоро тамъ же онъ сталъ проводить свои вечера, то играя въ шашки съ самоѣдами, то потѣшая ихъ своими разсказами про родное свое Поморье. Нужно добавить, что Мишку полюбили на той сторонѣ рѣчки не одни самоѣды, а даже собаки самоѣдскія, и его возвращеніе, обычно, сопровождалось

десятками собакъ, которыя слѣдовали за нимъ до самаго нашего порога.

По этому случаю Афанасій, его товарищъ, шутилъ:

— Смотри, Мишка, съѣдятъ тебя эти псы самоѣдскіе дорогою, потому что ты весь уже пропитался саломъ.

Ко дню его именинъ—Михайлову дню—у него было ужъ столько друзей по ту сторону рѣки, что мы только удивлялись, когда они вдругъ нагрянули къ Мишкѣ въ нашу кухню на именины съ поздравленіемъ.

Пришла кривая бабушка съ новыми пимами изъ оленьихъ шкуръ для Мишки; приплелся за ней и ея старикъ, Максимъ, хотя вѣчно жаловался на спину и ноги; пришли самоѣдки съ своими дѣтьми за грязными пазухами; прибѣжали за ними вмѣстѣ даже всѣ ихъ собаки. И мы не замѣтили, какъ набилась ихъ полная изба, и самоѣдки уже разсѣлись, ожидая угощенія, на полу и на Мишкиной и Афанасія кроватяхъ.

— Угощай, Мишка! — говорю я ему, когда онъ вышелъ ко мнѣ въ смущеніи, не зная, что дѣлать ему съ его друзьями. Мишка почесалъ затылокъ, какъ онъ дѣлалъ во время затрудненія, и пошелъ ставить сразу оба самовара.

Но самоѣды запросили вина. Пришлось командировать Мишку по этому поводу въ чуланъ и черезъ часъ самоѣды запѣли ему хвалебныя пѣсни, а кривая бабушка даже разрыдалась на его груди въ какихъ-то причитаніяхъ.

— Ну, Мишка! Ну, Мишка! — только говорили тронутые его угощеніемъ самоѣды и сулили ему не только оленьихъ шкуръ, но даже хотѣли привезти ему цѣлаго большого тюленя.

Вечеромъ даже устроились танцы ради дорогого именинника, послѣ которыхъ, проводивъ гостей, Мишка сразу скинулъ свое нарядное одѣяніе и принялся за мытье затоптаннаго пола.

* * *

Съ его именинъ наступила полярная ночь, и Мишка какъ-то сразу перемѣнился. Мы долго не знали причины его тайной грусти; онъ пересталъ ходить къ самоѣдамъ вечеромъ и, выходя на дворъ, какъ-то все оглядывался, какъ будто съ наступленіемъ темнаго времени его сторожили нечистые духи. Утромъ его нельзя было даже выпихнуть на улицу; а вечеромъ онъ боялся высунуть даже свой носъ и только рѣшался пройти въ чумъ своихъ друзей въ сопровожденіи провожатаго и то, повидимому, съ большой опаской.

Мы долго не знали истинной причины этого его удрученнаго состоянія, когда онъ однажды признался Афанасію, что онъ... боится бѣлыхъ медвѣдей.

Громкій хохотъ раздался въ кухнѣ на это признаніе, и мы стали ему совѣтовать тысячи разнообразныхъ способовъ отдѣлаться отъ бѣлыхъ медвѣдей, если бы они были когда привлечены запахомъ его просаленнаго платья.

Афанасій серіозно совѣтовалъ ему помыть свои пиджаки и засаленныя въ маслѣ рубашки, увѣряя, что запахъ сала приманиваетъ медвѣдей даже за десятки верстъ въ этомъ пустынномъ, голодномъ островѣ. Въ другой разъ ему рекомендовалось сдѣлать высокія ходули, при видѣ которыхъ бѣлый медвѣдь могъ бы прійти въ страхъ и недоумѣніе, въ третій—его увѣряли, что самое лучшее средство отъ нечаянной встрѣчи передъ медвѣдемъ это—кувыркнуться, а въ четвертый — барабанить въ желѣзное ведро и залѣзать, какъ можно скорѣе, на крышу.

А бѣлые медвѣди, какъ нарочно, каждую ночь приходили на берегъ нашего залива, поѣдая самоѣдскихъ тюленей, которыхъ тѣ складывали на выдающемся въ море каменномъ мысѣ въ видѣ запаса.

Это близкое присутствіе и невозможность застрѣлить этого осторожнаго звѣря волновало не одного бѣднаго нашего по-

вара: собаки выли цѣлыми ночами, другія пропадали, — видимо, его преслѣдуя. Мишка страшно волновался.

Разъ выйдя зачѣмъ-то на улицу, Мишка блѣдный, со взъерешенными волосами и дикими глазами, вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату, говоря, что на нашей крышѣ медвѣдь.

Мы вышли осторожно съ заряженными ружьями; но ни на крышѣ нашего домика, ни около не оказалось и слѣдовъ медвѣдя. Мишку, кажется, мучили уже галлюцинаціи. Въ другой разъ онъ серіозно увѣрялъ, что медвѣдь тутъ, около метеорологической будочки, и даже божился; — но оказалось, бродила и рылась чужая пестрая собака.

Но случилось такъ, что, когда пришелъ къ нашему домику съ визитомъ медвѣдь, мы всѣ преблагополучно его проспали, хотя онъ былъ на самой нашей крышѣ. Просыпаюсь я разъ утромъ, чтобы въ семь часовъ сдѣлать обычныя метеорологическія наблюденія, выхожу съ ручнымъ фонарикомъ, а у дома свѣжіе слѣды знакомаго звѣря. — Ребята!—кричу, заскакивая торопливо въ кухню и пріотворяя особенно дверь,—вѣдь около дома бѣлые медвѣди!

Мишка какъ вскинется съ своей кровати въ углу, такъ и бросился сразу на печку. Это разсмѣшило меня; но было не до смѣха. Мы стащили Мишку съ печки и заставили его свѣтить намъ ручнымъ фонарикомъ, а сами вышли осторожно съ винтовками за двери.

Нужно было видѣть плачевную фигуру нашего повара, у котораго скакалъ мой фонарь, несмотря на то, что онъ держалъ его обѣими руками! Къ счастію нашему, медвѣди уже ушли, побывавъ только на крышѣ и еще метеорологической будочкѣ, гдѣ сломали зачѣмъ-то одинъ нашъ термометръ.

Когда разсвѣло, Мишка подробно сталъ изучать ихъ слѣды:—ихъ было трое, видимо, два небольшіе пѣстуна съ матерью. Мы были увѣрены, что Мишка расхрабрится теперь и перестанетъ бояться медвѣдей; но не прошло и недѣли, какъ онъ снова страшно перепугался.

Онъ наткнулся въ сумеркахъ на лежачаго медвѣдя у самаго нашего берега, когда утромъ пошелъ за водой для самовара. Онъ такъ перепугался его, что бросилъ ведро и опрометью прибѣжалъ въ избу.—Медвѣдь!—закричалъ онъ еще въ сѣняхъ, когда мы безпечно спали. Мы вскочили съ готовыми всегда ружьями и нашли медвѣдя мертвымъ. Его убили только что этой ночью самоѣды подъ самымъ нашимъ берегомъ, и такъ какъ было темно, то оставили его, чтобы послѣ ободрать его при свѣтѣ.

Въ результатѣ было то, что Мишка рѣшительно отказывался утромъ ходить за водой, и нужно было его сопровождать съ ружьями цѣлымъ взводомъ. Самоѣды же серіозно совѣтовали ему вооружиться. Кривая бабушка даже принесла для этого ему старую пищаль своего мужа.

Пищаль эта была громадною тяжелою винтовкою, въ дуло ея пролѣзали сразу два пальца, съ боку къ ружью былъ придѣланъ курокъ съ ущемленнымъ кремнемъ, и оружіе было такое тяжелое и крѣпкое, что можно было смѣло съ нимъ отбиваться отъ медвѣдей, какъ ломомъ.

Мишка ухватился за него съ великой радостью, не довѣряя моей малопульной винтовкѣ, и теперь стрѣлялъ изъ ружья въ сумерки съ такимъ грохотомъ, какъ бы изъ пушки.

Нужно было видѣть его фигуру съ этимъ оружіемъ, когда онъ отправлялся съ своимъ ведромъ въ одной рукѣ, а съ ружьемъ въ другой, на рѣчку за водою.

Разъ рано утромъ онъ чуть-чуть даже не убилъ кривую бабушку.

Случилось такъ, что она раньше его пришла за водой съ своимъ ведеркомъ; спросонокъ нашъ стрѣломъ вообразилъ ее медвѣдицей и уже бросилъ на землю свое ведро, чтобы прицѣлиться изъ пищали ея, когда она ахнула въ свою очередь, увидя на берегу темную его фигуру.

Самоѣды покатывались отъ хохота, когда бабушка въ сотый разъ разсказывала имъ потомъ объ этой встрѣчѣ.

Пришлось у Мишки отнять ружье и возвратить его бабушкѣ, чтобъ онъ не уложилъ и въ самомъ дѣлѣ кого изъ самоѣдовъ.

* * *

Такъ весело, въ шуткахъ и забавахъ съ Мишкою мы прожили незамѣтно половину зимы, какъ подступило Рождество и съ нимъ лунныя святки.

Передъ самымъ Рождествомъ, озабоченные хозяйственными приготовленіями къ празднику, мы сдѣлали ревизію въ нашемъ провіантскомъ складѣ.

Увы! нужно бы было позаботиться объ этомъ немного ранѣе: морошки не было уже рѣшительно, потому что ее, отъ страха передъ цынгою, поѣлъ всю Мишка; сушки тоже очень убыли, хотя ихъ къ осени была цѣлая пятипудовая бочка; но что болѣе удивило насъ, это—масло. Масла оставалось чуточка,—было видно даже дно помѣстительнаго деревяннаго ушата,—и Мишка, казалось, даже самъ удивился этому исчезновенію, разинувъ ротъ передъ этой задачей.

Предстояли большія лишенія безъ масла, хотя Мишка увѣрялъ, что онъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить его саломъ тюленя.

Какъ-то, къ счастію, я былъ остороженъ при требованіяхъ сливочнаго масла, и на масло это теперь возложены были всѣ главныя кухонныя обязанности.

Пришлось одновременно сильно задуматься и о перемѣнѣ блюдъ, чтобы сдѣлать какую-нибудь экономію.

Остался цѣлымъ только одинъ ящикъ, заложенный мной, не безъ умысла, далеко въ чуланчикѣ, въ которомъ хранилась разная провизія, положенная мнѣ еще въ Петербургѣ на праздникъ. Мы торжественно внесли ящикъ въ свое теплое помѣщеніе и вскрыли, имѣя намѣреніе, какъ слѣдуетъ, отпраздновать праздникъ.

Оказались разныя кулинарныя тонкости: сушеная зелень,

ваниль, лавровый листъ, разные галантиры, сушеныя яблоки, масло прованское, даже пюре изъ помидоръ и разные неизвѣстныя крупы... Все то, что такъ нужно и важно для повара, только не для такого, какъ Мишка.

Послѣдній даже раскрылъ ротъ при видѣ подобныхъ деликатесовъ неизвѣстнаго названія, и нужно было ему растолковывать порядочное время, чтобы онъ понялъ, къ чему, къ какому кушанью, все это такое.

— Понялъ?—спрашиваю его, убѣжденный, что онъ постигъ теперь всѣ тонкости кулинарнаго искусства.

— Ну, вотъ еще! Тутъ ничего нѣтъ особеннаго,—отвѣтилъ онъ важно. И въ первый же день рождественскаго праздника подалъ такой отличный супъ изъ зелени, что въ немъ вставала ложка.

— Мишка,—кричу ему,—ты съ ума сошелъ, что наложилъ во щи столько зелени!

Мишка что-то сегодня серіозенъ.

— Ты попробуй. Языкъ вертишь отъ зелени, такъ тутъ ея много!

Мишка не отвѣчаетъ, почти смотря сурово на супъ, и только послѣ сознается, что поусердствовалъ и всыпалъ въ горшокъ цѣлыя пригорошни этого неизвѣстнаго ему зелья.

Приказалъ подать слѣдующее кушанье,—оказался отваренный оленій языкъ съ галантиромъ, при видѣ котораго только пришлось улыбнуться.

На третье блюдо Мишка принесъ что-то уже невообразимое,—не то каша, не то кисель, сваренный густо-прегусто изъ саги, въ которую онъ вылилъ такое количество оливковаго масла, что я спросилъ его, осталось ли тамъ хоть сколько-нибудь еще въ бутылочкѣ?

На сладкое были поданы макароны съ пюре изъ помидоровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сахаромъ; при видѣ этого необыкновеннаго кушанья я уже покатился со смѣху.

Разумѣется, Мишка былъ обиженъ этимъ случаемъ, а я

поторопился убрать завѣтный ящичекъ до болѣе удобнаго времени, надѣясь лично когда заняться кулинарнымъ искусствомъ.

* * *

Но зато въ Новый годъ, который мы рѣшились торжественно отпраздновать и даже пригласить и угостить всѣхъ самоѣдовъ колоніи, Мишка отличился.

Онъ собралъ всѣ ноги оленей у самоѣдовъ нашей колоніи, отварилъ ихъ въ громадномъ чугунномъ котлѣ, дѣлая это секретно, чтобы видѣть наше потомъ удивленіе.

Получилось, дѣйствительно, чудесное холодное кушанье, которое даже мы одобрили съ Афанасіемъ, дивясь искусству нашего кока.

Рѣшено было поставить его самоѣдамъ на закуску, когда они придутъ поздравить насъ съ праздникомъ,—раздѣлить нашу радость.

Къ полночи было все готово: столъ покрытъ бѣлой скатертью, на столѣ красовались бутылки и закуски, была положена неразрѣзанная пока, какъ камень, отъ страшнаго холода, длинная колбаса, на одной тарелкѣ, въ видѣ рѣдкости, красовались даже соленые рыжики, и такъ какъ студень изъ ногъ не помѣщался съ корытомъ среди этихъ разныхъ тонкостей, то его рѣшено было поставить просто на лавку около, рѣшивъ, что въ такомъ видѣ онъ даже больше произведетъ на кривую бабушку эффекта, и приведетъ въ восторгъ визитеровъ нашей колоніи.

Собрались и гости на это пиршество. Настала полночь. Я приготовился къ рѣчи при наступленіи праздника, и мы всѣ вышли, вооруженные ружьями, за дверь къ высокому сугробу, чтобы тамъ, на открытомъ воздухѣ встрѣтить моментъ наступавшаго новаго года.

Я торжественно, съ бокаломъ въ рукѣ, при сѣверномъ сіяніи, сказалъ рѣчь; присутствующіе и вмѣстѣ съ ними

Мишка громко мнѣ салютовали, и мы бросились поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ.

Заходимъ потомъ въ комнату, и первое, что я увидалъ, это —застывшаго среди комнаты Мишку.

Онъ стоялъ въ оцѣпѣненіи среди моей комнаты, видя, какъ Леди доѣдаетъ его студень, а два другіе пса, воспользовавшіеся случаемъ, тянули длинную колбасу за оба конца, никакъ не рѣшаясь уступить другъ другу такое лакомство, ухваченное уже зубами.

Самоѣды, ввалившіеся торопливо за хозяевами въ комнату, казалось, тоже были не мало поражены этой картиной.

Кончилось тѣмъ, что Мишка вытолкалъ непрошенныхъ гостей изъ комнаты и понесся подъ крышу нашего домика, гдѣ лежало оленье мерзлое мясо.

Это мороженое мясо и было предложено угощеніемъ и закускою нашимъ друзьямъ, передъ которыми только что хотѣлъ отличиться своимъ искусствомъ Мишка. Однако, не смотря на эту маленькую неудачу, праздникъ прошелъ довольно весело, и кривая бабушка такъ смотрѣла умильно на Мишку, что было даже завидно. Послѣ этого праздника наступили шумныя Святки.

Мишка объѣдался въ чумахъ у самоѣдовъ разными лакомствами; чумы курились, приготовляя кушанья; игра въ пѣшки, разсказы шли тамъ безпрерывнымъ потокомъ; люди веселились, какъ могли, насколько хватало только искусства. И такъ какъ у самоѣдовъ нѣтъ совсѣмъ праздниковъ, кромѣ забавъ, что они порою устраиваютъ на своей родинѣ, въ полярной тундрѣ,—то они съ восторгомъ ухватились за русскій праздникъ зимы и, кажется, вознаграждали себя за всѣ свои лишенія.

Рады и мы были этимъ праздникамъ и старались рѣшительно припомнить все, чтобы хотя немного повеселиться въ этихъ сумеркахъ, которыя вотъ уже второй мѣсяцъ не спускались съ нашего неба.

Была пущена въ ходъ ворожба: самоѣды съ восторгомъ, какъ дѣти, отливали въ водѣ разныя вещи изъ свинца или олова, били яйца, чтобы выпустить бѣлокъ въ стаканъ чистой новоземельской воды, въ которой появлялись какіе-то причудливые не то льды полярные, не то зданія нѣмецкой архитектуры; жгли бумагу съ своимъ именемъ, чтобы потомъ на тѣни получить санки съ оленями, или знакомую фигуру медвѣдя; бѣгали даже слушать въ чумъ къ кривой бабушкѣ, спрашивали ее про невѣстъ; падали на розстань, чтобы потомъ услышать завываніе льдовъ или вой собакъ; словомъ, продѣлали все, что только дѣлается въ родномъ Поморьѣ и что осталось въ нашей памяти отъ стараго времени и нашего дѣтства. И самоѣды только удивлялись и качали головами, говоря, какъ мы суевѣрны.

Въ свою очередь, и самоѣды не отставали въ этомъ отношеніи.

Кривая бабушка смотрѣла для насъ въ огонь, предсказывая наше ближайшее будущее; ея старикъ Максимъ вѣшалъ топоръ на ножъ, угадывая для каждаго изъ насъ по его качанію и повороту лезвея, что будетъ, и Мишка такъ былъ удивленъ этими предсказаніями, что въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что его пріятели имѣютъ связь съ нечистыми духами.

Дѣло въ томъ, что кривая бабушка, ворожа ему, видѣла въ огнѣ что-то мелькнувшее бѣлое рядомъ съ краснымъ. Бѣлое означало, разумѣется, медвѣдя, красное—кровь, и Мишка понялъ это по-своему и даже задумался, что предсказанія матросовъ парохода, пожалуй, должны надъ нимъ сбыться.

Но задуматься особенно было некогда: веселье, охватившее насъ волной, поднимало душу, и Мишка скоро, послѣ короткаго раздумья, забылъ это предсказаніе и слѣдовалъ общему веселью. Пришло время ряженыхъ, и Мишка выходилъ изъ себя, измышляя самые неимовѣрные смѣшные костюмы, то выворачивая шубу свою, то придѣлывая къ своей

мордѣ моржевые тяжелые клыки, то напяливая цѣлую голову тюленя. Не уступалъ ему въ подобныхъ изобрѣтеніяхъ и его товарищъ Афанасій; они запирались даже отъ меня, устраивая вечерами костюмы, и потомъ являлись такими замаскированными, что въ полярную ночь даже можно было сойти съ ума отъ одного страха, увидѣвъ ихъ нечаянно на улицѣ въ подобномъ видѣ.

На самоѣдовъ же это ряженье въ звѣрей и чертей прямо производило ошеломляющее впечатлѣніе: ребята ревомъ ревѣли, завидѣвъ такого гостя, заползающаго въ ихъ чумъ на колѣняхъ съ улицы; взрослые только ахали при видѣ разныхъ чудовищъ, измазанныхъ сажей лицъ съ громадными носами и рогами, а кривая бабушка, казалось, серіозно задумывалась, что ужъ не нечистые ли духи въ самомъ дѣлѣ посѣщаютъ ее послѣ того, какъ она приняла столько разнаго грѣха ворожбою на свою бѣдную старую душу. Даже самоѣдскіе псы и тѣ приходили въ ужасъ отъ нашихъ маскированныхъ, съ визгомъ убѣгая при видѣ ихъ, считая ихъ хуже даже бѣлыхъ медвѣдей.

„Го-го-го-го“ стояло только въ чумахъ у самоѣдовъ при видѣ маскированныхъ; дѣти бѣгали потомъ за ними отъ чума къ чуму съ собаками, и колонія наша шумѣла.

— „Какая цынга тутъ къ намъ подступится,—говорилъ старикъ Максимъ:—когда тутъ у насъ такое бѣшенство и веселье“!

И я радъ былъ въ душѣ такому препровожденію времени, потому что оно было лучшей гарантіей за здоровье нашей зимовки.

Даже медвѣди бѣлые, приходившіе каждую ночь на нашъ мысокъ поѣдать самоѣдскихъ тюленей, и тѣ, повидимому, прекратили на это время визиты свои и опустошенія, слыша гамъ и шумъ въ нашей маленькой колоніи.

* * *

Медвѣди эти, просто, можно сказать, изводили насъ своими посѣщеніями, и даже Мишка въ послѣднее время сталъ

задумываться, какъ бы убить одного изъ этихъ бѣлыхъ чудовищъ.

Онъ каждое утро ходилъ на этотъ таинственный теперь мысокъ, присматриваясь трусливо, что сдѣлали тамъ посѣтители за ночь, и въ головѣ у него явились тысячи проектовъ ихъ изловленія, начиная съ громадной ловушки съ тяжелыми бревнами и кухонными ножами и кончая отравой.

— „Смотри, Мишка,—говорили ему по этому поводу самоѣды:—не даромъ бабушка видѣла бѣлаго медвѣдя и кровь, когда ворожила“.

Мишка на время задумывался; но скоро, махнувъ рукой, отдавался снова своимъ измышленіямъ, забывая совсѣмъ теперь нашу кухню.

Дѣло въ томъ, что послѣ Святокъ начиналось свѣтлѣе на этомъ печальномъ островѣ: вмѣсто сумерокъ дня являлась заря; день ото дня она дѣлалась все ярче и ярче, и того и смотри, скоро выглянетъ солнышко и намъ улыбнется.

Мишка, какъ звѣрь, чувствовалъ съ свѣтомъ себя свободнѣе, и, неизвѣстно откуда, у него являлась теперь отчаянная храбрость.

Не убивши тюленя, онъ серіозно теперь задался мыслью побороться съ бѣлымъ медвѣдемъ, хотя хитростью, и, кажется, не спалъ цѣлыя ночи, придумывая разныя ловушки.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Мишка какъ-то отправился на мысокъ съ какой-то таинственной отравой; отраву эту онъ смѣшалъ съ саломъ тюленя и привязалъ на палочку на самомъ мысу острова; чтобы она казалась медвѣдю пріятнѣе и заманчивѣе, онъ сало поджарилъ на сковородкѣ. Казалось, все было старательно предусмотрѣно; но Мишка забылъ, что на мысокъ ходили не одни бѣлые медвѣди, а и другіе звѣри.

Случилось такъ, что кусокъ исчезъ неизвѣстнымъ образомъ, осталась лишь палочка, и Мишка увѣрялъ, что медвѣдь, покушавшій его кушанья, почувствовалъ себя дурно и спустился въ море.

Онъ даже доказывалъ всѣмъ, было, это съ горячностью, какъ самоѣды неожиданно нашли мертвую собаку.

Это открытіе такъ огорчило одного бѣднаго самоѣда, что онъ чуть не снялъ за эту собаку съ Мишкинаго плеча послѣднюю его шубу.

Послѣ этого печальнаго случая опыты охоты на медвѣдя сразу оставили нашего Мишку.

* * *

Однажды утромъ, когда мы спали всѣ спокойно въ своемъ домикѣ, около нашего самаго крыльца поднялся страшный лай собакъ, какъ будто къ намъ приступалъ какой непріятель. Громадная Леди — мой тѣлохранитель съ оглушительнымъ лаемъ вырвалась въ сѣни изъ моей комнаты, моя прислуга повскакала съ своихъ постелей; я схватился за всегда заряженное ружье, и въ одинъ моментъ очутился за нашимъ домикомъ, предвидя уже охоту на медвѣдя.

Дѣйствительно, у нашего домика,—небольшой бѣлый медвѣдь, на котораго съ лаемъ наступили всѣ мои собаки и который, вѣроятно, не ожидая подобнаго негостепріимства на этомъ полярномъ островѣ, только пятился отъ нихъ къ самому берегу, подумывая уже задать отъ нашей колоніи тягу.

— А-ля! Лю-лю его,—закричалъ я не своимъ голосомъ, и началась жестокая облава. Звѣрь не выдержалъ этого натиска и пустился бѣжать, то и дѣло, останавливаемый смѣлыми собаками, которыя хватали его за гачи. Разъ я даже видѣлъ, что моя Леди наступила на него самымъ энергичнымъ образомъ, но тотчасъ же бросилась прочь, какъ только онъ на нее рявкнулъ. Это обстоятельство немного убавило жару у моихъ собакъ, и звѣрь опрометью, пользуясь этимъ замѣшательствомъ, бросился по льду къ высокому каменному мыску, чтобы укрыться въ морѣ.

Но я уже настигалъ его съ своею винтовкою. Вотъ уже

близко мысокъ. Собаки снова подъ мои отчаянные крики окружаютъ и тѣснятъ звѣря. Казалось, дѣваться ему некуда:— передъ нимъ отвѣсная, высокая, каменная скала; но, онъ, какъ кошка, начинаетъ взбираться по камнямъ, къ удивленію растерявшихся собакъ, которыя въ недоумѣніи останавливаются передъ скалой и только лаютъ.

Онъ уже былъ на высотѣ саженъ пятнадцати, какъ его тамъ догнала моя мѣткая пуля. Онъ дѣлаетъ неловкое движеніе, теряетъ равновѣсіе на обрывѣ скалы, и я вижу: летитъ ко мнѣ съ широко разставленными лапами, сопровождаемый массой камней и обрушеннаго снѣга.

Одинъ моментъ,—онъ рядомъ почти со мной. Моментъ,— я жду его уже нападенія, но подскакиваетъ храбрая Леди, онъ бросается въ ея сторону, и я вижу—силы его ему измѣняютъ. Я медленно выцѣливаю и стрѣляю въ него всего въ разстояніи 5 саженъ. Но, къ моему удивленію, звѣрь какъ будто даже не раненъ. Но, однако, не бросается ко мнѣ, не встаетъ на дыбы, а почему-то, оглядываясь только на наступающихъ собакъ, отходитъ къ самой скалѣ обрывистаго высокаго берега и садится тамъ, словно дожидаясь слѣдующаго выстрѣла.

Но у меня нѣтъ больше патроновъ, и я въ отчаяніи зову своего вѣрнаго Мишку, крича ему, чтобы несъ онъ скорѣе патроны.

Но Мишка оказывается давно уже на крышѣ домика, и держится тамъ за трубу, какъ будто твердо рѣшившись просидѣть тамъ всю эту облаву.

Но дѣло обошлось безъ Мишки: медвѣдь какъ-то нечаянно поникъ головой, потомъ зарылся въ снѣгъ всѣми своими лапами, и гляжу—его уже накрыли и мои собаки.

Когда я возвратился къ домику, тамъ разсказали мнѣ цѣлую исторію про Мишку.

Бѣдняга страшно перепугался бѣлаго медвѣдя, увидѣвъ его у самаго домика; почему-то сначала бросился растоплять

нашу печь, но потомъ скоро раздумалъ и, взявъ съ собою сковородникъ съ гармоніею, съ ними забрался на крышу нашего домика и усѣлся за трубу, что-то причитая.

Нечего и говорить, что послѣ этого не было прохода отъ самоѣдовъ нашему храброму повару, а кривая веселая бабушка даже стала надъ нимъ издѣваться.

— Какой мужикъ,—говорила она про Мишку сердито,— мы, бабы, не боимся ошкуя, а онъ забрался за трубу съ сковородникомъ и тамъ плачетъ!

Послѣ этого случая съ Мишкою, онъ разъ навсегда сталъ уклоняться отъ разговоровъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ съ самоѣдами, тогда какъ они настойчиво вызывали его на этотъ разговоръ, пытая его душу.

Настало болѣе свѣтлое время. День прибывалъ по 16 минутъ въ сутки. Скоро солнце уже не стало закатываться, пылая красною зарею. Мишка повеселѣлъ, сталъ показываться снова на улицѣ съ своею теперь окончательно охрипшею отъ холода гармоніею, приводя ея звуками въ неистовство собакъ, которыя страшно выли. Въ теплые дни онъ даже забирался съ нею на крышу нашего зданія, рядомъ съ эоловой арфою, и, вѣроятно, чувствовалъ себя на кораблѣ, взирая на пустыню.

Но чаще всего онъ спускался съ крыши нашего зданія и уходилъ въ задумчивости къ ближайшимъ скаламъ, на просторѣ наигрывая тамъ на гармоніи.

Разъ случилось, что онъ прибѣжалъ оттуда съ какой-то неописуемой радостью, и, когда мы спросили, что это значитъ, онъ лукаво отвѣтилъ:

— У скалы на льду сдѣлали отдушины тюлени!

Несомнѣнно, его старые пріятели, изводившіе его прошлой осенью, теперь узнали его и сдѣлали отдушины, привлеченные звуками его гармоніи.

— Что они дѣлаютъ тамъ, когда ты играешь на гармоніи?—спрашиваю я, заинтересовавшись его откровеніемъ.

— Какъ только начнешь играть, они высовываютъ голову и слушаютъ, а потомъ выползаютъ на ледъ и слушаютъ все время.

Очевидно, тюлени любятъ музыку, и я совѣтовалъ ему продолжать опыты, но Мишка не соглашался.

Его снова опахнуло страстью къ охотѣ, и нужно было выдать ему винтовку.

Начались снова для Мишки несчастія; да и для насъ также, такъ какъ Мишка пропадалъ подолгу. Теперь онъ пропадалъ цѣлые дни, ползая по льдамъ за грѣвшимися на солнцѣ тюленями.

— Ну, что, Мишка? Какъ охота твоя? удачна ли?—спрашиваешь его, бывало, видя его невеселое возвращеніе.

Мишка только отдувается, смотря на свои мокрые пимы и на вышарканное брюхо малицы.

Самоѣды же предупреждали его:

— Смотри, Мишка, унесутъ тебя пловучіе льды вмѣстѣ съ ружьемъ и гармоніей,—будешь играть въ морѣ для китовъ и медвѣдей!

Но Мишка не унимался.

Вдругъ однажды онъ торжественно возвращается, дѣлая еще издали намъ знаки руками.

Посмотрѣли,—на поясѣ за нимъ тащится по льду убитый тюлень. Сбѣжалась даже вся колонія, такъ это было неожиданно и странно.

— Мишка убилъ тюленя!—кричали ребятишки.—Пришла посмотрѣть на героя даже кривая бабушка, сбѣжались всѣ собаки. Кто-то пощупалъ тюленя и сказалъ, что это, вѣроятно, задавленный льдами. Мишка показалъ кулакъ въ отвѣтъ на это оскорбленіе и двинулся съ своимъ тюленемъ въ самую кухню.

Объ этомъ тюленѣ у Мишки было разговоровъ на двѣ недѣли, а относительно шкуры его—столько заботъ и тревогъ, какъ будто это была какая драгоцѣнность.

* * *

Мы уже думали, что теперь нашъ кокъ пропадетъ окончательно на охотѣ; но, къ нашему счастію, случилось такъ, что у Мишки появилось цѣлое семейство.

Случилось такъ, что моя кума, Таня Логай, молодая самоѣдская дѣвушка, привезла мнѣ пару медвѣжатъ. Медвѣжата были только что родившіеся, вырытые въ сугробѣ послѣ того, какъ убили ихъ мать; бить жаль было такихъ малюсенькихъ, и отецъ ея рѣшилъ продать ихъ мнѣ въ колонію всего что-то за десятку.

Разумѣется, мы рады были подобному приращенію семейства. Для мохнатыхъ питомцевъ живо былъ сдѣланъ цѣлый дворецъ изо льда предъ самыми окнами, и Мишка принялъ въ нихъ такое нѣжное участіе, что почти не разставался теперь съ ними.

Какъ только онъ выходилъ,—они его старательно обнюхивали; какъ только онъ отправлялся въ чумы,—они слѣдовали за нимъ, какъ адъютанты; какъ только онъ залѣзалъ на крышу съ гармоніей,—они помѣщались тамъ около него; какъ только онъ отправлялся на льды съ винтовкою,—они и тамъ отъ него не отставали. Пришлось Мишкѣ окончательно бросить охоту по этому случаю и заняться медвѣжатами.

У Мишки теперь стало больше заботъ, чѣмъ о насъ съ Афанасіемъ: раннимъ утромъ медвѣжата уже скреблись у дверей, отдирая обшивку и прося пищи; только что отворялась дверь, какъ они проникали въ кухонное помѣщеніе, и у Мишки начинался съ ранняго утра съ ними разговоръ, на который они отвѣчали своимъ жалобнымъ мурлыканіемъ.

Случалось такъ, что они врывались даже ночью въ кухню и стаскивали съ друга своего ночное одѣяніе, что приводило его въ ярость.

Тогда онъ гналъ ихъ изъ кухни своею лопатою или ско-

вородникомъ, страшно ругаясь. Можно было подумать, что онъ съ ними разссорится окончательно; но приходило утро,— онъ варилъ имъ уже кашу и щи на жирѣ тюленей и снова бесѣдовалъ мирно.

Но тутъ являлось страшное затрудненіе: какъ вынести горячія шайки со щами и отдать всегда голоднымъ звѣрямъ.

Дѣло въ томъ, что они были страшно нетерпѣливыми: шайки брали приступомъ и еще затѣвали межъ собою драку, и Мишкѣ приходилось ихъ мирить.

Еще было любопытнѣе смотрѣть, какъ ѣли его бѣлые медвѣди. Щи были горячія,—къ нимъ страшно было прикоснуться,—между тѣмъ, въ нихъ аппетитно выглядывали вкусные кусочки сала, которые хотѣлось достать имъ прежде всего. У медвѣдя являлось отчаянное рѣшеніе: онъ выхватывалъ лапой своей кусокъ, бросалъ его и трясъ обожженную лапу въ воздухѣ, ревя благимъ матомъ.

Мишка только покатывался при этомъ отъ хохота.

Угощеніе обязательно кончалось отчаянною дракою, потому что медвѣди отнимали другъ у друга содержимое шаекъ, опрокидывали ихъ, послѣ чего оказывались обрызганными и замаранными пищей.

Кончалось тѣмъ, что Мишка, налюбовавшись вволю медвѣжьимъ завтракомъ, выгонялъ пинками изъ сѣней милыхъ друзей, послѣ чего они усаживались на первый сугробъ и облизывали другъ у друга мокрые костюмы.

Не менѣе любопытно было, когда они приходили къ нему въ то время, когда онъ сидѣлъ за самоваромъ.

Они мурлыкали тогда все время около, вставали потѣшно на дыбы и просили сахару. И Мишка клалъ его въ микроскопическихъ доляхъ на руку и давалъ сосать свою ладонь медвѣжатамъ.

Бывало и такъ, что они облизывали у него тарелки и сковородки; бывало и такъ, что они засовывали въ горшки свои

головы и съ ними убѣгали на улицу и тамъ ихъ разбивали къ огорченію Мишки.

Вообще медвѣди были страшными проказниками, и Мишка только посматривалъ на нихъ, удивляясь ихъ хитрости и проворству. А потомъ случилось такъ, что и Леди подарила насъ своимъ потомствомъ. У Леди родились прекрасные породистые щенки, и пару лучшихъ изъ нихъ Мишка принялъ подъ свое покровительство, и у него по этому случаю еще приросло семейство.

Пока щенки были маленькіе, они охотно довольствовались матерью въ холодныя ночи; но ростъ щенковъ былъ такъ же силенъ, какъ ростъ медвѣдей, и вышло такъ, что щенки теперь переселились подъ малицу къ Мишкѣ, вѣроятно, находя малицу гораздо теплѣе шерсти своей матери.

Въ этомъ отношеніи они были смѣтливостью не хуже бѣлыхъ медвѣдей; и, бывало, Мишка только что управится вечеромъ съ своею кухнею, какъ оба они ждутъ момента, когда онъ сниметъ малицу. Моментъ — и они оба уже въ теплой его одеждѣ, забились въ самую глубину его, и Мишкѣ некуда даже вытянуть ноги.

Начинается съ псами трогательный разговоръ, и, Богъ вѣсть, какъ они трое помѣщаются въ теплой малицѣ, довольные общею теплотою. Бывало и не безъ того, что ночью случалось крушеніе кровати, и тогда слышалось за перегородкою, какъ жалобно воютъ ушибленные псы и ругается отчаяннымъ образомъ нашъ Мишка.

Бѣлые медвѣди и псы—это еще не все почтенное семейство нашего повара: судьбѣ угодно было наградить его еще однимъ существомъ, безпечно бѣгающимъ по этому полярному острову.

Случилось какъ-то разъ, что мы были встревожены отчаяннымъ лаемъ нашихъ собакъ. Былъ вечеръ,—можно было предположить и визитъ бѣлаго медвѣдя съ ближайшаго мыска, и нѣчто другое. Не знаю какъ, только Мишка высу-

нулся почему-то за двери изъ нашихъ просторныхъ сѣней и потомъ тотчасъ же, слышно, захлопнулъ ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и вбѣжалъ, запыхавшись, въ избу.

— Что такое, Мишка?—спрашиваемъ мы его съ Афанасіемъ, видя перепуганное и загадочное его лицо.

— Кто-то вбѣжалъ въ дверь!..—говоритъ онъ, запыхавшись.

— Какъ вбѣжалъ въ дверь?—спрашиваемъ мы въ недоумѣніи.

— То-есть, прошмыгнулъ между моими ногами...—отвѣчаетъ Мишка.

— Бѣлый медвѣдь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—кто-то поменьше.

— Гдѣ же онъ?

— Тутъ, въ сѣняхъ... Ей Богу, въ сѣняхъ остался!..

Мы бросаемся въ сѣни со свѣчею въ рукѣ и никого не находимъ.

— Да онъ одурѣлъ со страху! — говоритъ Афанасій, напрасно перебирая вещи въ моихъ наваленныхъ кучахъ.

— Ей Богу!—божится Мишка.

Мы, было, хотѣли уже бросить свои поиски, какъ кто-то шевельнулся рядомъ въ нашемъ чуланѣ.

Мишка такъ и замеръ отъ этого шороха и прошепталъ торжественнымъ голосомъ:

— Я вамъ говорилъ!..

Мы осторожно пріотворили дверь чуланчика, Афанасій просунулъ туда голову и радостно доложилъ:

— Песецъ!

Мы бросились; дѣйствительно, въ чуланѣ былъ песецъ,—бѣлая полярная лисичка. Видимо, голодный, онъ подбѣжалъ къ нашему зданію, тамъ замѣтили его наши собаки, пошла отчаянная охота, и бѣдное животное, никогда не зная такого страху, воспользовалось нашимъ убѣжищемъ, какъ только Мишка пріотворилъ дверь.

Изъ кухни была принесена толстая рукавица, Мишка отважился, надѣлъ ее и осторожно взялъ за шиворотъ почти несопротивляющагося маленькаго звѣрка.

Бѣлый, пушистый, слабенькій, сгорбленный, съ длиннымъ хвостомъ, онъ показался намъ чудомъ этой полярной страны, похожимъ на кошечку; то, что онъ не дичился человѣка, не зная его отъ роду,—показалось еще болѣе страннымъ, и съ полчаса, если не болѣе, мы любовались имъ, пустивши его въ комнату, гдѣ онъ сразу забился въ уголокъ и даже прилегъ тутъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Убить его казалось страшной жестокостью, и Мишка первый заговорилъ, что у насъ много мышей, и нѣтъ кошки.

— Что жъ ты думаешь, онъ тебѣ будетъ за кота?—спросилъ его Афанасій насмѣшливо.

— А Леди?—говорю я, въ свою очередь, хотя самъ уже склонный поддержать идею Мишки.

Дѣло въ томъ, что Леди-сенъ-бернардъ страшно была зла на всякаго звѣря, и, когда приносили мертвыхъ лисицъ, она вырывала ихъ изъ рукъ, чуть не сваливая человѣка. Ясное дѣло поэтому, что бѣдное животное она задавитъ моментально, и мы захотѣли убѣдиться предварительно въ ея поведеніи, пригласивши ее въ комнату изъ кухни. Къ нашему удивленію, Леди не обратила особеннаго вниманія на нашего звѣрка, видя его въ такой обстановкѣ. Звѣрокъ тоже, казалось, не пугался ея, и мы рѣшили сдѣлать еще новое прирученіе. Мишка взялъ песца подъ свое покровительство и тотчасъ же принесъ ему сырого сала.

Пёсецъ схватилъ его и съѣлъ. Звѣрокъ былъ, видимо, голодный, и это рѣшило его участь.

Дня черезъ три онъ былъ уже ручной. Мишка рѣшительно былъ какой-то волшебный укротитель: звѣрокъ бралъ пищу у него уже изъ рукъ, даже прокрадывался тихонько отъ собакъ въ его комнату, а еще черезъ недѣлю уже игралъ со псами среди кухни.

Это было прелюбопытное зрѣлище: молодые, но здоровые псы тихонько хватали его за шею, онъ носился по кухнѣ, поджавъ хвостъ, заигрывая съ ними; псы лаяли на него оглушительнымъ образомъ, а Мишка хохоталъ, покатываясь по своей постели. И только тогда, когда щенята надоѣдали нашему звѣрку, онъ вспрыгивалъ рѣшительнымъ образомъ къ Мишкѣ на кровать и усаживался на его подушкѣ. Тогда псы по часамъ лаяли на него отчаянно, тогда какъ онъ казался невозмутимымъ.

Скоро звѣрокъ сталъ спать даже съ Мишкою, но не въ его просторной малицѣ, а у изголовья.

Въ этомъ случаѣ Мишка представлялъ любопытную картину, на которую мы часто засматривались, приходя тихонько ночью за питьемъ на кухню. Въ ногахъ у него два пса, раскинувшіеся самымъ благодушнымъ образомъ, посрединѣ Мишка съ похрапывающимъ безмятежно своимъ носомъ въ видѣ свѣжей картофелины, и въ головахъ сѣрый теперь отъ пыли песецъ, въ видѣ колачика спящій прямо на ежеватой шевелюрѣ своего покровителя.

Признаться, я даже завидовалъ ему въ этомъ обществѣ и иногда бралъ тихонько песца на руки и уносилъ его и клалъ въ свою кровать.

Такъ жилъ онъ у насъ до апрѣля мѣсяца. Было тепло; уже начинали таять снѣжныя горы; мы мечтали уже увезти песца въ какой-нибудь звѣринецъ, какъ вышла крупная для Мишки непріятность.

Песца спугнули какъ-то изъ сѣней дворовыя собаки. Чтобы скрыться отъ нихъ, онъ выпрыгнулъ на улицу; псы съ лаемъ бросились за нимъ и, прежде чѣмъ Мишка выскочилъ на улицу, на льду пролива былъ уже гонъ, и песецъ удиралъ, бѣлѣя точкою, въ противоположную сторону, направляясь въ далекія горы.

— Стой! Стой! Стой!—кричалъ Мишка на собакъ, думая еще остановить эту бѣшеную погоню; но она удалялась та-

кимъ стремительнымъ образомъ, что онъ залѣзъ даже на крышу зданія, чтобы ее увидѣть.

Онъ долго въ горѣ сидѣлъ потомъ на крышѣ нашего зданія, но такъ и не дождался возвращенія своего любимца.

* * *

Съ этого дня противъ Мишки повернулась сама фортуна.

Случилось такъ, что къ намъ въ колонію забѣжалъ бѣшеный песецъ. Бѣлые медвѣжата были ночью на привязи; песецъ набросился на нихъ и обкусалъ имъ морды. Онъ, вѣроятно, надѣлалъ бы еще намъ бѣдъ, если бы его не увидѣла кривая бабушка рано утромъ, наскакивающаго на медвѣдей, которые храбро отъ него отцарапывались. Опытная женщина сразу сообразила, что это больной песецъ, убила его полѣномъ, а медвѣдей посовѣтовала не пускать болѣе съ цѣпи, чтобы они кого не покусали.

— Смотри, Мишка, будь осторожнѣе,—предупреждалъ я повара, говоря объ опасной заразительной болѣзни. Мишка не сталъ давать имъ лизать свои руки и съ ними возиться на сугробѣ; и, дѣйствительно, дней черезъ девять они перестали ѣсть, стали задумчивыми, а потомъ и вовсе взбѣсились.

Мишка теперь почти не отходилъ отъ нихъ, видя ихъ тяжелое ужасное положеніе; я замѣчалъ его даже съ заплаканными глазами, и медвѣди скоро, дѣйствительно, околѣли.

Мишка пригорюнился, было, уже ожидая другихъ несчастій въ своей жизни; но судьба пощадила его; онъ остался съ своими щенками.

А потомъ скоро настала давно желанная весна: съ горъ потекли ручьи, зашумѣла наша рѣчка, открылось синее море съ своими волнами, прилетѣли пернатые гости, и въ берегъ застучался снова прибой, порою поднимая брызги.

Что-то было очаровательное въ движеніи весны; каждый день сулилъ намъ новые и новые сюрпризы,—то прилетятъ

снѣжные жаворонки, то появятся подъ снѣгомъ чудные цвѣты, и Мишка не сходилъ почти что съ берега, наблюдая чудную полярную природу.

— Сегодня видѣлъ кулика! — кричитъ онъ, возвращаясь теперь съ прогулки.—Какая чайка громадная вьетъ гнѣздо на нашей скалѣ!—докладывалъ онъ въ другое время; а когда разъ утромъ, почти у самыхъ дверей нашего домика, увидѣлъ дикихъ гусей, онъ оцѣпенѣлъ, казалось, отъ удивленія, что дикая птица усѣлась у самаго дома.

Дѣло въ томъ, что ранѣе здѣсь, на мѣстѣ колоніи, только что устроенной, гнѣздились дикіе гуси, и теперь они въ удивленіи сидѣли на берегу, видя жилище человѣка.

— Не тронь, Мишка!—предупредилъ я его, видя, что его охватывало страстью:—эти гуси будутъ у насъ домашними, будутъ намъ полезны.—И я былъ правъ: они поселились всего въ полуверстѣ разстоянія отъ нашего домика и спокойно стали гнѣздиться и класть яйца въ низкія ямки среди зеленаго тундроваго мха.

Скоро къ нимъ въ компанію присосѣдились и пестрыя гаги, которыя жили ранѣе, видимо, тоже тутъ вмѣстѣ съ гусями.

У Мишки былъ теперь тутъ настоящій курятникъ, и онъ таскалъ намъ ежедневно свѣжія яйца.

Какія вкусныя яичницы онъ подавалъ намъ въ это время!

Вслѣдъ за гагою и гусемъ онъ сталъ обирать яйца и у морскихъ чаекъ, что гнѣздились въ ближайшей скалѣ нашего берега. Яйца чаекъ были хотя крупнѣе, но не вкусныя; однако, Мишкѣ почему-то нравилось обижать хищныхъ чаекъ. Одну онъ даже обворовалъ такимъ безстыднымъ образомъ, что она совсѣмъ осталась безъ яицъ.

— Мишка! ты обобралъ у ней всѣ яйца,—сказалъ я ему какъ-то по этому поводу, видя ея пустыя гнѣзда.

— Ничего, пусть она кладется, какъ курица, все лѣто!— И громадная морская чайка клалась съ мѣсяцъ времени еще,

и онъ таскалъ ея яйца, а она кричала на него, будто жалуясь.

Въ маѣ мѣсяцѣ какъ-то къ намъ въ заливъ зашло норвежское судно.

Мы всѣ несказанно обрадовались ему, какъ первой вѣсточкѣ съ родного материка; но Мишка нашъ, увидавши матросовъ съ этого судна, сталъ неузнаваемымъ.

— Мишка! что съ тобой? — спрашиваю я, видя въ окно, что матросы съ капитаномъ направились къ нашему зданію. Но Мишка не отвѣтилъ ни слова, забился въ уголъ за печкою и, казалось, рѣшился не выходить.

Нужно было угостить капитана хоть чаемъ, и я едва дождался своего повара, когда онъ подастъ самоваръ въ мой кабинетикъ.

Сначала я думалъ, что это простая застѣнчивость; но послѣ Мишка признался, что онъ страшно испугался норвежцевъ.

Онъ боялся, что они вырѣжутъ насъ на этомъ островѣ и, ограбивъ, увезутъ всѣ наши оленьи и тюленьи шкуры. Онъ даже не подумалъ, что они сами промышленники и совсѣмъ не нуждаются въ нашихъ богатствахъ.

Мишка просто одичалъ на этомъ островѣ, какъ дичаетъ человѣкъ, долго не видя человѣка.

Норвежцы не обидѣли насъ; но послѣ ихъ визита Мишка сталъ рѣшительно неузнаваемъ, какъ и его кривая бабушка. Онъ все что-то посматривалъ съ нею въ сторону волнистаго моря, какъ будто оттуда надвигалось ни вѣсть какое для нихъ несчастіе.

— Что съ тобой, Мишка?—спрашивалъ я его. Но Мишка отмалчивался, не скрывая, однако, какой-то тревоги.

Я догадался о ней только тогда, когда неожиданно утромъ раздался свистъ парохода. Мишка поблѣднѣлъ даже при звукѣ этого знакомаго свистка, и я понялъ, что ему страшно

разстаться съ этимъ островомъ, къ которому онъ уже привязался.

„Должно быть, бѣдняку не сладко жилось на родинѣ, когда онъ боится туда возвратиться“,—подумалъ я и сказалъ ему серіознымъ образомъ:

— Ты можешь, Михайло, остаться.

Мишка промолчалъ на мое предложеніе, и я передалъ объ этомъ самоѣдамъ.

Самоѣды стали тоже просить его остаться на ихнемъ островѣ; кривая бабушка даже, шутя, пообѣщала выйти за него замужъ; но Мишка, колебавшійся, видимо, въ минуту предложенія, почему-то вдругъ передумалъ въ рѣшительный моментъ и сталъ собирать свои пожитки.

Къ моему удивленію, у него оказалась куча имущества,—столько самоѣды, благодарные ему за хлѣбъ и полюбившіе его, натащили ему въ минуту разставанья разныхъ шкуръ тюленьихъ и оленьихъ; кривая бабушка подарила ему песца, а гагачьяго пуха, собраннаго имъ во время сбора яицъ у гагъ, и перьевъ общипанныхъ имъ пингвиновъ у него оказались цѣлыя подушки.

Кромѣ всего этого, ему досталась и отъ меня порядочная доля; шкуры убитыхъ звѣрей въ мои экскурсіи я роздалъ своимъ вѣрнымъ матросамъ, и на долю кока пришлось столько этихъ мохнатыхъ и сальныхъ богатствъ, что онъ, пріѣхавъ сюда съ одною гармоніею, явился на пароходъ съ такими ношами, что ахнули матросы.

Я не видалъ минуты его прощанія съ самоѣдами на берегу; но говорятъ, они провожали его со слезами.

Съ какой грустью онъ разставался съ этимъ низкимъ, печальнымъ, каменнымъ берегомъ, стоя у борта парохода! Казалось, онъ отрывался отъ милой родины; казалось, этотъ годъ, эта зима промелькнули для него однимъ безпрерывнымъ счастьемъ.

Вотъ мы и въ открытомъ океанѣ,—Мишка все воротитъ

свою голову къ сѣверу, все всматривается еще туда, откуда только что уѣхалъ.

Матросы замѣтили его грусть и стали смѣяться:—Мишку должно быть, приворожила къ себѣ кривая бабушка,—Мишка что-то невеселъ.

Ему серіозно совѣтовали, какъ голому сиротѣ, поселиться на этомъ островѣ; я даже предлагалъ ему уступить для этого свою постройку. Мишка серіозно объ этомъ, было, задумался и даже сообщилъ мнѣ какъ-то, въ минуту откровенности, что онъ воротится на Новую Землю съ тѣмъ же пароходомъ обратно.

Въ Архангельскѣ онъ явился ко мнѣ въ гостиницу такимъ щеголемъ, что я даже не узналъ грязнаго своего Мишку. Прекрасное осеннее пальто, подъ пальто новый пиджакъ съ плисовымъ, выставленнымъ на показъ, моднымъ жилетомъ, на жилетѣ серебряная цѣпочка отъ часовъ, на ногахъ смазные сапоги выше колѣна, и въ рукахъ такая модная шапочка, что чудо.

— Мишка, — не удержался я, — да вѣдь ты на купца похожъ!

Мишка важно улыбнулся и скромно отвѣтилъ:

— Спасибо вамъ, вы сдѣлали меня человѣкомъ!

Я выдалъ ему окончательный расчетъ, подарилъ ему коечто за всѣ его услуги, и парень вдругъ снялъ свой сапогъ, вынулъ со дна его чистую онучу и вложилъ туда деньги.

Я замѣтилъ у него еще пачку ассигнацій.

— Смотри, не потеряй, другъ, денежки; у тебя, кажется, ихъ теперь куча.

— Около полутораста рублей,—отвѣтилъ онъ важно.

Я его спросилъ, что онъ думаетъ дѣлать теперь съ такими деньгами.

Парень покраснѣлъ, какъ бы припоминая свое секретное сообщеніе объ островѣ, и рѣшительно, и важно отвѣтилъ:

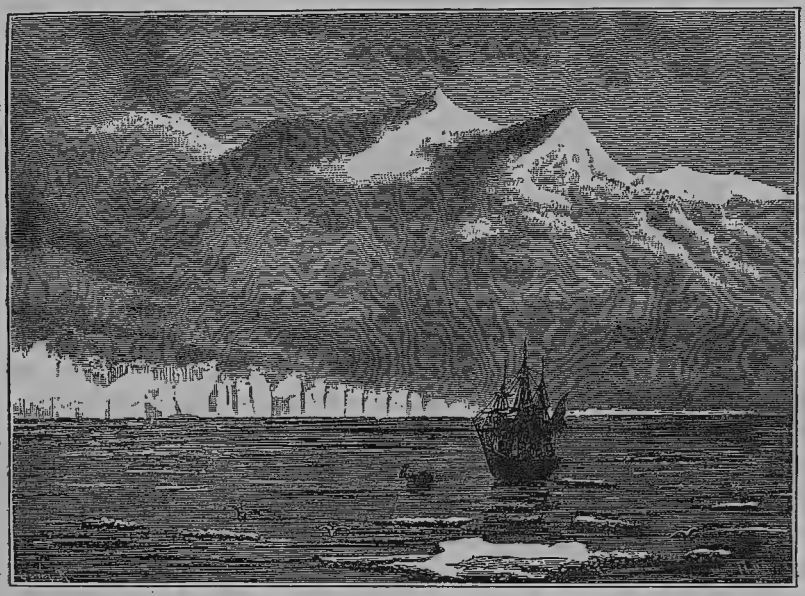
— Надо бы туда,да боюсь... отговариваютъ товарищи... Поѣду лучше въ родную деревню... къ теткѣ.

— Что ты будешь дѣлать у тетки?

— Открою лавку, буду торговать...

Мы разстались.

Гдѣ теперь Мишка, я не знаю; но думаю, что онъ превратился теперь уже въ купца.



ПИПЪ.

Признаться сказать, на Новой Землѣ намъ было порядочно скучно, особенно въ полярную долгую ночь, когда, казалось, настали вѣчныя сумерки и кругомъ насъ не было ничего, кромѣ снѣга, камня, вѣтра и стужи. Но изъ всѣхъ насъ, зимующихъ на Маточкиномъ Шарѣ, только одинъ Мишка, нашъ кокъ, не терялъ обычнаго своего веселаго настроенія и вѣчно что-то выдумывалъ, соображалъ, какъ бы и тутъ возможно веселѣе провести время.

— Вотъ болванъ,—говорили про него мои матросы,—онъ ни о чемъ не думаетъ, ему хоть самый Полюсъ!

Но я его считалъ счастливымъ человѣкомъ, нашедшимся и тутъ, и я былъ увѣренъ, что онъ и на самомъ Полюсѣ будетъ такимъ же веселымъ и жизнерадостнымъ.

Это была одна изъ тѣхъ натуръ рода человѣческаго, которыя всюду чувствуютъ себя прекрасно, нигдѣ не теряются, вездѣ находятъ развлеченіе и дѣло.

И онъ, дѣйствительно, вѣчно что-нибудь выдумывалъ.

— Мишка! Мишка!—кричишь, бывало, утромъ, дожидаясь самовара, а его и слѣдъ простылъ, даже не слышно въ кухнѣ.

Выйдешь изъ зимовки, а онъ гдѣ-нибудь на льдахъ и ползаетъ тамъ, подглядывая свободную жизнь тюленя.

А то, вдругъ, переполошитъ всю нашу колонію, нарядившись въ вывороченную шубу и представившись бѣлымъ медвѣдемъ. Страшный лай собакъ; самоѣды бѣгутъ съ ружьями; вся колонія высыпаетъ на берегъ, а Мишка,—нашъ Мишка въ вывороченной шубѣ дразнитъ собакъ на льдинѣ, представляя собою какое-то невѣдомое для полярныхъ странъ страшилище въ вывороченой шубѣ.

— Ну, Мишка!—только и говорятъ самоѣды и съ хохотомъ расходятся, даже не думая сердиться на него за новую выдумку и причиненный ею переполохъ...

* * *

Однажды онъ является въ мой кабинетъ и проситъ у меня длинную бечевку.

— На что?

— Секретъ.

Иду въ чуланъ,—наше хранилище, и подаю ему длинный шнурокъ, строго говоря:

— Только съ условіемъ возвратить мнѣ въ томъ же видѣ.

— Есть!—кричитъ онъ радостно и моментально скрывается за дверями дома.

Черезъ нѣсколько минутъ иду въ свою метеорологическую будочку и вижу Мишку, старающагося надъ чѣмъ-то у самой нашей проруби.

— Что ты тутъ возишься?

— Секретъ.

— Вотъ будетъ „секретъ“, когда ты отморозишь себѣ пальцы на холодѣ и мы ихъ тебѣ отнимемъ ланцетомъ на память!

Но Мишка, видимо, даже не думаетъ о холодѣ и пальцахъ.

* * *

Сижу за письменнымъ столомъ, какъ вдругъ топотъ ногъ, поспѣшные шаги, и въ мою комнату влетаетъ Мишка съ чѣмъ-то старательно завернутымъ во что-то бѣлое.

— Съ новорожденнымъ васъ привѣтствуемъ, баринъ! Ребеночка Богъ послалъ! Куда прикажете положить?

— Что за глупости? Что у тебя тутъ?—стараюсь я узнать, кто это у Мишки на рукахъ въ пеленкахъ.

Онъ качаетъ его, какъ качаетъ на рукахъ няня маленькаго ребеночка, садитъ его пенькомъ и, наконецъ, тихонько открываетъ его головку.

Тюлень! Маленькій прибрежный тюлень, которыхъ часто мы видали въ нашей рѣчкѣ по осени, когда они ныряли тутъ и ловили рыбу.

— Гдѣ ты его досталъ?

— На нашей проруби! Давно ужъ высовываетъ голову, а теперь, какъ только пойдешь утромъ за водой,—онъ ужъ сталъ полеживать у проруби и, какъ только завидитъ тебя у дверей,—бухъ въ воду! Я льдинку и приморозилъ къ бечевочкѣ и протянулъ къ себѣ въ сѣни. Какъ выползъ онъ изъ проруби, я дернулъ бечевочку, и онъ остался безъ проруби!

Мы всѣ слушали разсказъ нашего повара, смотря на маленькаго мокраго тюленя, а онъ глядѣлъ на насъ изъ своей бѣлой пеленочки, словно тоже понимая всю эту исторію, съ любопытствомъ уставившись на насъ, моргая глазенками и нисколько этимъ, казалось, не смущаясь.

Я разрѣшилъ положить его на свою кровать и передъ

нами, при яркомъ свѣтѣ лампы, очутился, во всей своей прелести, этотъ маленькій тюлень, житель подледного міра.

Какъ отливала серебромъ его мягкая и серебристая шерсть! Какъ хороши были его толстыя катры! Какъ потѣшенъ былъ его хвостъ, съ протянутыми задними, бозпомощными на сушѣ лапами! Какъ красивы черные, крупные и влажные глаза!

Между тѣмъ Мишка не отставалъ отъ него, довольный своей новой выдумкой.

— Какъ тебя зовутъ? Какъ васъ звать прикажете, ваше морское степенство?

Тюлень издалъ какой-то тонкій жалобный звукъ, словно пикнувъ, какъ птица.

— Слышите, онъ говоритъ: „пипъ“?

— Господинъ Пипъ?

Тюлень снова издаетъ нѣчто похожее на прежній звукъ, какъ говорятъ въ балаганахъ Петрушки.

Присутствующіе разражаются довольнымъ хохотомъ, и нашъ маленькій тюленекъ отъ испуга втягиваетъ въ толстую шею свою круглую головку.

— Итакъ, господинъ Пипъ! Имѣемъ честь вамъ представиться! Бьемъ низкимъ поклономъ! Покорнѣйше просимъ насъ извинить за безпокойство! Не угодно ли вашему морскому степенству кофею или чаю? Можетъ быть, папиросу закурить желаете? Простите, у насъ только одна махорка!..

Между тѣмъ, тюлень, маленькій съ пестрой шкуркой, обсыхающій у насъ на постели, кажется, ужъ понялъ наши шутки и начинаетъ спокойно двигаться и подползаетъ къ краю моей кровати и свѣшиваетъ голову.

Мишка болтаетъ:

— Простите, сегодня еще не выметено въ комнатѣ; но сейчасъ для вашего морского могущества мы сію минуту постелемъ бархатные ковры!..

Тюлень поднимаетъ голову, какъ бы оглядывая нашу обстановку.

— Простите, ваше высочество! Съ потолка у насъ каплетъ отъ стужи, но на печкѣ тепло и пробиваемся на ней въ нашихъ шубахъ...

Тюлень, ища, повидимому, выхода съ моей кровати, загибаетъ совсѣмъ свою голову, какъ онъ это часто дѣлаетъ на льду, изображая своей фигуркой соединеніе величія со спесью.

Мишка бросается на колѣни передъ кроватью и восклицаетъ:

— Ваше сіятельство полярное, не погубите!..

Тюлень издаетъ свой звукъ, похожій на „пипъ“.

— Пить изволите? Сейчасъ принесу вамъ браги...

Появляется моя маленькая кофейная чашечка съ брагою и устанавливается передъ удивленнымъ тюленемъ.

Онъ дѣлаетъ движеніе катрочкой, какъ бы отмахиваясь отъ нашего любимаго напитка.

— Позвольте, баринъ, рюмочку коньяку!—обращается ко мнѣ Мишка.

— Перестань дурачиться! Не нужно мучить звѣря. Довольно. Неси его въ прорубь, онъ высохъ.

Тюлень, дѣйствительно, уже обсохъ, и теперь пестрая, пушистая шерстка его, при яркомъ свѣтѣ лампы, отливала и золотомъ и серебромъ.

Мишка осторожно беретъ тюленя на руки, завертываетъ его во что-то бѣлое, должно быть, нашу скатерть, но прежде чѣмъ вынести, подноситъ его къ нашему зеркалу, замѣчая:

— Не угодно ли взглянуть на себя вашему сіятельству?

Тюлень смотритъ на свое изображеніе въ зеркалѣ, и, вдругъ, мы видимъ, у него побѣжали изъ глазъ крупныя, свѣтлыя слезы.

— Соскучились по мамушкѣ!.. Сейчасъ! Сейчасъ! — И Мишка убѣгаетъ, чтобы вернуть его опять въ родную ему стихію.

* * *

Мы думали, что тюлень теперь никогда уже болѣе не покажется въ нашей проруби.

Но на другое же утро Мишка вбѣгаетъ къ намъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что господинъ Пипъ лежитъ у проруби и ожидаетъ отъ насъ отвѣтнаго визита.

Мы высовываемся тихонько изъ дверей и, дѣйствительно, видимъ господина Пипа, какъ ни въ чемъ не бывало, полеживающаго у нашей проруби и, повидимому, даже благосклонно относящагося къ знакомству съ нами.

Послѣ этого Мишка не разъ ловилъ его и все тѣмъ же простымъ приборомъ, ловушкой со льдинкою, приморожденной къ бечевочкѣ, протянутой на наше крылечко.

Господина Пипа приносили въ комнату, и мы угощали его всевозможными способами, а Мишка развлекалъ его и насъ своею болтовнею.

Тюлень, какъ-будто, даже не особенно этимъ всѣмъ стѣснялся; но только не переносилъ трубки табаку, которую ему всовывали въ ротъ отчаянные наши курильщики, но съ которой онъ былъ, дѣйствительно, безподобенъ.

Мишка кормилъ его сахаромъ; онъ угощалъ его блинами на масляницѣ; онъ даже христосовался съ нимъ весной во время Пасхи какимъ-то чаечьимъ пестрымъ яичкомъ.

Тюлень замѣтно подросталъ, но ни за что не уходилъ изъ нашей маленькой рѣчушечки, видимо, довольный тѣмъ, что ему не нужно каждый день процарапывать толстый морской ледъ и появляться на поверхности, чтобы погрѣть на солнцѣ свое сырое толстое и лѣнивое тѣльце.

Въ іюнѣ мы постоянно видали его у самой нашей зимовочки, на толстой морской льдинѣ. Онъ не обращалъ уже вниманія на нашихъ собакъ, когда онѣ лаяли на него, и только съ любопытствомъ наблюдалъ за ними.

Мы уже хотѣли воспользоваться случаемъ и увезти его на ожидаемомъ пароходѣ въ какой-нибудь зоологическій садъ; но какъ разъ передъ прибытіемъ парохода ледъ вынесло, и нашъ Пипъ теперь только показывалъ намъ свою голову, высовывая ее изъ воды передъ самой нашей зимовкой.

* * *

Настала грустная минута, когда мы должны были проститься навсегда съ этимъ полярнымъ берегомъ и выѣхать домой.

Мы усаживались въ нашу лодочку, чтобы переѣхать на пароходъ, какъ вдругъ около берега показывается нашъ Пипъ.

— Смотрите, Пипъ провожаетъ насъ въ дорогу!—кричитъ намъ Мишка.

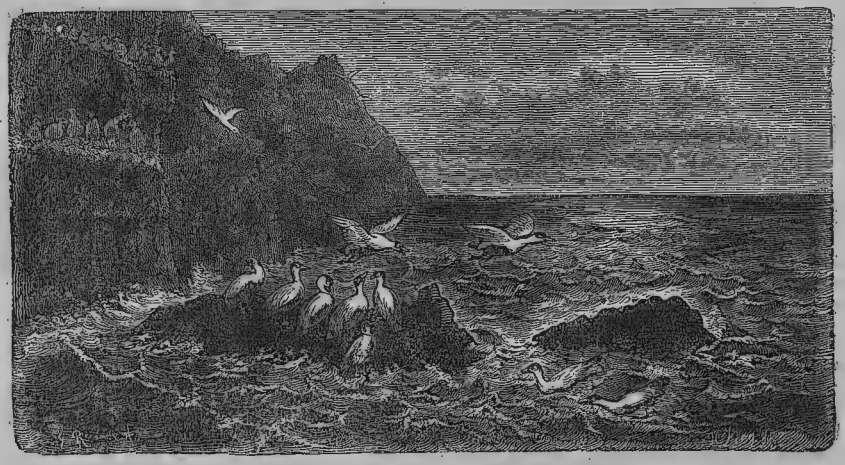
Мы оглядываемся; дѣйствительно, Пипъ, теперь уже превратившійся въ порядочнаго тюленя крѣпкаго сложенія, какъ ни въ чемъ не бывало, высунулся изъ воды около самой нашей лодочки и смотритъ съ удивленіемъ на насъ, какъ бы спрашивая: куда мы ѣдемъ.

— Прощай, Пипъ! Прощай, Пипъ!—закричали мы, и у насъ невольно выступили слезы.

Пипъ поднялся еще выше надъ поверхностью воды, высунулся еще болѣе, обнаруживъ серебристую свою грудку и, вдругъ, бултыхнулся въ воду, показавъ намъ на прощанье только свои катры.

Мы тронули весла...

Вѣроятно, Пипъ и теперь еще живетъ у этого знакомаго, родного намъ берега полярнаго острова, если только не подсмотрѣлъ его зоркій и завистливый глазъ охотника и не уложилъ его мѣткою пулей.



НА ЮРОВОЙ.

(Изъ путешествія по Сѣверу).

Это было лѣтъ пять тому назадъ; я зимой на саняхъ спускался внизъ по рѣкѣ Иртышу, проѣздомъ на дальній Сѣверъ.

Дѣло было передъ самымъ Рождествомъ, которое мнѣ хотѣлось провести въ г. Березовѣ, чтобы Новый годъ встрѣтить уже въ далекомъ полярномъ Обдорскѣ, и, какъ сейчасъ помню, стояли лютые морозы. Я кутался въ свою доху и шубу, такъ что почти не смотрѣлъ на рѣку Иртышъ въ ея зимнемъ нарядѣ.

Впрочемъ, что было и смотрѣть? Обрывистый, песчаный берегъ по правую сторону пути; на противоположной сторонѣ словно черная черта на картинѣ художника: линія берега съ низкорослыми, занесенными снѣгомъ тальниками, и только развѣ гдѣ подчасъ выдвинется высокій, обрывистый берегъ или мысъ съ подмытыми елями, тонкими березками

и соснами, поваленными въ самую воду, или вдругъ выглянетъ деревушка съ высокими столбами дыма, почти стоящими въ воздухѣ отъ мороза. Бѣдный, малонаселенный край, въ которомъ люди живутъ, пропитываясь исключительно лѣсной птицей звѣремъ и рыбой, въ которомъ существуетъ одна бѣднота, брошенная, казалось, самой судьбой на произволъ этой суровой, негостепріимной природы.

Встрѣтится порою какое-нибудь селеніе на заливномъ берегу около ветелъ, но дорога даже не заходитъ въ него, словно считая это ненужнымъ, и снова десятки верстъ только одна рѣка, ея печальные берега и снѣжная, безконечная пустыня.

Лучше ѣхать ночью по такой пустынѣ Сѣвера, когда по крайней мѣрѣ воображеніе рисуетъ что-то другое, иной разъ немыслимое, особенно въ лунныя тихія задумчивыя ночи.

Я прекрасно помню одну такую ночь на Иртышѣ.

Словно дымъ, паръ какой разстилается надъ мощной бѣлой рѣкой, изъ-за берега выкатывается печальная луна, перистыя облака перехватываютъ ея лучи и все окружающее: ямщикъ въ вывороченной оленьей шубѣ, лошади съ облакомъ пара отъ пота, ветлы на самомъ берегу, съ бѣгущимъ между вѣтками ихъ мѣсяцемъ, противоположный обрывистый берегъ съ темнымъ лѣсомъ, бѣлая пелена рѣки,— все принимаетъ такой волшебный видъ, словно это не дѣйствительность, а картина. И вдругъ мѣсяцъ вырвался и освѣтилъ все яркимъ переливающимся свѣтомъ, и снѣгъ заискрился милліонами разноцвѣтныхъ звѣздъ, ветлы словно покрылись серебромъ, и темный лѣсъ противоположнаго мыса еще рѣзче вырисовался на свѣтломъ фонѣ неба, выдѣляясь теперь на немъ каждою вѣткою своихъ остроконечныхъ высокихъ вершинъ.

И поѣздъ нашъ: моя кошевочка, запряженная тройкою лошадокъ гусемъ, ямщикъ съ длиннымъ бичомъ на передкѣ, другой, скачущій на передней лошади въ туманѣ мороза,—

все принимаетъ такой фантастическій видъ, что я засматриваюсь и почти вылѣзаю изъ кошевки.

Вдругъ, среди этого бѣлаго, искрящагося тумана мелькнули впереди красные огоньки, красивые огоньки на самой рѣкѣ, на самомъ плесѣ.

Сначала мнѣ это показалось даже обманомъ зрѣнія, такъ это было непонятно, неожиданно и странно, но прошла минута—огоньки видятся, прошла другая—огоньки какъ-будто куда-то бѣгутъ, желая скрыться за лошадей и становится все ближе и ближе.

— Что это, какъ будто тамъ огни?—спрашиваю я ямщика, который продолжаетъ ухать.

— Да, огоньки, баринъ,—отвѣчаетъ тотъ.

— Селеніе, что ли, на берегу?

— Нѣтъ, это чердаки.

— Какіе чердаки?

— Избушки рыболовныя, гдѣ, значитъ, зимою проживаютъ рыбаки.

— Да развѣ зимою здѣсь также рыбу ловятъ?

— Какъ же, баринъ, зимою здѣсь только и ловъ, когда рыба становится на зимовку. Такіе мѣста у насъ прозываются *юровыми*.

— А, юровой промыселъ!—припоминаю я, что гдѣ-то читалъ, и неизвѣстная для меня ловля рыбы такъ меня сразу занимаетъ, что я, не долго думая, прошу ямщика заѣхать на „чердакъ“, тѣмъ больше что давно уже хочется и погрѣться съ мороза и напиться чаю.

Отъ чаю сибиряки никогда не отказываются, не отказался и мой ямщикъ, желая, вѣроятно, тоже согрѣться въ дальней дорогѣ.

— Что же, чаю напиться въ дорогѣ, это одно почтеніе,— отвѣчаетъ. Съ удовольствіемъ завезу васъ, господинъ, на чердакъ къ одному знакомому рыболову. Душа человѣкъ, каждый разъ заѣзжаю, когда провожу пассажировъ этой до-

рогой. Скучно тоже имъ, рады и нашему брату, и ужъ непремѣнно разспросятъ: кого возилъ и кто куда, по какому ѣдетъ дѣлу. Смотришь, рыбы мороженой поѣшь и вдоволь погрѣешься у самовара съ мороза.

И разговорившійся ямщикъ скоро сворачиваетъ съ пути, попадаетъ, хотя не сразу, на какую-то тропинку, и лошади бредутъ въ глубокомъ снѣгу; колокольчики сразу перестаютъ весело бренчать и какъ-то затихаютъ.

Чу! лай собакъ. На чердакѣ замѣтили подводу, и подъ самымъ берегомъ рѣки, подъ самой его лѣсною кручей вдругъ растворились словно огненныя двери, и на насъ, на нашу тройку и кошевку ударилъ лучъ свѣта.

— Чувалъ затопили рыбаки,—замѣтилъ мой ямщикъ при видѣ этого зарева и свѣта.

И лошади стали взбираться на припай льда, я выставился изъ своей кошевочки, и передо мною сразу обрисовалась маленькая, черная, занесенная снѣгомъ избушка, въ дверяхъ которой, несмотря на морозъ, какъ будто застыли люди, остановившись въ недоумѣніи въ однѣхъ рубахахъ.

Еще нѣсколько томительныхъ минутъ высокаго подъема на берегъ, и мы у самой избы и около насъ какія-то темныя фигуры.

Казалось, онѣ были въ немаломъ удивленіи, когда увидѣли не одного ямщика, а съ пассажиромъ.

Но мой ямщикъ вывелъ ихъ скоро изъ этого затрудненія.

— Барина привезъ, захотѣлось погрѣться у васъ съ дороги. Ну и морозъ!—добавилъ онъ, привязывая лошадей къ самому углу избушки;—такъ за носъ и щиплетъ.

Фигуры зашевелились, и я услышалъ ласковое приглашеніе:

— Милости просимъ, рады принять, только не осудите на избушкѣ...

„Вотъ такъ „чердакъ!“—подумалъ я, когда разсмотрѣлъ снаружи эту маленькую рыболовную избушку.

Она всего была въ какія-нибудь двѣ квадратныхъ сажени величиной; крыши на ней не было, кажется, и въ поминѣ, и единственное, что было еще, это дверь и ледяное маленькое квадратное окошечко, мигавшее теперь огнемъ отъ свѣта горѣвшаго чувала. Устроена она была на какомъ-то прилѣпѣ, на самомъ неудобномъ обрывистомъ берегу; выше ея виднѣлись нависшія ели и сосны, еще выше—небо съ своими звѣздами, а ниже, почти подъ отвѣсомъ—рѣка и противоположнымъ берегомъ.

Настоящій чердакъ, должно быть, съ красивымъ видомъ днемъ.

Однако, разглядывать было некогда; двери передо мной уже распахнулись, и я залѣзъ въ этотъ таинственный чердакъ, словно въ какую-то каюту парохода.

Изба, дѣйствительно, была немного болѣе каюты; половину ея занимали просторныя нары въ видѣ полка въ нашей обыкновенной деревенской банѣ, и какъ разъ у самыхъ дверей и у окна стоялъ пылавшій теперь чувалъ съ трескучими дровами. При свѣтѣ его, при свѣтѣ пылающихъ столбомъ длинныхъ, аршина въ полтора, дровъ, я быстро осмотрѣлъ избушку, на стѣнахъ которой торчали крючки, а съ потолка свѣшивались сѣти, представляя необыкновенное зрѣлище, какъ будто это была не изба, а какая-то рыболовная ловушка.

Когда слѣдомъ за мной туда вошли два ея хозяина и потомъ влѣзъ въ своемъ мохнатомъ костюмѣ мой ямщикъ, было рѣшительно негдѣ повернуться, и я первый сѣлъ поскорѣе на нары этого страннаго чердака, чтобы дать возможность другимъ двигаться и шевелиться.

— Милости просимъ, милости просимъ, мы рады гостямъ,— говорили между тѣмъ надъ моимъ ухомъ,—и я разсмотрѣлъ теперь при свѣтѣ костра черныя лица нашихъ привѣтливыхъ хозяевъ-рыболововъ, которыхъ сразу нельзя было причислить ни къ какому племени: то ли это остяки, то ли во-

гулы, то ли русскіе казаки изъ мѣстныхъ жителей, потому что они болѣе походили на цыганъ по цвѣту своей кожи. Но это были русскіе люди, только прокоптившіеся на этомъ чердакѣ отъ дыма, и я не могъ не замѣтить, шутя:

— Однако, вы прокоптились тутъ...

— Не говорите, баринъ: за людей не считаютъ насъ, когда мы ворочаемся отсюда къ нашимъ бабамъ.

— Зачѣмъ же ваше жилье называется чердакомъ, когда это просто рыбная коптилка?—спрашиваю я при общемъ смѣхѣ.

— Вѣрно ваше слово, настоящая коптилка, только бы и коптить въ ней рыбу и моксуновъ; а только прозвали ее изстари наши старики зачѣмъ-то чердакомъ и такъ и зовутъ по настоящее время... Изба—не изба, избушка—не избушка, а просто чердачокъ, какъ вотъ бываютъ на вышкахъ. Должно полагать, потому чердакомъ ее прозвали, что она какъ чердакъ на этомъ высокомъ берегу, откуда все видно.

— Зачѣмъ же вы ее устроили на такомъ неудобномъ берегу и на самомъ обрывѣ?

— А чтобы далеко было видно...

— Да что вамъ тутъ смотрѣть?

— А чтобы нашу рыбу кто тутъ не половилъ, баринъ. Мы вѣдь арендаторы этого мѣста—юрового, и намъ жаль, если кто, крадучись, начнетъ тутъ на плесѣ рыболовить...

Признаться сказать, я еще никогда не видалъ такихъ арендаторовъ, которые похожи были скорѣе на кочегаровъ. Но арендаторы-крестьяне изъ ближайшаго села были, видимо, добрые люди, и я попросилъ ихъ разсказать, что такое юровое плесо, чтобы выяснить себѣ этотъ новый видъ рыбной ловли, какъ слѣдуетъ.

— Что же это за юровое плесо?—спрашиваю я.

— А это, видите ли, господинъ, омутъ глубокій такъ прозывается, на которомъ становится на зимовку рыба.

— Глубокій омутъ?

— Да, глубокій омутъ. Рѣка здѣсь Иртышъ быстрая, въ разливъ бываетъ еще быстрѣе, вотъ сами, можетъ, видѣли дорогою, какіе берега высокіе подрываетъ; такъ вотъ подъ такими берегами она вырываетъ себѣ омутъ, и такъ какъ тутъ, въ этомъ омутѣ, вода ужъ тихая, рыбу теченіемъ не безпокоитъ, она и становится въ такіе омута на зиму, чтобы дождаться большой воды и снова подняться по рѣкѣ кверху.

— Развѣ спускается сверху здѣшняя рыба, а не заходитъ съ моря, съ Ледовитаго океана?

— Кто ее знаетъ, только старики сказывали, что рыба, особенно стерлядь, спускается съ верховьевъ этой рѣки, отъ самаго Китая, гдѣ ея много. Спустится лѣтомъ, перезимуетъ здѣсь, выкидаетъ лѣтомъ икру въ заливныхъ озерахъ, и снова поднимается на свою родину, къ Китаю.

— Какая же рыба становится на вашъ юровой омутъ?

— Всякая, господинъ, становится: и стерлядь, и нельма, и язь, и налимъ, и тотъ становится на зимовку съ другой рыбой, только всѣ онѣ становятся своимъ руномъ, стадомъ, и не мѣшаются другъ съ другомъ.

— Какъ же онѣ становятся?—продолжаю я разспрашивать.

— А по порядку становятся: какая, значитъ, рыба какую глубь и воду любитъ, такъ тутъ и становится, какъ на свое любимое мѣсто. Осетръ ложится на самое дно, какъ тяжелый, стерлядь становится около или поднимается надъ нимъ на аршинъ и выше; потомъ нельма, какъ бойкая, которая любитъ быструю воду, становится надъ ними, потомъ язь и налимъ, такъ становятся и стоятъ всю зиму.

— Такъ пластами и стоятъ цѣлую зиму?—перебиваю я, удивленный этой картиной подводнаго міра.

— Такъ пластами и стоятъ,—повторяетъ разсказчикъ мои слова.

— Но вѣдь это тяжесть, если рыба помѣщается сверху другой такими пластами?

— Нѣтъ, тяжести тутъ нѣтъ: она становится на водѣ, а

не ложится рыба на рыбу. Какъ рыба стоитъ на водѣ, такъ она и стоитъ на зимовкѣ. Станетъ на какой угодно высотѣ или глубинѣ и стоитъ, огребается плавниками и поматываетъ легонько хвостикомъ. Одна за другой, одна за другой, которая повыше другой рыбки, которая пониже, это все равно, только стоитъ она стадомъ, и ужъ промежъ нея нѣтъ чужой рыбы; да еще становится возрастами: крупныя пониже, молодь повыше, маленькія на самомъ верху.

— А вы видали когда-нибудь, какъ она стоитъ и зимуетъ?

— Какъ же, видали, гдѣ на чистой водѣ и не очень глубоко. Стоитъ густо такъ, одна возлѣ другой, бокъ-о-бокъ, только вотъ плавниками и хвостомъ другъ друга чуть не задѣваетъ; то мотнется въ одну сторону, если ее относитъ теченіемъ, то мотнется въ другую, но ни въ жизнь не потревожитъ товарища, знаетъ тонко каждая свое мѣсто.

— И густо?

— Такъ густо, что вотъ только можно опустить развѣ рыболовный крючокъ между рыбою.

— И не пугается, если опустить туда вотъ такой крючокъ, какой я у васъ вижу?—указалъ я на ловушку рыболовную, которая была развѣшена, вѣроятно, для просушки, на стѣнкѣ.

— Нѣтъ, только отодвинется, сожмется немного отъ этого. Ну, если ударить по водѣ чѣмъ, она встрепенется...

— А не бросится, не уйдетъ прочь?

— Куда она, бѣдная, пойдетъ тутъ зимою? Если ужъ особенно тревожить ее, можетъ отодвинуться къ тому или другому берегу омутища и только.

— Какъ же вы ловите ее?—спрашиваю я, заинтересованный такой картиной жизни рыбы.

— Да такъ и ловимъ, пользуемся ея беззащитностью. Долбимъ луночки, гдѣ она стоитъ, опускаемъ туда крючочки и ждемъ, когда она попадется на нихъ сама...

— Насаживаете что на нихъ?

— Нѣтъ, ничего не насаживаемъ; рыба зимою не нуждается въ кормѣ, живетъ одной водой. Только бы вода для нея была свѣжая, проточная, она прозимуетъ прекрасно. Жирная рыба все, стоять ей легко, корму ей тогда не надо.

— Какъ же она ловится тогда? я не понимаю,—говорю я.

— А вотъ этой ловушкой.— Разсказчикъ снимаетъ со стѣны и показываетъ мнѣ шнуръ, длиною саженъ въ десять, съ привязанными къ нему веревочками и крючками съ поплавками.—Бываютъ онѣ въ 20 крючковъ, 22, бываютъ въ 60, смотря по мѣсту, и бываютъ 120 переметы.

— Какъ же вы ставите ихъ поперекъ теченія?

— На стерлядь—поперекъ, на осетра—тоже поперекъ, но на самое дно.

— Ну?

— Ну, рыба стоитъ около, видитъ, поплавочекъ мотается на водѣ, ее задѣваетъ тихонько, начинаетъ играть съ нимъ плавникомъ и хвостикомъ, смотришь, крючокъ ее и задѣлъ. За что бы онъ ни задѣлъ, это все равно: разъ онъ задѣлъ, онъ ея не отпуститъ. Задѣлъ ее тихонько, укололъ ее въ бокъ или брюшко, она отъ него въ сторону отъ боли, а ему только это и нужно, нашему крючочку: сейчасъ это въ самое тѣло войдетъ, или захватится жабринкой... Ну, захватился, тутъ уже она не уйдетъ, бѣдненькая, достанется рыболову...

— Какъ же вы тутъ и сидите у прорубки, караулите?

— Нѣтъ, зачѣмъ караулить? Мы смотримъ три раза въ день наши переметы: утромъ, въ полдень и самымъ вечеромъ. Она, эта рыба, зимою тихая, будь то нельма бойкая, будь то стерлядочка, будь то самый большой осетръ; какъ попалась на крючокъ, такъ и дождется тебя. Пойдешь досматривать ловушечки, и вытащишь ее въ прорубку. Молоточкомъ, колотушечкой ее сейчасъ по головкѣ разъ, вытянулась она на льду и заснула сейчасъ, замерзла.

— И осетра также?

— И осетра. Зимой, я уже сказалъ, вся рыба не то, что лѣтомъ: смирная. И осетра тоже выволокешь такъ тихонько, только уже вытащишь съ товарищемъ, и стукъ по головкѣ...

— И много такъ рыбы ловите зимами?

— Какъ Богъ дастъ, какое выпадетъ на счастье юровое, въ водѣ не видно, когда берешь аренду у мужиковъ, дѣло темное. Когда хорошее юро остановится, хорошая вода, тогда хорошее бываетъ и юровое; когда худой годъ, такъ тутъ почти и дѣлать нечего,—только ледъ долбишь.

— Бываютъ года,—продолжалъ онъ,—что изъ одной проруби вынешь рублей на 120 рыбы.

— О, о!—удивился я.

— Бываетъ, что изъ той же проруби и всего пуда по три обойдется. Какъ ловъ, такъ Богъ, на все Божья воля,—заключилъ онъ, вѣшая снова на стѣну крючки перемета и затѣмъ приглашая меня къ чаю.

Пока мы разговаривали, ямщикъ курилъ табакъ и кипятилъ намъ мѣдный закопченый чайникъ, а другой товарищъ арендатора, такой же черный и закоптѣлый, какъ самъ чайникъ, дѣлалъ намъ чай. Я и не замѣтилъ, какъ передъ нарами очутился небольшой столикъ съ парою чашекъ чая и съ цѣлой чашкой мерзлыхъ кренделей.

Видя такое радушіе и угощеніе, я распорядился, чтобы мнѣ принесли бутылку дорожнаго рома.

Это произвело такое впечатлѣніе на моихъ арендаторовъ, что они даже какъ будто лишились языка.

Но это молчаніе продолжалось ровно до тѣхъ поръ, пока мой серебряный дорожный стаканчикъ не обошелъ ихъ по порядку. Послѣ этого разговоръ сразу принялъ задушевный оттѣнокъ; арендаторы сунулись оба за двери и принесли мороженой рыбы на закуску.

Рыба эта оказалась маленькой стерлядью, желтою, съ желтымъ брюшкомъ.

— Гдѣ вы достали такихъ одногодковъ?—удивился я тому, что рыба вся ровная.

— А съ юра, юровая, баринъ, самая свѣженькая, только что принесли передъ вами съ ловли...

Рыбки, маленькія, четверти въ полторы, лежали на столѣ, словно размѣренныя, и всѣ съ раскрытымъ отъ удара по головѣ ртомъ.

Я взялъ одну изъ нихъ и посмотрѣлъ, куда она попалась на крючокъ.

— А вотъ видите: брюшко у ней легонько уколото, тутъ ее и задѣло, бѣдняжку, острее крючочка.

Дѣйствительно, на брюшкѣ былъ уколъ, словно сдѣланный иголкою и только.

— Какъ же ее ѣсть мороженую, сырую?—спрашиваю я.

— А вотъ, позвольте мы ее вамъ приготовимъ!

Хозяинъ чердака сгребъ рыбокъ себѣ въ подолъ, разостлалъ на грязномъ полу какой-то плетеный изъ травы коврикъ и сталъ ловко снимать съ нихъ шкурки, повертѣвъ ихъ всего съ минуту времени передъ самымъ пламенемъ чувала.

Шкурки легко слѣзали съ нихъ; обнажилось желтое и полосатое мясо, и онъ нарѣзалъ его кружочками поперекъ рыбы; и эти кружочки, приправленные солью и перцемъ, оказались превкусной закуской.

— Куда же вы сдаете ее?—спрашиваю я, запивая эту закуску чаемъ.

— Въ Петербургъ и Москву отправляемъ къ праздникамъ.

— Скупщики у насъ тутъ ее обираютъ ежедневно. Наберутъ возокъ-другой вотъ такой дорогой рыбы и на почтовыхъ отправляютъ въ Тюмень. А тамъ, сказываютъ, чугунка ихъ везетъ, и вотъ смотришь, здѣшняя рыба уже въ Москвѣ и Питерѣ.

— Почемъ же вы сдаете ее здѣсь?

— Случается, рублей по 12, случается порой и дороже,

по спросу, которая крупная, а вотъ эту мелочь сдаемъ больше по 8 рублей пудишко.

— Хорошая цѣна,—удивился я такой стоимости рыбы.

— Слава Богу, кормиться можно рыбою, а что берутъ тамъ на мѣстѣ, мы не знаемъ. Поди, эта вотъ стерлядочка свѣжая тамъ на мѣстѣ у васъ чего стоитъ!

— Да,—отвѣтилъ я,—тамъ уха изъ нея на рубль порція выходитъ въ среднемъ ресторанѣ.

Рыбаки даже ротъ раскрыли отъ такой цѣнности своей рыбы.

— А мы здѣсь ее десятью фунтами валимъ вотъ въ котелъ свой и угощаемся рыбою.

— Вотъ гдѣ, Кузьма, продавать намъ надо свою рыбу,— замѣтилъ одинъ другому, шутя.

— Только пустятъ ли насъ туда такихъ черныхъ, послѣ такого чердака на берегу нашего юрового?—замѣтилъ тотъ.— Всѣ засмѣялись и разговоръ перешелъ на шутки.

* * *

Мы засидѣлись долгонько на этомъ чердакѣ, чувалъ уже догоралъ и тлѣлъ углями; мой ямщикъ, казалось, забылъ про нашу тройку, а я про то, что надо торопиться къ далекому Березову, и, помню, мы только часа черезъ два покинули радушныхъ рыболововъ этихъ на чердакѣ и тронулись въ путь. Насъ провожали пожеланіями всего хорошаго и еще одарили свѣжей рыбой словно въ оплату за бутылку рома.

На чердакѣ я познакомился съ рыбаками и, узнавъ про ловлю юровой рыбы, не могъ видѣть своими глазами этой ловли, потому что было поздно, а оставаться до утра, какъ ни просили рыболовы, я не рѣшился, потому что спѣшилъ къ Рождеству въ Березовъ.

Впрочемъ, они меня успокоили, говоря:

— Дальше дорогой и сами вы увидите эту рыбную нашу ловлю. Вплоть до самой Оби ловятъ такъ по Иртышу рыбу зимою.

И они были правы: на другой же день, проѣзжая дальше

Иртышомъ, я встрѣтилъ юровое, такъ же какъ и у нихъ, среди рѣки, съ чердакомъ на самомъ обрывѣ горнаго берега.

Издали это было что-то въ родѣ золотого пріиска, только на снѣжной, ледяной равнинѣ: повсюду стояли сани, возы, саночки, и копошились люди съ ломами; вся рѣка надъ омутомъ, на пространствѣ, пожалуй, полверсты, была покрыта пожелтѣвшимъ льдомъ, блестѣла подъ солнцемъ ледяными искрами, и всюду люди, большею частію мужики, долбили ледъ, который съ глухимъ громомъ трескался по временамъ, вѣроятно, осѣдая. Вдобавокъ на всемъ пространствѣ долбленой рѣки были поставлены колышки, въ наклонномъ видѣ со спущенными шнурами, которые словно разбивали всю рѣку на клѣточки.

— Постой, остановись, ямщикъ!—говорю я своему новому возницѣ.

Онъ останавливаетъ лошадей, и я иду къ ближайшимъ рыболовамъ.

— Богъ на помощь! Клевъ на рыбу!

— Спасибо, баринъ!

И я прошу показать мнѣ, какъ они ловятъ юровую, говоря, что еще въ первый разъ вижу такую ловлю.

Добрые люди вездѣ находятся, и изъ группы рыболововъ, которые заняты были долбленіемъ старыхъ, замершихъ за ночь лунокъ, выдѣлился одинъ бравый сѣдой старикъ, который пригласилъ меня идти за собой, вѣроятно, направляясь къ своимъ уже выдолбленнымъ ловушкамъ.

— Вотъ, пожалуйте, посмотрите нашу ловлю.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ, утопая порою въ снѣгу, который намело на мѣстѣ ловли вѣтромъ.

— Самая простая у насъ, господинъ, ловля,—обратился онъ ко мнѣ, когда мы подошли къ просторной чистой лункѣ:—вотъ это мѣсто мое, вотъ всѣ мои восемьдесятъ колышковъ-лучочковъ; у насъ юровая раздѣлена на паи, вотъ я тутъ и долблюсь каждое утро.

— Тяжело, поди, тебѣ, дѣдъ, долбиться тутъ на старости?

— Какъ не тяжело, да что подѣлаешь! Иной разъ хорошо приготовляешь лунки и засыплешь ихъ къ ночи снѣжкомъ или заложишь соломкой,—ничего, онѣ не мерзнутъ шибко; придешь на другой день, отроешь лунку,—и она готова. Ну, а другіе вонъ дня по два пируютъ, не смотрятъ луночки—и долбятся, почитай, весь день, когда надо ловить рыбу.

— Это что же у тебя спущено, переметъ?

— Переметъ, на двадцать крючочковъ. Здѣсь мелкое мнѣ досталось нынче мѣсто, и я ставлю маленькіе переметы.

— Можно посмотрѣть, вытянуть хотя одинъ?

— Можно, вотъ пойдемте, вытянемъ общими силами! Одинъ здѣсь я уже осмотрѣлъ и обобралъ рыбу, а тамъ еще не смотрѣно.

Мы подошли шаговъ черезъ полсотни къ новому ряду лунокъ, которыя, дѣйствительно, сегодня не имѣли слѣдовъ лома.

Старикъ спокойно, не торопясь, опахнулъ наметенный ночью снѣгъ, долбнулъ раза три, и корка льда живо отскочила, еще немного—и очищена веревочка; очистилъ еще нѣсколько рядомъ лунокъ, съ которыми она сообщалась, и дѣло было готово въ нѣсколько минутъ. Мы начали тянуть шнурокъ, складывая кругомъ пустые поплавки и крюки.

— Господи, благослови!—проговорилъ дѣдъ.—Что-то тамъ въ водѣ какъ будто тащится живое.

Я припалъ къ самой лункѣ на колѣни, чтобы уловить появленіе рыбы, и скоро замѣтилъ, какъ что-то блеснуло, зазеленѣло въ водѣ противъ лунки и какъ бы даже плеснулось.

— Стерлядочка?—спрашиваю я, замѣтивъ рыбу.

— Нѣтъ, кажется, нельмушка. Стерлядочка—та спокойная, ее, пожалуй, въ другое время вытащишь и не замѣтишь; ну, а нельма та другое дѣло, она бойка и зимой, а здѣсь самое такое мѣсто, гдѣ она водится и трется о песокъ и камни.

И съ этими словами онъ вдругъ выбросилъ ловко, въ одну секунду порядочную нельмочку, которая такъ и забилась, запрыгала на снѣгу.

— Ну, ну, полно, милая, не бейся! Богъ далъ—смирись,— и онъ ловко поймалъ ее скорченными отъ мороза пальцами, снялъ крючокъ, на который она поддѣлась около самаго крайняго плавника, и бросилъ ее съ силою о ледъ. Она сразу замерла, вытянулась и застыла.

Между тѣмъ, держа въ своей рукѣ шнурокъ отъ снасти, я почувствовалъ, что тамъ еще кто-то возится въ глубинѣ рѣки и тихонько трогаетъ, подергиваетъ его.

— Тамъ кто-то дергаетъ,—говорю дѣду.

— Дергаетъ? такъ выбирай потихоньку, выбирай, благословясь!—заговорилъ старикъ, довольный удачнымъ началомъ дѣла.—А я сбѣгаю за своими саночками, чтобы положить рыбку.

Я воспользовался этимъ позволеніемъ и сталъ торопливо тащить шнуръ, который все становился какъ будто тяжелѣе и тяжелѣе. Вдругъ шнуръ не пошелъ. Я опускаю его, онъ тонетъ, его ведетъ кто-то ниже и глубже; я подтягиваю еще, онъ пройдетъ немного и остановится. Отъ волненія у меня даже замерло сердце, но ничего, ровно ничего не могу подѣлать съ рыбою, которая не то упирается куда-то въ ледъ, не то запуталась и ее что-то держитъ.

Засучиваю рукавъ и погружаю руку въ воду; вдругъ что-то кольнуло меня, какъ иглою. На пальцѣ кровь, и въ самой маленькой прорубкѣ какое-то движеніе, и что-то темное возится тамъ, какъ будто шаркается о ледъ.

— Дѣдушка, дѣдушка!—кричу я, чувствуя добычу. Но дѣдъ идетъ тихонько, подвозя свои санки съ тяжелой корзиной.

— Дѣдушка, кто-то тутъ большой, кричу я ему навстрѣчу. Онъ останавливается и прислушивается, отворотивъ платокъ, которымъ у него завязаны уши.

— Дѣдушка, бѣги скорѣе, какъ бы не сорвался! Кто-то

большой, не могу вытащить,—кричу я ему. И онъ вдругъ бросается ко мнѣ, падаетъ на колѣни, видитъ кровь на моей рукѣ и смотритъ на меня недоумѣвающе.

— Укололся, вѣрно, на крючокъ?—Давай, я заговорю кровь-то,—начинаетъ онъ.

Но я говорю, что тамъ, въ проруби, есть кто-то большой и колется и что я никакъ не могу вытащить его.

Старикъ понялъ меня, наконецъ, схватилъ шнурокъ, поддернулъ, было, его повыше и сразу замолчалъ, сдѣлался серіознымъ.

— Погоди, погоди, не надо торопиться: торопливость нужна только блохъ ловить,—заговорилъ онъ весело.—Постой, счастливый же ты, вѣрно, баринъ!..

— А что, дѣдушка, кто-нибудь хорошій попался?

— Погоди, не торопись: вытащимъ, увидишь.

И онъ опустилъ въ прорубь какой-то кривой багорчикъ, сталъ водить тамъ, что-то отдѣвать, и въ проруби вдругъ показалась страшная голова съ заостреннымъ носомъ.

— Стерлядь крупная...—говорю я.

— Нѣтъ, Богъ далъ осетрика небольшого, осетрика Богъ далъ!

И онъ захватилъ его обѣими руками и сталъ вытаскивать его за скулы да такъ и вытащилъ, ставъ на ноги, какъ какое-то темное заплеснѣвшее бревно съ бѣлымъ громаднымъ брюхомъ.

— Смотри-ка, осетръ вѣдь!—удивился онъ, увидѣвъ уже брошенную растянувшуюся неподвижную теперь на снѣгу рыбу.

— Осетръ, дѣдушка, и вѣдь настоящій.

— Какъ не настоящій, что ты, господинъ? Осетръ и поди фунтовъ на тридцать, если не больше! Ну, счастливый ты! Повѣрь, съ осени только и добывалъ такихъ осетровъ, а теперь какъ распугали ихъ, такъ я даже и не дожидался.

Онъ сталъ колотить рыбу по головѣ своею колотушкою.

Осетръ дрогнулъ, вытянулся, пошевелилъ еще раза два своими плавнями, задрожалъ мелко-мелко хвостомъ и сталъ застывать на страшномъ морозѣ.

Между тѣмъ шнурокъ, брошенный на произволъ судьбы послѣ вытащеннаго осетра, пошелъ незамѣтно ко дну и чуть совсѣмъ не скрылся тамъ со всей своею тетивою.

Я живо схватилъ его и сталъ выбирать опущенную веревку.

— Кто-то опять тащитъ веревку, дѣдушка,—говорю я ему, ожидая новую добычу.

— Нѣтъ, кто тамъ есть послѣ осетра?

И дѣйствительно, скоро я вытащилъ уже пустую снасть, на концѣ которой былъ только маленькій якорь.

Между тѣмъ кровь изъ пальца не унималась, и дѣдъ вспомнилъ про нее, смотря, какъ я стараюсь унять ее обсасываніемъ, и живо занялся лѣченіемъ.

— Постой, заговорить надо кровь, чтобы что отъ рыбы этой не пристрѣло на руку. Рыбный уколъ хуже всякаго,— надо осторожно съ рыбой. Со мной разъ случилась бѣда, когда я вотъ такъ же укололъ руку, вынимая стерлядь. Она тоже колючая, какъ вотъ этотъ осетръ. Вѣдь всю зиму промаялся рукою, такъ она разболѣлась; а все отчего? Надо было высосать кровь, а потомъ завертывать тряпичкою и заговаривать руку.

И онъ неожиданно припалъ къ моей рукѣ, сталъ со всей силы, отдуваясь, сосать палецъ и, только высосавъ его такъ, что онъ сталъ почти безкровный, началъ шептать что-то, завертывая его разжеванной соломою пополамъ съ шерстью своей овчинной шубы.

Такъ, съ пальцемъ, завязаннымъ грязною тряпичкою отъ его шарфа, какъ съ воспоминаніемъ объ этой ловлѣ, я черезъ нѣсколько минутъ и отправился дальше къ своей кошевкѣ.

Старикъ приглашалъ, было, меня къ себѣ послѣ ловли рыбы въ свою деревню, но я такъ прозябъ на вѣтру, что ожидать его было мнѣ уже невмоготу.

* * *

Въ этотъ день и на другой еще до полдня я не разъ встрѣчалъ чердаковъ и рыболововъ на рѣкѣ Иртышѣ. Казалось, юровыхъ мѣстъ было тамъ еще тѣмъ больше, чѣмъ на рѣкѣ, и порою рѣка была сплошь издолблена, такъ что мы проѣзжали мимо лунокъ, уставленныхъ сплошь наклоненными въ одну и ту же сторону палочками.

А вечеромъ, ночью это было даже пріятное зрѣлище среди безконечной снѣжной пустыни: на льду горѣли костры, на берегу свѣтились оживленные огоньки чердаковъ, въ ледяныхъ окошкахъ среди костровъ двигались люди, и стояли лошади, даже на льду порою были маленькія ледяныя избушки, въ которыхъ, вѣроятно, грѣлись рыболовы.

Нѣкоторыя проруби были защищены парусомъ, чтобы ихъ не заносило снѣгомъ и чтобы можно было укрыться отъ непогоды.

Между тѣмъ морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ; казалось, земля на дорогѣ трескалась вмѣстѣ со льдомъ; казалось, рѣка подернулась какою-то дымкой отъ сжатаго воздуха, и тамъ, гдѣ были люди, такъ и стоялъ паръ, не поднимаясь высоко къ небу.

Этотъ страшный, трескучій морозъ загналъ меня на другой день въ одну ледяную, встрѣтившуюся на пути рыболовную избушку, словно нарочно толкнувъ туда, чтобы закончить мое знакомство съ юровымъ промысломъ.

Она, эта ледяная избушка, словно какой электрическій фонарь свѣтилась на самой срединѣ рѣки, на плесѣ.

— Сворачивай ямщикъ! Я что-то озябъ,—надо погрѣться, говорю я ямщику, который уже не разъ останавливалъ лошадей и обтиралъ имъ морды отъ инея и снѣга.

Онъ молча поворотилъ къ избушкѣ свѣтившейся всѣмъ своимъ остовомъ, и мы остановили лошадей у самаго входа.

Кто-то выскочилъ, заслышавъ храпъ нашей тройки съ колокольчиками, которые слабо звенѣли въ морозѣ.

— Можно погрѣться?—кричу я, выскакивая изъ кошевы.

— Милости просимъ!—отвѣчаетъ въ темнотѣ чей-то голосъ.

Я съ трудомъ влѣзаю въ ледяную избушку и сразу присаживаюсь на корточки къ огню, который попросту разложенъ посрединѣ.

— Озябли, видно?—слышу я голосъ изъ одного угла, въ которомъ выглянулъ кто-то изъ-подъ окутки.

— Признаться, даже порядочно,—отвѣчаю.

— Митька, подложь-ко дровецъ барину, — видишь, съ дороги!

Изъ другого угла показалась изъ вороха шубъ голова рыжаго мальчика, который живо бросился подкладывать дрова, помѣщавшіеся съ нимъ рядомъ.

Слѣдомъ за мной ворвался съ своей холодною шубой и мой ямщикъ, молодой парень. Огонь не помогалъ съ морозу, я сталъ еще больше дрожать, и попросилъ сходить за маленькимъ чемоданчикомъ, въ которомъ у меня хранилось другое отогрѣваніе на случай такихъ морозовъ.

Шикарный чемоданъ, казалось, произвелъ чарующее впечатлѣніе на рыжаго парня; когда я не безъ труда вынулъ оттуда бутылку коньяку, сразу поднялось еще двѣ головы изъ-подъ теплыхъ окутокъ; когда я подалъ предварительно своему кучеру, нѣкоторые спящіе и неподвижно лежавшіе вдругъ ожили и сѣли.

Рыболовы словно потеряли сонъ и стали предлагать намъ рыбы и чаю.

Рыжій мальчикъ, исполнявшій, повидимому, должность повара у рыболовной артели, былъ живо отряженъ за свѣжей рыбой на закуску; потомъ на его же долю пришлось въ морозъ слетать на лунку за водою, и черезъ полчаса кругомъ огня уже сидѣла цѣлая компанія, пробовала мой коньякъ и хвалила его.

Когда сонъ окончательно прошелъ и я увидѣлъ, что всѣ были довольны такимъ нечаяннымъ пробужденіемъ, я навелъ разговоръ на юровой промыселъ и сталъ спрашивать, какъ они рыбачатъ. Оказалось, это юровое принадлежитъ одному обществу—цѣлой деревнѣ, и вся деревня, верстахъ въ восемнадцати отсюда, является сюда каждый день и вся рыболовитъ.

— Какъ же вы дѣлите рѣку?—спрашиваю я, удивленный, что юровое не сдано въ аренду.

— Жребій кидаемъ, кому и гдѣ опускать снасти. Кому гдѣ попадетъ, тотъ тутъ и ловитъ. У насъ все рыболовное плесо занято деревнею.

— Какъ же вы ловите? Одинъ можетъ ловить чаще другого...

— Это ничего, всѣ дѣло только въ томъ, что мы выходимъ на ловлю въ первый разъ всѣ разомъ. Сначала, съ осени, когда рыба устанавливается, отряжаемъ довѣренныхъ, которые ощупываютъ рыбу.

— Какъ ощупываютъ?—недоумѣваю я.

— А просто спускаютъ крючки и по нимъ узнаютъ, гдѣ стоитъ рыба и гдѣ ея нѣтъ. Ощупываютъ такъ, опредѣлятъ значитъ, много ли ее, широко ли она стала, и ставятъ вѣхи. Потомъ дѣлятъ рѣку по душамъ, потомъ кидаемъ жеребьи, гдѣ кому какое мѣсто выпадетъ на долю, и вотъ въ назначенный день выѣзжаемъ всѣ на плесо.

Батюшка пріѣзжаетъ съ причтомъ, молебенъ служится, нашъ староста ставитъ на берегу шестъ со снопомъ сѣна и, какъ время настанетъ, какъ всѣ соберутся со своими снастями на берегъ, онъ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ ружья, сотскій спускаетъ снопъ,—и ловля открыта.

— Посмотрѣлъ бы ты,—продолжалъ кудрявый рыболовъ, взявшійся за рюмкой коньяка познакомить меня съ своимъ юровымъ промысломъ,—какой праздникъ у насъ тутъ,—словно какая ярмарка! Купцы, скупщики съѣзжаются съ то-

варомъ изъ Тобольска: тутъ и возъ его стоитъ съ пряниками и орѣхами; тутъ и вѣсы у него у воза, чтобы принимать рыбу.

Народу сколько пріѣзжаетъ, только чтобы посмотрѣть и купить себѣ первой рыбки. Ледъ на рѣкѣ ломится, какъ всѣ сюда нагрянутъ. Ну, мы сейчасъ сюда съ берега, всякій на свое жеребьевое мѣсто. Всякій мѣтитъ, кто только какъ можетъ, поскорѣе выдолбить луночки, опустить и вынуть потомъ сѣти, и снасти. Ледъ гудитъ, какъ примемся ломами его долбить, гулъ пойдетъ по рѣкѣ, трескъ, какъ онъ станетъ садиться. Сейчасъ эти снасти въ воду поскорѣе, благословясь, и только опустишь одну, какъ вынимаешь другую. Когда густо ея стоитъ, тогда въ минутъ пять не болѣе на крючкахъ уже сидитъ рыба. Перепугана она, тутъ долбятся, здѣсь колютъ, въ водѣ повсюду повисли снасти, броситься ей некуда, чтобы на крючокъ къ которому не надѣться. Ну, и ловимъ мы тогда ее все равно, что вотъ черпаемъ какимъ ковшомъ изъ воды рыболовнымъ. Повѣрите, баринъ, десятки пудовъ вынимаемъ со снасти. Вотъ почему и аренду не отдаемъ, а сами пользуемся, сколько кому выйдетъ счастья. Ну, разумѣется, кто стоитъ на краю, тому поменьше, но зато, кто попалъ въ самую серединочку или на стрежъ, тому и пѣнки съ этой ловли.

— Какая же рыба сначала ловится?—спрашиваю я.

— А всякая. И язь попадетъ, когда черезъ него идутъ снасти, и налимъ брюхатый, и стерлядь, и осетрина.

— И рыба не разбѣгается?

— Нѣтъ, какъ не разбѣгается: тоже боится и она шума. Только кругомъ у насъ сѣти ставятся, и ея не выпускаютъ изъ юрового мѣста.

— И долго такъ продолжается?

— Дня три не больше. Въ три дня рыба уже расходится, а потомъ вотъ и долавливаемъ, что осталось.

— И помногу вылавливаете вы всей артелью, обществомъ?—спрашиваю я.

— По году и наша ловля: когда пудовъ пятьсотъ, когда пудовъ и тысячу хорошей красной рыбы.

— О-о, да вы богаты, значитъ,—замѣчаю я.

— Есть справные; въ нашей деревнѣ, почитай, весь народъ отъ этой рыбы исправный.

— Къ намъ наборщики не то, что откуда пріѣзжаютъ, съ самаго Тобольска. Обозами отправляютъ отсюда рыбу, возками по почтѣ, и, пока ловля эта самая идетъ у насъ, все народъ, все ярмарка, все народъ гуляетъ,—хвасталъ рыболовъ.—Ты заѣзжай, баринъ, къ намъ въ деревню, самъ увидишь. У Кузьмы Андреевича двухъ-этажный домъ, у Прокопья—у того лавка. Народъ все зажиточный, и всему причина эта рыба.

— И школа у насъ собственная, и недоимокъ нѣтъ, и бабы, дѣвки все здоровыя, и нѣтъ рѣзвѣе ребятишекъ,—заключилъ разсказчикъ.—Все юровой промыселъ намъ даетъ, имъ только кормимся, почитай, всю зиму, имъ только и держимъ все хозяйство.

Захмелѣвшій мужикъ, видимо, уже золотилъ свою деревню подъ вліяніемъ выпитаго, и я поторопился, обогрѣвшись, скорѣе ѣхать дальше, давъ ему слово непремѣнно заѣхать по пути въ его деревню и воочію убѣдиться, что она богата.

Дѣйствительно, часа черезъ два мы проѣзжали какую-то деревню, но мнѣ страшно хотѣлось спать, къ тому же морозъ сковалъ мои вѣки, и я только слышалъ эхо отъ звона нашихъ колокольцевъ и бубенчиковъ, когда мы проѣзжали мимо ея высокихъ домовъ.

На другой день я проснулся уже около села Самарова. Вдали была Обь; юровыя мѣста кончились, и кончилось мое дорожное знакомство съ этимъ интереснымъ промысломъ, которымъ живутъ зимою жители рѣки Иртыша въ Сибири.

НА ВАЖАНАХЪ.

Изъ путешествій по сѣверу.

— Бывали вы, баринъ, на важанахъ? — спросилъ меня какъ-то разъ казакъ-проводникъ, когда мы сидѣли съ нимъ въ одной маленькой остятской юртѣ на берегу рѣки Оби.

— Нѣтъ, никогда. Видѣлъ разъ ночью издали, проѣздомъ, но бывать не бывалъ. Не случалось. Да что тамъ интереснаго? добавилъ я.—Вѣроятно, лунки однѣ, крючки да разныя ловушки?

— Что вы!—даже взмолился старый казакъ, рыболовъ по профессіи;—да это у насъ первая на свѣтѣ ловля рыбы.

Лучше ея вы ничего не увидите. Народу на нее собирается мѣстами тьма, а про самоядь и говорить нечего: у нихъ это время осени, когда станетъ рѣка, въ родѣ какъ праздникъ во весь годъ ихъ бродячей жизни. Если вамъ не посмотрѣть,— добавилъ онъ,—не повидать, какъ рыбу важанятъ, такъ нечего и путешествовать по Сѣверу.

Собственно говоря, я давно слыхалъ про важаны и ими интересовался, но теперь, когда я ѣхалъ съ другою цѣлью, это просто было мнѣ не по пути; однако, упрекъ рыболова задѣлъ меня за живое, и я рѣшился спросить его, не будетъ ли это намъ по дорогѣ.

— Нѣтъ. Это въ сторонѣ. Но потерять день-два для этого стоитъ; пѣшкомъ туда пройти, и то стоитъ. А на оленяхъ-то! Далеко ли это, Кузьма?—обратился онъ къ сѣдому остяку, который прислушивался къ нашему разговору.

— Гоновъ десятокъ будетъ,—отвѣчалъ тотъ.

„Гоны" по-тамошнему значитъ оленій духъ — разстояніе, которое можетъ олень пробѣжать въ упряжкѣ не отдыхая: верстъ десять или восемь на худой конецъ. Я подсчиталъ въ умѣ, какое это будетъ разстояніе, и, прибавивъ къ этому еще половину, чтобы не ошибиться, рѣшилъ, что это возьметъ не два дня, а, пожалуй, всѣ четыре при нашемъ обычномъ способѣ передвиженія.

— Да гдѣ это?—спросилъ я, чтобы выяснить окончательно по картѣ это мѣсто.

Справившись съ картой, я увидѣлъ, что это еще дальше, чѣмъ я предполагалъ; но интересъ былъ уже возбужденъ этими важанами, проводникъ, казалось, тоже къ нимъ стремился, олени были еще свѣжіе, и я тутъ же сказалъ проводнику:

— Ну, поѣдемъ.

— Рѣшили-таки?—спросилъ онъ, словно еще не вѣря.

— Рѣшилъ. Распорядись провизіей и узнай хорошенько дорогу, чтобъ не заблудиться.

— Вотъ, дорогу!—даже словно обидѣлся ямщикъ на мое замѣчаніе:—дорога все рѣкой Обью.

Этимъ вопросъ о путешествіи и нашей поѣздкѣ былъ конченъ, и проводникъ отдался своимъ воспоминаніямъ о томъ, какъ онъ важанилъ въ старое время.

Видимо, и для остяка слова „важаны“ значило много, и черезъ полчаса они оба, сидя у огня горѣвшаго чувала, до того увлеклись воспоминаніями, что уже стали показывать руками, какъ важанятъ и бьютъ громадныхъ осетровъ на льду.

Я смотрѣлъ на нихъ и только улыбался: старики были въ эти минуты точно дѣти; разсказывая, они перебивали другъ друга и, помню, даже повалились спать на свои нары, не переставая разсказывать; кажется, они и во снѣ видѣли свои важаны и въ полузабытьѣ бредили ими.

„Счастливый народъ рыболовы!“—подумалъ я, слушая ихъ безконечную болтовню, и самъ, кажется, заразился ихъ настроеніемъ.

* * *

А поѣздка эта, дѣйствительно, была веселою.

Веселое солнце встрѣтило насъ утромъ, весело и беззаботно напились мы въ послѣдній разъ чайку у старой бабушки-остятки, весело и легко словили и запрягли оленей и словно не выѣхали, а скользнули на рѣку Обь на тройкѣ удалыхъ оленей, въ дорожной кошевкѣ, при свѣтѣ низкаго, но яснаго солнышка.

Вотъ и Обь, могучая, застывшая, безбрежная, какъ заливъ моря. На берегу мелькнула юрточка остяковъ-рыболововъ, словно послѣдній населенный пунктъ, далѣе котораго нѣтъ совсѣмъ уже человѣческаго жилья.

Пустынная, безжизненная, сѣверная страна, гдѣ человѣкъ осѣлъ жильемъ только на берегахъ рѣки, гдѣ онъ наполовину бродячій.

Но и въ этой сѣверной пустынѣ нѣтъ-нѣтъ и встрѣтится какой-нибудь слѣдъ этого подвижного человѣка: то пустой чумъ на берегу, гдѣ висятъ еще оставленныя съ лѣта рыболовныя сѣти, то юрточка, маленькая землянушка, гдѣ жили лѣтомъ рыболовы. Теперь около нихъ летаютъ однѣ только вороны, которыхъ не прогналъ еще морозъ далеко къ югу. И такъ цѣлые десятки верстъ проѣзжаемъ мы по Оби, пока не встрѣтится какое-нибудь маленькое случайное жилье: чумъ оленовода-самоѣда или маленькая русская факторія, которая оставалась на зиму для скупки звѣря и рыбы.

Несчастное жилье, гдѣ человѣкъ — обыкновенно прикащикъ съ рабочими—уже поблѣднѣлъ отъ неподвижной скучной жизни и заплылъ жиромъ отъ бездѣлія; онъ выбѣжитъ къ вамъ, встрѣтитъ васъ съ испуганнымъ лицомъ, отвыкнувъ уже отъ общества людей, отъ разговора.

Зайдете въ его избу, загляните въ его жилище, и вы только подивитесь, какъ живъ человѣкъ. Вмѣсто избы каюта на палубѣ баржи, стѣны изъ досокъ и обиты войлокомъ и шкурами, подъ ногами оленьи шкуры, на кроваги тоже онѣ, и даже одежда вся изъ оленьяго мѣха, словно это дикари какіе, а не русскіе жители. Эта хижина на баржѣ приспособлена для тяжелой полярной зимовки, и вѣтеръ свиститъ тутъ по цѣлымъ недѣлямъ въ полярныя сумерки, холодъ трещитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, раскалывая ледъ, дерево и камень.

Погрѣлись немного, выпили чайку и поѣхали дальше.

Вотъ и вечеръ уже, а важановъ еще нѣтъ. Вотъ и лунная ночь спустилась на рѣку, а важановъ не видно и не слышно.

— Скоро важаны?—спрашиваю я ямщика, видя, что пора бы было намъ остановиться на ночевку.

— Нѣтъ еще,—отвѣчаетъ онъ уклончиво.

Черезъ полчаса снова тотъ же вопросъ, но важановъ нѣтъ, словно и не бывало. Наши олени въ клубахъ пара, бѣлая повозочка, скользящая безъ дороги по сугробамъ

снѣга, крутой берегъ Оби, его утесы, льды, навороченные осеннимъ ледоходомъ,—все это кажется при свѣтѣ луны чѣмъ-то страннымъ, неестественно большимъ, какъ-будто мы не въ Сибири, а въ сказочной странѣ, гдѣ все облито яркимъ луннымъ свѣтомъ.

Вообще, лунный свѣтъ на сѣверѣ зимой необыкновенно ярокъ: бѣлизна снѣговъ еще усиливаетъ его, кристаллы снѣга искрятся, и порою стоячіе высокіе торосы-льды какъ будто даже вспыхиваютъ разноцвѣтными огоньками, невольно привлекая своимъ свѣтомъ вниманіе.

Вотъ фыркнули олени и бросились немного въ сторону. Это они заслышали на берегу волковъ. И, дѣйствительно, вскорѣ раздается вой, протяжный вой волковъ, словно они жалуются человѣку на наступившій голодъ, словно они жалуются небу на сѣверную пустыню.

Немного погодя новая тревога: олени бросились и понесли. Это бѣлый песецъ вырвался изъ-за тороса и перепугалъ пугливыхъ животныхъ.

Но вотъ какъ будто откуда-то въ морозномъ чистомъ воздухѣ запахло дымомъ. Олени ободрились, ямщикъ проснулся, и, нѣтъ-нѣтъ, какъ-будто какая-то струя другого воздуха на секунду коснется носа.

— Дымъ? Пахнетъ чѣмъ-то?—спрашиваю ямщика.

— Какъ-будто пахнетъ,—отвѣчаетъ онъ.

Дымъ костровъ, огня, жилья человѣка на сѣверѣ даетъ себя знать издалека. Онъ словно разстилается по льду и по лѣсу и стоитъ нетронутый вѣтрами; въ морозъ дымъ даетъ знать о присутствіи человѣка не за версту-другую, а за цѣлый десятокъ верстъ. И запахъ его прорывается, какъ лучъ надежды, среди сѣвернаго путешествія и заставляетъ уже терпѣливо ждать жилья, горячаго чая.

— Ну вотъ, слава Богу, и наши важаны,—проговорилъ вдругъ мой ямщикъ и даже взмахнулъ отъ радости шестомъ надъ оленями.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Вонъ-вонъ мелькаютъ огонечки.

И, дѣйствительно, вдали, на громадномъ пескѣ р. Оби, на льдахъ ея, прищуривъ глазъ, можно увидѣть, какъ будто что-то мелькаетъ среди снѣга; немного погодя можно различить огоньки, черезъ часъ ѣзды мы ужъ прямо несемся на оленяхъ къ яркимъ огнямъ, которые словно выросли на самомъ льду, среди необозримой снѣжной ледяной пустыни.

Даже не вѣрится, что тутъ живетъ человѣкъ, когда кругомъ одинъ просторъ, снѣга, пустыня льды и надъ ними море воды.

А между тѣмъ тутъ не одинъ случайный человѣкъ, ихъ нѣсколько, и, по мѣрѣ того, какъ мы двигаемся, тутъ оказывается цѣлое селеніе, цѣлый городокъ, цѣлое стойбище самоѣдовъ.

Оригинальное зрѣлище ночью при свѣтѣ луны представляютъ эти ледяныя избушки съ мерцающими огнями внутри: онѣ, словно китайскіе фонари, свѣтятся на льду, и свѣтъ этотъ, проходя сквозь ледяныя стѣны и отражаясь на гладкомъ льду, необыкновенно походитъ на электрическій.

Въ этомъ свѣтящемся поселкѣ вмѣсто земли—блестящій ледъ, вмѣсто избушекъ—прозрачныя маленькія ледяныя хижины безъ оконъ. Ледъ повсюду на этихъ оригинальныхъ фантастическихъ строеніяхъ: изъ него сдѣланы амбарчики для рыбы, изъ него устроены оградки для скота, изъ него же выстроенъ и сарай, гдѣ оставляютъ на ночь всѣхъ оленей.

Цѣлое селеніе изъ льда, который наколотъ правильными четырехугольниками и тутъ же сложенъ, словно какія-то громадныя хрустальныя плиты, которыя служатъ стѣнами и потолкомъ и крышей каждой жилой ледянушкѣ.

Не только мы съ проводникомъ, но даже наши олени въ недоумѣніи остановились, увидавъ это освѣщеніе, которое выросло такъ неожиданно передъ нами.

Но нѣтъ, это не что-нибудь фантастическое, а настоящее

жилье полярнаго человѣка: отъ ледяныхъ избушекъ къ намъ налетѣли неожиданно сердитые псы, выскочили люди, и свѣтъ отъ распахнутыхъ дверей, прикрытыхъ шкурами, и отъ захваченныхъ въ руки головешекъ такъ озарилъ все, что пугливые олени поняли, что мы въ жильѣ человѣка.

Казалось, жители этихъ ледяныхъ избушекъ удивились при видѣ насъ точно такъ же, какъ и мы, открывъ неожиданно такое селеніе среди голаго льда.

Произошла шумная, веселая встрѣча, прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ выяснилась причина нашего пріѣзда, и собаки, люди въ оленьихъ шкурахъ и одеждахъ, словно нарочно вывороченныхъ, наизнанку, поняли, въ чемъ дѣло, и стали спокойны и любезны.

* * *

Лучшая изба отдана въ наше распоряженіе, лучшій осетръ къ нашимъ услугамъ, и черезъ какіе-нибудь полчаса мы уже въ ледяномъ помѣщеніи, передъ костромъ огня, сидимъ на мягкихъ шкурахъ оленя. Огонь весело горитъ, насъ окружаютъ люди съ раскрытыми грудями, разбуженные отъ сна, самоѣдскіе ребятишки бѣгаютъ чуть не голые, насъ окружаютъ женщины въ своихъ поношенныхъ ночныхъ нарядахъ, и все это происходитъ какъ будто на землѣ, а не на льду, подъ которымъ всего на аршинъ какой-нибудь катитъ свои воды Обь, съ таинственной глубиной, полной иной жизни, жизни рыбьей. Но это только первое впечатлѣніе: скоро вся обстановка, всѣ разговоры заставляютъ забыть, что огонь костра разложенъ на холодномъ ледяномъ полу; паръ отъ стѣнъ и легкій, сырой воздухъ кажутся такими, какъ будто мы не посреди могучей Оби, а какъ обыкновенно на берегу, и что подъ нами не несутся могучія, обширныя, свѣжія воды.

Странное впечатлѣніе замѣняется новымъ; жизнь, разговоръ отвлекаютъ вниманіе, и уже не страшно, что насъ раздѣляетъ отъ ужасной глубины такое маленькое пространство.

— Какъ вы не тонете?—спрашиваю я рыболововъ, обращая ихъ вниманіе на громадный костеръ огня.

Они даже удивлены такому вопросу.

— Вѣдь тяжесть на льду, притомъ огонь можетъ расплавить ледъ,—говорю я.

Но они только смѣются надъ моими словами и отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, не тонемъ, ледъ вѣдь крѣпкій, не подвижной... Вотъ когда ломаетъ его, тогда бываетъ страшно...

— Развѣ ломаетъ?

— Какъ же! Въ другой разъ, въ бурю ломаетъ.

— Какъ же тогда?—спрашиваю я, недоумѣвая.

— Такъ и живемъ, носимся по волнамъ.

— Но вѣдь льдина можетъ треснуть, изломаться, и вы утоните.

— Зачѣмъ тонуть! У насъ вѣдь съ собой лодки!

— А домъ, а все имущество?

— Избушки, вѣрно, что проваливаются. Какъ треснетъ льдина, ея и нѣтъ.

— И нѣтъ?—удивляюсь я.

— Нѣтъ, провалится съ огнемъ и съ крышей.

И рыболовы говорили это такъ спокойно, какъ будто рѣчь шла о самомъ обычномъ для нихъ дѣлѣ.

Время, однако, было уже за полночь, самоѣдскіе часы-звѣзды показывали приближеніе утра, у нихъ скоро долженъ былъ начаться ловъ осетровъ и другой рыбы, и я, закусивъ свѣжимъ осетромъ, только что выловленнымъ сегодня, съ удовольствіемъ повалился на ледяныя нары и вмѣстѣ съ самоѣдами заснулъ убитымъ сномъ, не думая, что подо мной осетры и водная пучина.

* * *

Когда я проснулся поздно утромъ, то первое, что меня поразило и удивило, это розовый свѣтъ. Пріятный розовый

свѣтъ, которымъ было облито все въ нашей ледяной хижинѣ: и блестящія стѣны, и полъ, и потолокъ съ повисшими сосульками, и вся, рѣшительно вся обстановка...

Оказалось, это дѣло солнца, которое, какъ и вчера, встало ясное изъ-за горизонта и все облило своими лучами, проникнувъ сквозь прозрачныя ледяныя стѣны и окрасивъ все мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ.

Оригинальное освѣщеніе и обстановка! Но въ этомъ розовомъ фанарикѣ было страшно холодно, и я взмолился женщинамъ, чтобы они добыли огня, дали согрѣться. Дровъ, однако, или не было, или ихъ не зажигаютъ днемъ, не знаю, но только женщины не развели огня, а ограничились тѣмъ, что зажгли ночникъ, въ которомъ трещалъ какой-то жиръ, поднимая одну копоть.

— Что это у васъ тутъ горитъ?—спрашиваю я ихъ съ удивленіемъ.

— Рыбій жиръ,—отвѣчаютъ онѣ.

„Вотъ, подумалъ я,—еще новый видъ освѣщенія и отопленія“, и усаживаюсь скорѣе за чай, который тутъ на этой копоти согрѣли.

Короткое чаепитіе съ замерзшими кренделями, ломающими зубы, процедура угощенія заботливыхъ и любезныхъ самоѣдокъ, и я свободенъ и выскакиваю изъ ледяной избушки, чтобы идти на ловлю.

Передо мной все ледяное поселеніе самоѣдовъ среди Оби.

Береговъ не видно; все пространство льда гладко и отсвѣчиваетъ на низкомъ яркомъ и красномъ солнцѣ, и среди этой ледяной гладкой пустыни до десятка ледяныхъ домиковъ, словно сдѣланныхъ изъ синеватаго мрамора, а не льда. А въ сторонѣ на льду группы людей, которые медленно двигаются, и запряженные олени, которые стоятъ неподвижно.

Тамъ, надъ льдомъ, поднимается какой-то паръ въ видѣ длиннаго темнаго облака. Этотъ паръ протянулся далеко къ сѣверу и къ югу, словно рѣка среди ледяныхъ береговъ и

торосовъ, словно громадная полынья въ замерзшемъ морѣ или заливѣ.

Иду по направленію ея и, дѣйствительно, вижу, что это рѣка съ несущимися льдинками; берега ея—громадные льды въ видѣ валовъ и причудливыхъ торосовъ, изъ-за которыхъ выглядываетъ синяя дымчатая поверхность. Паръ несется медленно вмѣстѣ съ теченіемъ этой странной рѣки, протянувшись въ видѣ длиннаго облака надъ всею ея длиною.

Подхожу ближе и вижу ея теченіе; мелкія звонкія льдинки звенятъ и отталкиваются отъ береговъ, а высокіе пикообразные, въ видѣ причудливыхъ горокъ и крѣпостей торосы, озаренные розовымъ свѣтомъ, какъ и все окружающее, тихо смотрятся въ темную воду и отражаются въ ней своими розовыми очертаніями.

Картина достойная того, чтобы залюбоваться ею, если бы не было такъ холодно; отъ пара идетъ какая-то страшная сырость съ морозомъ, и въ одинъ мигъ, не успѣлъ я пройти нѣсколько десятковъ саженъ, какъ одежда моя была уже покрыта легкой изморозью и вся посѣдѣла.

Такими же сѣдыми были и сѣти, встрѣченныя мной на пути, такими же сѣдыми бѣгали по берегу собаки, такими же сѣдыми стояли и олени, понуривъ головы, такой же сѣдиной подернулись, наконецъ, и головы хлопотавшихъ съ важанами самоѣдовъ, которые имѣютъ обыкновеніе даже въ большой холодъ не покрывать головъ, предоставляя ихъ холоду и вѣтру.

Они теперь хлопотали съ своими маленькими лодочками, собираясь осматривать ловушки, и, увидавъ меня, гостя, быстро замахали мнѣ руками, зовя каждый въ свою лодочку, чтобъ выѣхать вмѣстѣ на ловлю.

Эти лодочки были необыкновенно миніатюрны. Сажень длины, аршинъ или немного болѣе въ поперечникѣ, онѣ держали только пару самоѣдовъ и, сдѣланныя изъ досокъ, внушали такъ мало довѣрія, что я невольно искалъ чего-нибудь понадежнѣе.

Но крупныхъ лодокъ не было,—онѣ стояли на случай у становища, и я со вздохомъ довѣрился одному особенно ласково улыбающемуся старичку, который, казалось, съ радостью принялъ меня въ свою лодку.

— Не утонемъ?—спросилъ я его шутя, усаживаясь въ его скорлупку.

— Нѣтъ. Зачѣмъ тонуть на этакой рѣкѣ?—отвѣтилъ онъ мнѣ и съ той же улыбочкой, съ тѣмъ же радушіемъ, съ которымъ звалъ меня въ свою лодку, онъ легонько оттолкнулъ ее отъ ледяного берега, взялся за маленькое веселышко и поплылъ.

Въ одинъ мигъ мы съ нимъ уже очутились въ пару, въ туманѣ, и ледяной берегъ исчезъ, кругомъ вода да маленькія льдинки, и мы съ нимъ словно одни среди этого сѣраго облака колыхающагося пара, который охватилъ насъ, несетъ вмѣстѣ съ клочкомъ этой воды, вмѣстѣ съ бѣлѣющими кругомъ льдинками. И льдинки-то кажутся намъ громадными въ этомъ туманѣ, то какимъ-то звѣремъ, то птицей.

— Куда мы плывемъ, дѣдушка?—спрашиваю я черезъ минуту, освоившись съ этими картинами плаванія зимою.

— Къ ловушкамъ, къ крючкамъ. Тамъ крючки у насъ поставлены на самой стрежѣ, тамъ будемъ ловить, вынимать вмѣстѣ съ самоѣдами рыбу.

— Какъ же мы вытащимъ тамъ осетра,—вѣдь онъ насъ опрокинетъ?—говорю я.

— Нѣтъ, не опрокинетъ: мы его тихонько выведемъ и поколотимъ по головѣ. Зимой онъ смирный. Зимой всякая рыба смирная, потому холодно ей въ водѣ, она тоже, какъ мы, мерзнетъ. Околѣй ты на морозѣ, и съ тобой легко можно справиться,—тоже и рыба, добавилъ онъ и разсмѣшилъ меня этимъ образнымъ сравненіемъ. Я уже, кажется, и такъ сталъ околѣвать на морозѣ и сырости: моя одежда была изъ довольно легкихъ, оленьихъ шкуръ, сдѣланная скорѣе для движенія на лыжахъ, для охоты, и я теперь прекрасно чув-

ствовалъ, какъ подъ нее тихонько забирался морозъ и щекоталъ мнѣ понемногу ноги, потомъ грудь и бока.

Но плаваніе наше было непродолжительнымъ: скоро къ намъ пристали маленькія лодки съ длинными баграми, и вся компанія какъ-то сразу сплылась и остановилась на мѣстѣ, что-то громко говоря по своему на самоѣдскомъ нарѣчіи и вмѣстѣ остятскомъ. Рыбаки уговаривались, съ какого конца поднимать свои переметы. Пока они спорили, насъ несло тихое теченіе вмѣстѣ съ какою-то громадною льдиною, потомъ было рѣшено куда-то подвинуться, и мы снова разстались и потонули въ туманѣ.

Это плаваніе было оригинально: казалось, мы не плавали, а тонули тихо въ воздухѣ; мѣстами туманъ былъ до того плотенъ, что за три сажени не было ничего видно; мѣстами онъ былъ такъ густъ, что его хоть „рѣжь ножомъ", какъ говорятъ моряки.

Но старикъ-рыбакъ прекрасно оріентировался въ этомъ туманѣ, и скоро мы съ нимъ были у противоположнаго ледяного берега, гдѣ стояла какая-то тычка. Отъ этой тычки по направленію къ тому берегу, черезъ открытую полынью, и былъ опущенъ нашъ оказываемый переметъ, который мы тотчасъ же стали тихонько выбирать руками.

Выбираемъ. Въ рукахъ тонкая ровная мокрая бечевка, и на этой бечевкѣ въ концѣ крючокъ довольно крупнаго размѣра, на которомъ ровно нѣтъ ничего.

Крючокъ острый; кажется, вотъ такъ самъ собой и цѣпляется за тѣло.

Меня удивило то обстоятельство, что на крючкѣ нѣтъ насадки.

— Какъ же вы ловите осетровъ?—спрашиваю я старика-рыболова, обращая на это его вниманіе.

— Такъ ловимъ, просто вотъ спустимъ такой крючокъ въ воду съ поплавочкомъ и довольно. Это самоловъ, онъ самъ собой ловитъ.

— Какъ же онъ ловитъ?—спрашиваю.

— Такъ ловитъ, просто: попловочекъ вотъ этотъ болтается, теченіемъ его носитъ, рыба идетъ сытая и играетъ. Рыба тоже въ водѣ забавляется, какъ дѣти: видитъ поплавокъ, видитъ, онъ мотается, и то пощупаетъ его ртомъ, то попробуетъ его хлопнуть плавниками. Другая даже хвостомъ тутъ попадается,—хвостомъ съ нимъ играетъ. Играетъ, играетъ,—смотришь, и зацѣпится: крючокъ острый, какъ иголка;—задѣлъ немного, смотришь, рыба и попалась и остановилась.

— Не малъ ли крючокъ для осетра пуда въ четыре?—говорю я, недовѣряя такому простому объясненію.

— Не вѣрно ты говоришь это: да съ него труднѣе вырваться, чѣмъ съ великаго: онъ колетъ и входитъ глубоко въ тѣло. Рванись, онъ далѣе и далѣе, попробуй, зацѣпись, и ты станешь. Вотъ ты увидишь, какъ осетръ зацѣпится,—добавилъ онъ къ своему разсказу и снова принялся полегоньку бечеву вытаскивать и, осмотрѣвъ, пропускать ее подъ лодку.

— Ну вотъ! Ну вотъ! Смотри теперь пуще глазами,—вдругъ заговорилъ онъ, когда бечевка словно будто натянулась.

Меня охватилъ сразу азартъ рыболова.

Да, бечевка, дѣйствительно, стала туже, потомъ видно, какъ она пошла подъ нашу лодку. „Гребнись, гребнись!“ заторопилъ меня дѣдъ, я отгребнулся немного далѣе, бечевка вытянулась, что-то точно толкнуло лодку, и старикъ спустилъ снасть, выронивъ бечевку, какъ будто рыба сорвалась со снасти.

— Тихонько, тихонько!..—заговорилъ онъ, стараясь говорить какъ можно тише. Бечевка снова тихо подошла поближе къ лодкѣ, старикъ увѣренно и торопливо началъ вынимать ее, и что-то всплыло на поверхность.

Я вглядѣлся: это была кровь.

Вода начала кругами ходить подъ лодкою, потомъ что-то громадное, темное показалось на секунду, и старикъ потянулся одною рукою за багромъ, вынулъ его осторожно изъ

лодочки и сталъ прицѣливаться въ сплывшую въ это время окончательно на поверхность воды рыбу.

Одинъ ударъ, и лодка наша такъ и подпрыгнула на мѣстѣ. Я даже схватился за борта, думая, что тонемъ. Но нѣтъ, мы цѣлы, невредимы и не стало только больше рыбы да нашего багра, которые, казалось, безслѣдно ушли въ воду.

— Ушелъ,—говорю я, увѣренный, что вышла неудача.

— Погоди. Куда уйдетъ? Далеко не уйдетъ раненая рыба,— отвѣтилъ старикъ тихонько и все продолжалъ спускать шнурокъ и слѣдить, далеко ли пошелъ осетръ съ своею удою и нашемъ багорцемъ.

Теперь онъ раненый, со всаженнымъ багромъ; я понялъ, что онъ долженъ скоро утомиться и сталъ ждать, не смѣя тронуться, уже захваченный торжественностью предстоящаго главнаго момента ловли.

Мнѣ эта ловля начинала нравиться. Борьба была тутъ съ крупной рыбой, и я забылъ, гдѣ мы, забылъ морозъ и сырость, которая пронизывала меня, забылъ я туманъ, въ которомъ мы тонули.

Осетръ опустился глубоко и, видимо, осѣлъ на самое дно, Старикъ сталъ понемногу пробовать, не пожелаетъ ли онъ, отдохнувъ, снова подняться, и, дѣйствительно, осетръ, немного погодя, сталъ подниматься тихонько на поверхность.

Показались снова кровь и жиръ на гладкой поверхности воды подъ лодкой, потомъ вскорѣ что-то темное, и багоръ вдругъ высунулся, рыбакъ схватилъ его, и рыба была довольно ловко причалена уже безъ борьбы къ борту нашей лодочки.

Осетръ былъ изъ большихъ и тутъ казался еще больше и, медленно причаленный, едва вздыхая, лежалъ на водѣ чурбаномъ, словно темное неподвижное дерево.

Ударъ, другой по головѣ очнувшагося осетра, и дѣло кончено,—онъ нашъ.

Алая кровь изо рта, бѣлое сало изъ раны, продѣтая ве-

ревка въ голову, и онъ ужъ назади, причаленъ крѣпко около самой лодки на буксирѣ ея за нашею кормою.

— Онъ не очнется, не утащитъ насъ въ воду, дѣдушка?— спрашиваю я, удивленный этимъ послѣднимъ маневромъ.

— Нѣтъ. Зачѣмъ утащить? Не на то дѣлаемъ, чтобы утащилъ. Крѣпко привязанъ,—если и очнется, ему не утащить.

И добродушное, словно удивленное когда-то да такъ и застывшее съ этимъ выраженіемъ лицо самоѣда освѣтилось довольною улыбкою. Онъ бросилъ шнуръ, вытеръ руки, запустилъ одну изъ нихъ къ себѣ за пазуху, вытащилъ оттуда громадную табакерку и сталъ набивать носъ съ ожесточеніемъ, какъ будто этого только и дожидался.

Но этого ему, вѣроятно, показалось мало, онъ выдернулъ еще изъ своей оленьей малицы клокъ шерсти, насыпалъ въ него щепотку табаку и засунулъ ее не безъ важности за щеку, какъ настоящій морякъ-англичанинъ.

— Вотъ теперь хорошо,—добавилъ онъ.

Мы снова занялись шнуркомъ и стали его осторожно вытягивать, подвигаясь за ними впередъ теченія въ туманѣ.

Вдругъ всплескъ, ударъ о что-то деревянное; я обернулся: передо мной около кормы показалось громадное судно съ какими-то гигантами; я видѣлъ только, что гиганты шевелятся и кого-то бьютъ на водѣ громадными веслами, поднимая цѣлые фонтаны.

Громадное судно оказалось черезъ минуту такой же маленькой лодочкой, какъ наша, съ парой рыболововъ, и били они громаднаго неподдающагося имъ осетра, который страшно бился о поверхность.

Старикъ живо бросилъ бечевку и взялся за весла. Еще минута, и мы были у этой лодочки, еще мгновеніе, и мой старикъ ловкимъ ударомъ багра рѣшилъ дѣло. И на поверхности, какъ бревно, бѣлѣя брюхомъ, всплыло водяное громадное чудовище, еще дыша и испуская потоки алой крови; оказался громадный осетръ, и я почти съ ужасомъ

смотрѣлъ на этого четырехпудоваго осетра, который качался неподвижно теперь на волнахъ.

— Спасибо!—закричалъ намъ рыбаки-самоѣды.

— Что, поводилъ?

— Страсть сильный былъ, никакъ не могли съ нимъ справиться,—отвѣчаютъ, затѣмъ тихонько подводятъ животное къ своимъ бортамъ, еще разъ ударяютъ его, словно озлобившись на него, и потомъ со смѣхомъ начинаютъ отливать воду изъ лодки, куда онъ налилъ ее, барахтаясь и водя ихъ по плесу.

— Чуть вѣдь не потопилъ осетръ нашихъ ребятишекъ,— замѣтилъ мнѣ старикъ, отправляясь снова разыскивать спущенную бечовку.

— Случается развѣ? бываетъ это, дѣдушка?—спросилъ я.

— Какъ же!—онъ словно удивился такому вопросу.—Часто бываетъ: опуститъ рыбаковъ на воду, а самъ уйдетъ, шайтанъ его побери вовсе!

— Какъ же вы тогда? Вѣдь плавать не умѣете?

— Не умѣемъ, да плаваемъ. Что? Выкинетъ тебя изъ лодки, только за нее держись, никогда не потонешь.

— Да вѣдь холодно, можно замерзнуть?—говорю ему.

— Какъ не холодно?—усмѣхнулся онъ:—вѣдь на водѣ; а она вонъ какая холодная, особливо въ вѣтеръ. Да холода самоѣдъ не боится, терпитъ.

— Какъ же вы спасаетесь?

— Кричимъ, что есть мочи, товарищамъ, тѣ помогаютъ. Мы никогда не ѣздимъ на промыселъ одной лодкой, все съ товарищами; они и вытаскиваютъ нашего брата, который въ водѣ окажется, если его выкинетъ осетеръ или льдина.

— Какъ же вытаскиваютъ, когда въ вашей лодкѣ нельзя даже пошевелиться?

— Въ лодку зачѣмъ вытаскивать? Такъ къ берегу, буксиромъ выводятъ или на льдинѣ.

Я живо представилъ себѣ это положеніе и терпѣніе самоѣдовъ, когда ихъ въ этакій морозъ, до половины мокрыхъ,

въ мохнатыхъ малицахъ, буксируютъ съ версту по холодной водѣ, прежде чѣмъ вытащить на берегъ.

— Ты тонывалъ, дѣдушка?—спрашиваю я старика.

— О! сколько разъ тонывалъ,—даже сколько, не помню! Совсѣмъ уходилъ съ головой иной разъ подъ воду, да ничего вотъ, живъ и по сіе время. Никогда не утонешь, только не бойся ничего и держись, хватайся. Тонутъ тѣ, кто оробѣетъ. Робѣть вотъ это самое неладное: шайтанъ видитъ, что ты оробѣлъ и тянетъ.

— Да неужели шайтанъ, дѣдушка?

— А кто больше?

Но я уже не сталъ оспаривать его, и мы снова начали вытаскивать шнурокъ, который нашли у ледяного берега.

* * *

Мы добыли съ добрымъ старикомъ-самоѣдомъ еще маленькаго осетрика, задѣтаго удой за плавникъ, и потомъ поѣхали на оленяхъ на другія ловушки осетровъ ближе къ берегу, куда рыба болѣе забивается во время ледостава.

Мы подъѣхали къ какому-то заливчику у берега, въ который впадала маленькая тундровая рѣчка.

Потому ли, что оттуда сочилась свѣжая, питательная вода, или потому, что рыба эта любитъ забиваться подъ ледъ, даже тамъ, гдѣ очень неглубоко, всего какихъ-нибудь аршинъ или два глубины, но осетръ туда лѣзетъ, по словамъ моего старика, удивительно, и тамъ случается добывать его болѣе, чѣмъ на самой рѣчкѣ.

И, дѣйствительно, только что мы туда пріѣхали на парѣ тощихъ оленей и вытащили самоловы и сѣти, какъ сразу добыли трехъ большихъ осетровъ, которыхъ и нагрузили на санки.

Здѣсь ловля была проще и интереснѣе: рыбу просто выволакивали, уже измученную, въ широкія проруби и били на льду по головѣ палками.

Въ то время, какъ мы возились со старикомъ, устанавливая сѣти и самоловы, олени, должно быть, голодные, усиленно лизали туши осетровъ на саняхъ.

— Дѣдушка,—говорю я ему,—вѣдь олени поѣдятъ у тебя осетрину.

— Нѣтъ, не поѣдятъ, это они сало ихнее лижутъ.

— Развѣ они любятъ сало рыбы,—удивился я,—рыбу ѣдятъ?

— А какъ же! Олень очень любитъ жрать рыбу: оставь, хоть соленую, и онъ ее въ ночь такъ вылижетъ, что у ней останутся только ребра.

Я не мало удивлялся такой способности оленей, но это было вѣрно.

За тѣмъ, за другимъ быстро пролетѣло время; не успѣли мы закончить ловлю на важанахъ, какъ наступили сѣрыя сумерки, и, если бы не свѣтъ луны, которая опять уже всплыла на небосклонѣ, мы, вѣроятно, не скоро выбрались бы отсюда, и пожалуй, даже заблудились бы.

Но ночь была чудесная: блеску луны помогало сѣверное сіяніе, и я, идя уже пѣшкомъ за довольно тяжелымъ возомъ, не могъ достаточно налюбоваться этимъ сіяніемъ, какъ оно развертывало передъ нами свои ленты и бросало вымпелы высоко-высоко къ небу.

Вдругъ среди этого свѣта показалось что-то таинственное, двигающееся параллельно нашему движенію.

Не то эта была лодка на парусахъ, не то корабль, не то какой-то миражъ. Я просто не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Что это такое? Что это такое? — спросилъ я старика, догоняя его за нартой.

— Это наши ребята ѣдутъ съ берега, — просто онъ отвѣчалъ.

— Какъ съ берега? На парусахъ?

— Да, на парусѣ ѣдутъ, на санкахъ,—отвѣчалъ онъ,—съ ловли...

— Какъ же такъ?—недоумѣваю я.

— Вотъ увидишь!—онъ свернулъ на перерѣзъ несущемуся парусу, и мы остановились.

Черезъ минуту я, дѣйствительно, увидалъ нѣчто поразительное: мимо меня съ шуршаніемъ пронеслись оленьи санки, и на нихъ, при свѣтѣ луны и сѣвернаго сіянія, я хорошо разсмотрѣлъ пару самоѣдовъ, которые спокойно сидѣли на парѣ осетровъ, управляя парусомъ и бороздя ногами.

Оказалось, что къ санкамъ прикрѣпленъ былъ парусъ, мачтою служили просто багры и копья, а руль, какъ объяснилъ старикъ, прекрасно замѣняли ноги пассажировъ.

Это былъ просто самодѣльный буеръ, изобрѣтенный самоѣдами, которые съ его помощью катаются и возятъ съ берега клади.

— И часто у васъ такъ катаются?—спросилъ я старика, который объяснилъ мнѣ все это устройство.

— Всю осень катаются, у кого нѣтъ оленей, а часто и зимой ѣздятъ по Оби, даже когда бываетъ снѣжно. Здѣсь мало снѣговъ, и это удобно,—замѣтилъ онъ,—и мы, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали путь по тому же направленію, въ которомъ скрылись несущіеся самоѣды.

— И удобно?—спрашиваю я, все еще занятый видѣннымъ экипажемъ.

— Хорошо,—отвѣчаетъ старикъ:—такъ мы часто вывозимъ осетровъ на берегъ, такъ ѣздимъ и на промыселъ, когда олень устанетъ. Чѣмъ его кормить на льду у нашихъ важановъ? Моху нѣтъ, рыбы опять немного жалко, голодомъ на вѣтру недолго продюжить, вотъ его и замѣняетъ парусъ. Вонъ и наше становье на льду!—вдругъ обрадовался онъ, увидавъ мелькавшіе огни среди сумерекъ.

Дѣйствительно, сквозь вечерній сумракъ, сквозь свѣтъ луны и сѣвернаго сіянія слабо выглянули и загорѣлись красные огоньки.

Черезъ часъ, не болѣе, мы были уже у становища, и вче-

рашняя картина огней, свѣтлыхъ мягкихъ фонариковъ изъ льда, фантастическаго жилища самоѣдовъ, снова была передо мной, и я поспѣшилъ войти въ свою ледяную избушку.

Тамъ было шумно и весело: большая толпа рыбаковъ словно ожидала насъ, и посреди хижины весело горѣлъ костеръ изъ свѣжихъ дровъ, которыя привезли изъ тальниковъ съ берега.

Первое, что меня поразило при входѣ, было общее веселье.

Я думалъ, что случилось что-нибудь необычайное, особенно веселое, но оказывается, единственная причина веселости было общее довольство: сегодня словили до полсотни осетровъ, промыселъ далъ бы на наши деньги чуть не тысячу рублей, и самоѣды были настолько счастливы, что всѣ громко повѣряли другъ другу свои впечатлѣнія короткаго дня и радостно смѣялись.

Эта семья рыбаковъ, теперь сидѣвшая съ раскрытыми грудями, въ своихъ теплыхъ спальныхъ одѣяніяхъ, освѣщенная огнемъ весело потрескивающаго костра, была настолько живописна, что я пожалѣлъ, что я не художникъ.

На сцену притащили, какъ угощеніе, свѣжаго осетра, громадное животное положили вверхъ брюхомъ, и острый ножъ умѣло вскрылъ его, а женщины поставили передъ нами полную чашку свѣжей икры, которой позавидовали бы въ любомъ столичномъ ресторанѣ.

Немного соли, перцу, рюмочка другая водки на брата и икра, свѣжая зернистая икра, исчезла съ удивительной быстротой. Затѣмъ всѣ вооружились ножами и принялись за самаго осетра.

Черезъ полчаса отъ осетра осталось только одно воспоминаніе; толпа въ десять душъ съѣла его съ головы до самаго хвоста, и даже псы и тѣ какъ будто были въ удивленіи, куда дѣвалось громадное животное, по крайней мѣрѣ, въ два пуда вѣсомъ.

Осетръ съѣденъ, ножи вытерты и положены снова чистыми въ свои ножны, и женщины уже готовятъ новое угощеніе: онѣ кипятятъ чай въ громадныхъ мѣдныхъ чайникахъ, заваривая цѣлыя горсти кирпичнаго чаю.

— Однако,—замѣчаю я,—вы весело и жирно живете!

Они смѣются, улыбаются довольные. Я подсчитываю ихъ обѣдъ на наши деньги, и оказывается, что они проѣдаютъ въ одинъ вечеръ въ два раза болѣе, чѣмъ мы въ любомъ столичномъ ресторанѣ.

— На промыслѣ да не ѣсть!—замѣчаетъ одинъ.—Всѣ съ нимъ соглашаются, говоря, что зато въ другое время они голодаютъ.

Выпивается безчисленное число чашекъ чая, и самоѣды, сытые, красные, располагаются на шкурахъ оленей, закуривая свои трубки.

Глядя на эту толпу, на этихъ важныхъ самоѣдовъ-рыбопромышленниковъ, кажется, видишь не дикарей, а просвѣщенныхъ рыболововъ, которые, умѣя отважно работать и рисковать своею жизнью, умѣютъ и попить, и поѣсть, и отдохнуть, и насладиться вволю.

Наступилъ веселый вечеръ отдыха, начались безконечныя воспоминанія, разговоры; промышленники сбились въ дружную семью, и я навелъ разговоръ на то, что бываетъ на важанахъ, какія случайности, опасности.

Оказалось, не всегда бываетъ такъ гладко и сыто, какъ въ этотъ разъ: бываютъ и настоящіе темные дни для этихъ сыновъ природы, такіе дни, которые совсѣмъ незнакомы намъ, которые ужасны даже въ однихъ воспоминаніяхъ.

— Наше рыболовство ничего себѣ, — началъ на мой вопросъ одинъ рябой, здоровый самоѣдъ, который почему-то пользовался особеннымъ почтеніемъ,—если бъ было всегда такъ тихо на рѣкѣ; но вотъ плохо, вотъ бѣда, когда ледъ кругомъ запотрескиваетъ и съ моря нагрянетъ буря. Тогда сидишь ни живъ, ни мертвъ въ такой ледяной избушкѣ. Со

мной вотъ что было разъ также осенью, когда я важанилъ у Долгаго мыса.

— Разскажи,—поспѣшилъ я попросить.

И разсказчикъ, словно довольный, что на его долю выпало такое вниманіе, подвинулся къ огню, поправилъ его, взялъ какую-то вѣточку тальника, словно въ ней вся сила, и началъ разсказъ.

— Промышляли осенью мы въ тотъ разъ съ Кузьмой Пыркомъ: онъ, баба его съ ребятами да я. Ну, знаете, вотъ такъ же середи губы, въ маленькой избушкѣ, осетра этого навалили кучу, такъ полѣнницей и стояла у избы; а оленей у насъ не было, бѣдно тогда еще было наше дѣло: Кузьма лѣтомъ пасъ оленей у Ѳомы только за одну важенку *), а я, что было съ осени послѣ добычи въ сорѣ **), все пропилъ на пескѣ ***). Такъ сошлись вотъ разъ, надумали и выбрались на средину губы. Осень тогда была хорошая, сполоховъ не было такъ часто, вѣтра не трогали пловучихъ льдовъ, и мы, было, задумывали уже отправиться на берегъ искать тамъ возчиковъ для осетровъ, какъ тутъ случилась съ нами маленькая проруха. Вдругъ звѣрь появился въ полыньѣ.

— Какой звѣрь?—спрашиваю я, недоумѣвая.

— Просто звѣрь, морской звѣрь—нерпа, маленькая нерпуха... Навалило ея откуда-то съ моря просто тьма. Придешь къ берегу, посмотришь въ полынью, такъ всюду она, какъ грязь, чернѣется. Обзарился Кузьма, обзарился я и давай ее тутъ бить. Которая встанетъ, въ лобъ, которая подалѣ—пулей. Выстрѣлишь разъ, передъ тобой ихъ соберется куча, цѣлишься въ одну, передъ тобой рукой достать другая. Набили мы ее столько этой нерпы, что не пересчитать, берегъ весь на полыньѣ уклали, сами уже не знаемъ, къ чему колотимъ. Колотимъ и колотимъ, а звѣря прибыва-

*) Самка оленя.

**) Заливное озеро.

***) Рыбалка.

етъ. Вотъ появился и тюлень, бѣлуга пришла откуда-то, явились даже ялмовскіе моржи. Отъ одного моржа едва мы тутъ укрылись! Сердитый такой съ моря пришелъ, даже заревѣлъ, какъ увидалъ насъ у берега. И только это мы присѣли, было, съ Кузьмой его подманить, какъ онъ нырнулъ подъ насъ и поднялъ ледъ на спинѣ.

— Что ты?—даже удивились самоѣды.

— Вѣрно,—говорю, поднялъ, допроси Кузьму.

— Что же,—говорю,—вы?

— Едва мы выбрались изъ каши. Чуть-чуть вѣдь чудище не забрало клыками. На ледъ такъ выпрыгнулъ, что мы едва убрали пятки. Тутъ и пищаль моя покончилась, пошла ко дну. Только тогда мы съ Кузьмою опомнились, когда пищаль потопили. Опомнились, и даже страшно стало. Кузьма говоритъ: „шайтанъ“. Шайтанъ ли это былъ, иль моржъ на самомъ дѣлѣ, я не знаю,—продолжалъ разсказчикъ,—только знаю, что мы послѣ того опомнились. Какъ посмотрѣли на небо, видимъ, неладно. Небо такое нехорошее, плывутъ все кругленькія облачка, ночами заиграли страшные сполохи, и слышимъ, ночью ледъ нашъ запотрескивалъ, мы догадались, что въ морѣ стала буря. Спасибо нашему моржу: спасли мы тогда бабу. И только что мы выбрались съ Кузьмой обратно съ берега, куда ее съ ребятами и съ харчемъ отвозили, какъ началась метель. И Господи Боже мой, какая метель, пурга ударила съ Урала! Снѣгъ подняло до капли весь на воздухъ, въ избушку полетѣли брызги, ледъ, песокъ откуда-то съ бугровъ бросаетъ, какъ лопатами, свистъ тугъ поднялся такой, что носа не показывай на улицу. Куда на улицу? Только пойди, сорветъ тебя и унесетъ въ воду. Лежимъ мы это день съ Кузьмой, сырого осетра гложемъ. Лежимъ другой, погоды дожидаемся. Не унимается погода! А ночью сполохъ. Такіе страшные сполохи, что небо словно загорается. Лежимъ мы третій день, вотъ и запотрескивалъ уже поближе ледъ. Трещитъ, трещитъ и ровно будто ухнетъ. Да порой такъ

треснетъ, что даже мы пробудимся, соскочимъ. Слыхать, заговорило море, слыхать, и заскрипѣли льды. Скрипятъ близехонько, какъ звѣри воютъ, и только ляжешь на ледъ, прислушаешься, что онъ разсказываетъ, такъ волны, слышно, близко и подходятъ. „Что, говорю, Кузьма, вѣдь унесетъ насъ въ море? „Унесетъ, говоритъ, братъ. Себя не жалко, бабы жалко, погибнетъ на берегу одна, не выбраться ей въ становище". И только это мы промолвили съ нимъ, какъ трахъ, льдина треснула подъ нами, и въ полу сдѣлалась щель. Мы такъ и выскочили на вѣтеръ изъ избушки. Куда? Кругомъ темно и буря воетъ, уйди сажень, не видно стѣнъ избушки; сидимъ мы у стѣны и думаемъ, что будетъ. Лодчонка тутъ стояла, мы подъ нее, да такъ всю ночь до свѣта и лежали, пока не разсвѣло. Разсвѣтало. Посмотрѣли мы, а половины избушки какъ не бывало: какъ треснула подъ ней льдина, разошлась она и ушла, почитай что вся, въ воду, только уголъ съ лодкой и остался. И осетровъ нашихъ полѣнница съ ней ушла, а тюленей, нерпухъ, какъ не бывало! Все, что дала намъ вода, все водяной взялъ обратно! Да что, мы ужъ не жалѣли объ этомъ, лишь бы самимъ выбраться живыми на берегъ.

— Ну и что же, вы выбрались?—спрашиваю я.

— Выбрались, только ужъ къ вечеру, какъ немного стихла буря. На лодочкѣ и выбрались съ Кузьмой. А не стихни она, продолжись еще суточки, ушли бы и мы въ воду. Что, велика ли наша лодка? А кругомъ волны страшенныя, ледъ, того и гляди, затретъ тебя, нельзя пихнуться, пустить ее въ полынью,—вода въ лодчонку заливается. Я гребу, Кузьма отливаетъ воду. И такъ съ самаго утра до самаго вечера. А смотримъ, погода снова раздувается и, только что мы пристали къ берегу, къ чуму бѣжимъ, такая грянула непогодь, что мы два раза лежали въ снѣгу, пока добрались до своего чумишка. На бабѣ лица нѣтъ, какъ мы ворвались въ чумъ; она собаку уже зарѣзала, чтобъ умилостивить бога, и такъ эти дни и сидѣла голодная, все думая, что дѣлать.

— Вотъ какъ достаются порой эти осетрики,—добавилъ онъ,—а вы, поди, думаете тамъ, кушая ихъ, что наше житье сладко?—спросилъ онъ меня и засмѣялся.

— И такъ все вами промышленное пропало?—спрашиваю я.

— Все, какъ есть все, только пару осетровъ съ бабой и вывезли на берегъ. Были и мы богатыми,—заключилъ онъ,—да только вотъ, ровно во снѣ, а не на яву, намъ послали это богатство наши боги. Съ тѣхъ поръ, который годъ пытаю счастье, а такого промысла уже нѣтъ.

Но не успѣлъ онъ кончить свой разсказъ, какъ въ нашу бесѣду ворвался новый человѣкъ изъ другой сосѣдней избушки и сказалъ, какъ-то опасливо, что на небѣ сполохъ.

Мы выскочили всѣ на улицу, да такъ и встали у избушки, дрожа отъ страха. На небѣ было что-то ужасное: весь небосклонъ покрылся заревомъ пожара, а разноцвѣтныя ленты, вымпелы, лучи, такъ и ходили по нему, словно бороздя все небо. Весь небосклонъ съ сѣвера до юга то словно вспыхивалъ кругомъ, то погасалъ, чтобы снова вспыхнуть.

— Погода будетъ,—сказалъ старикъ, съ какимъ-то дрожаніемъ въ голосѣ.

Другіе молча стояли и смотрѣли.

И эта толпа дикарей у ледяной избушки, молча смотрящая на небо, до сихъ поръ вотъ такъ и стоитъ передо мной на этомъ льду, который вспыхиваетъ и озаряется кровавыми и блѣдными огнями.

Всю эту ночь мы не спали, прислушиваясь ко льду, онъ нѣтъ-нѣтъ и крахнетъ гдѣ-то, какъ будто проваливаясь, и этотъ крахъ, этотъ гулъ, подобный грому, такъ и откликнется въ душѣ, такъ и сожметъ невольно сердце.

Но ночь прошла благополучно, спокойно до самаго утра играли зарева сіянія, и только утромъ я заснулъ, готовый уже покинуть это становище, чтобы не возвращаться въ него.

Утромъ мы, дѣйствительно, это сдѣлали, и когда мы собирались въ путь, когда мы снова укладывались въ сани, все

становище было уже на ногахъ и тоже спѣшно все укладывало, чтобы перебраться до вѣтра на берегъ. Женщины таскали котлы, дѣти бѣгали, уже одѣтыя въ свои малицы, собаки доѣдали послѣднія рыбьи кости, олени стояли въ упряжи, и повсюду на дворахъ лежали громадные сѣрые осетры, которыхъ быстро складывали на санки и завязывали. Ледяныя избушки какъ-то печально стояли, уже наполовину опустошенныя, и вѣтеръ забѣгалъ въ нихъ и порошилъ ихъ снѣгомъ, какъ бы овладѣвъ ими передъ бурей.

Такъ быстро и неожиданно нарушила погода бывшую недавно тихую жизнь. Я пожалѣлъ ее. Мы простились и двинулись съ проводникомъ дальше.

Тревога самоѣдовъ, дѣйствительно, оказалась ненапрасной: въ тотъ же день съ сѣвера налетѣла непогода, и мы успѣли сдѣлать только одну станцію по берегу Оби, а затѣмъ должны были залечь въ чумѣ и пролежать въ немъ цѣлую недѣлю времени, не смѣя высунуть носа на улицу, благодаря вѣтру и снѣгу.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Волкодавъ	3
Мишка	23
Пипъ	63
На юровой	70
На важанахъ	92

Архангельская
Областная
БИБЛІОТЕКА
им. М. А. Добролюбова

Книгоиздательство Д. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ГАТЦУКЪ, В. (Перев.) **Ближе всѣхъ къ южному полюсу.** Съ рисунками. Ц. **25** коп. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. город. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ. (Отнош. № 25450, отъ 18 сент. 1910 г.).

— **Король пылающихъ колецъ.** Ц. **10** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Пара слѣпыхъ.** Ц. **3** к. О. О. У К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Владыка стекляннаго дома.** Ц. **3** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Стариннаго твердаго закала.** Ц. **3** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Госпожа Крыса и неизвѣстный.** Ц. **3** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Во мракѣ невѣдомаго.** Ц. **6** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Карръ.** Ц. **3** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

— **Орлиный нахлѣбникъ.** Ц. **10** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 36255, отъ 3 ноября 1911 г.).

ЕФИМЕНКО, А. Я. На Украйнѣ. Выпускъ первый. На родинѣ.—Бандуристъ.—На майданѣ.—Татарскіе набѣги.—Какъ Самуилъ Кошка убѣжалъ изъ татарской неволи. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. **30** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низш. учебн. завед. и въ безпл. библ. пар. чит. (Отн. № 2962, отъ 30 апрѣля 1910 г.).

— **На Украйнѣ.** Выпускъ второй. Чумакъ.—Богданъ Хмѣльницкій—Пасѣчникъ Чернаго лѣса.—Изъ быта Польши.—Т. Г. Шевченко. Изд. 4-е. Съ рис. Ц. **30** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. низш. уч. заведеній и въ безпл. нар. чит. (Отн. № 2962, отъ, 30 янв. 1910 г.).

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

ЕФИМЕНКО, А. Я. На Украйнѣ. Выпускъ третій. Канунъ Рождества.—Старыя книжки.—Въ куренѣ.—Цадикъ.—Сказка про жадную купчиху да про бѣдную старушку. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. **25** к. О. О. У. К. М. Н. П. всѣ три книжки **допущены** въ учен. и библ. низ. учеб. завед. и въ безплат. библ. и чит. (Отнош. № 2962, отъ 30 янв. 1910 г.).

— **На Украйнѣ.** Выпускъ четвертый. Самуилъ Зборовскій. Съ рис. худ. К. Фридберга. Ц. **20** к. О. О. У. К. М. Н. П. признана заслуживающей вниманія при пополненіи безпл. библ. и чит. (Отнош. № 6983, отъ 8 марта 1910 г.).

ИНФАНТЬЕВЪ, П. Сибирскіе разсказы. Маленькіе китоловы.—Беркутъ Галея.—Смерть Омулина.—Враги.—Возвращеніе со святокъ.—Ночная тревога. Съ рис. Ц. **50** к.

ПИРИ, РОБЕРТЪ. Открытіе сѣвернаго полюса. Пер. съ англ. А. Д. Дмитріева. Со мног. рис. Ц. **50** к.

ПРУЖАНСКІЙ, Н. Изъ разсказовъ Фильки Медвѣжатника. Ц. **15** к. О. О. У. К. М. Н. **допущена** въ учен. библ. низ. учебн. завед. (Отн. № 16213, отъ 11 апр. 1912 г.).

РОЗОВЪ-ЦВѢТКОВЪ, В. Три года на островѣ людоѣдовъ. Съ рис. **10** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библ. низ. уч. зав. (Отнош. № 3240, отъ 4 февр. 1910 г.).

РОССІЕВЪ, П. А. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Съ рисунками. Ц. **25** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народныя читальни и библіот. и для публичныхъ народныхъ чтеній. (Отн. № 5044, отъ 22 апрѣля 1905 г.).

ТАГѢЕВЪ БОРИСЪ,—РУСТАМЪ БЕКЪ. Въ заоблачной странѣ. Очерки и разсказы изъ жизни въ Ферганѣ и на Памирѣ. Съ рисунками и картой. Ц. **60** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безпл. народн. чит. и библіот. (Отн. № 5263, отъ 29 апрѣля 1905 г.).

— **По горамъ и степямъ Азіи.** Съ рисунками. Ц. **45** к. О. О. У. К М. Н. П. **допущена** въ ученич. библ. низшихъ и сред. заведеній и въ безплат. библ. и чит. (Отношеніе № 10074, отъ 30 марта 1910 г.).

— **Черезъ Алай и Памиръ.** Очерки путешествій по Памиру. Со многими рисунками. Ц. **15** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библіотеки низшихъ училищъ. (Отнош. № 28966, 20 декабря 1904 г.). Главн. Упр. В. У. З. **рекомендована** для чтенія кадетамъ VI и VII классовъ. («Пед. Сб.», № 7, 1905 г., стр. 86).

1p. 50k.